

2023 | Том 3 | № 2

ISSN 2738-2729 (Online)

URBIS ET ORBIS

МИКРОИСТОРИЯ И СЕМИОТИКА ГОРОДА

RUSSIAN-ARMENIAN
UNIVERSITY

ISSN 2738-2729 (Online)

YAROSLAV-THE-WISE
NOVGOROD STATE
UNIVERSITY

URBIS ET ORBIS

MICROHISTORY AND SEMIOTICS OF THE CITY

2023 | Vol. 3 | No. 2

Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города. 2023. Том 3. № 2

Журнал «Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города» – научное рецензируемое периодическое издание открытого доступа. Журнал организован для обсуждения теоретических проблем, связанных с городским пространством, городами в художественных текстах, а также с визуально-семиотическими и микроисторическими исследованиями.

В журнале публикуются работы по следующим темам: городские формы культурной коммуникации, визуальная семиотика города, социология города, городская архитектура как семиотическая система, визуальная экология, код города, городские практики, футуристические и утопические модели города, городской фольклор, образ города, сакральные пространства города, виртуальный город, город в искусстве, фотографии, кино и литературе. Данный список тем не является закрытым и может быть расширен.

Журнал принимает к публикации: оригинальные статьи, переводы зарубежных материалов, эссе, рецензии, интервью, научные доклады, обзоры, отчёты о научных событиях.

Журнал индексируется в РИНЦ, ERIN PLUS, DOAJ и Ulrich's Periodicals Directory.

Главный редактор

Е. Г. Маргарян (Российско-Армянский университет, Ереван, Армения)

Заместители главного редактора

С. С. Аванесов (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Россия)

Т. С. Симян (Ереванский государственный университет, Армения)

Приглашённый редактор номера

И. Н. Духан (Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь)

Ответственный секретарь

Е. И. Спешилова (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Россия)

Редакционная коллегия

Г. В. Горнова (Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия)

П. Я. Ференьски (Вроцлавский университет, Польша)

А. Цимдиня (Латвийский университет, Рига, Латвия)

И. Н. Духан (Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь)

Л. М. де Баррос Пинто (Университет интерьера, Ковилья, Португалия)

С. П. Кауи (Университет Калифорнии, Лос-Анджелес, США)

Редакционный совет

Э. Джгеренаиа (Государственный университет имени Ильи Чавчавадзе, Тбилиси, Грузия)

В. Л. Круткин (Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия)

М. С. Ильченко (Институт истории и культуры Восточной Европы имени Лейбница, Лейпциг, Германия)

И. А. Пильщиков (Калифорнийский университет, Лос-Анджелес, США)

Дж. Р. Рассел (Гарвардский университет, Кембридж, США)

Ж. Р. Сладкевич (Гданьский университет, Польша)

С. А. Смирнов (Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия)

Е. Г. Трубина (Университет Северной Каролины, Чапел-Хилл, США)

В. Г. Щукин (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Соучредители

МОУ ВО «Российско-Армянский университет»

Адрес соучредителя: 0051, Армения, Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123

Телефон: +374 91 93-31-23

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»

Адрес соучредителя: 173003, Россия, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 4

Телефон: +7 8162 62-72-44

Адрес редакции: 0051, Армения, Ереван, ул. Овсепя Эмина 123, ауд. 444

Телефон: + 374 55 81-00-93, +374 91 24-54-96

E-mail: urbistorbis2021@gmail.com

Сайт журнала: <https://urbisetorbis.rau.am/>

© Российско-Армянский университет, 2023

© Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2023

Все права защищены

Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City. 2023. Vol. 3. No. 2

Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City is a scientific peer-reviewed open access journal. The journal is established to discuss theoretical problems related to urban space, cities in literary texts, as well as visual-semiotic and microhistorical studies.

Materials on the following topics are accepted for publication in the Journal: urban forms of cultural communication, visual semiotics of the city, sociology of the city, urban architecture as a semiotic system, visual ecology, city code, urban practices, futuristic and utopian models of the city, urban folklore, image of the city, sacred spaces of the city, virtual city, the city in art, photography, cinema, and literature. This list is not exhaustive and can be expanded.

The Journal publishes original articles, translations of foreign publications, essays, reviews, interviews, research reports, bibliographic reviews, scientific event reports.

The Journal is indexed in the Science Index, DOAJ, ERIH PLUS and Ulrich's Periodicals Directory.

Editor-in-Chief

Yervand G. Margaryan (Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia)

Vice-Editors

Sergey S. Avanesov (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia)

Tigran S. Simyan (Yerevan State University, Armenia)

Guest Editor of the Issue

Igor N. Dukhan (Belarusian State University, Minsk, Belarus)

Executive Secretary

Elizaveta I. Speshilova (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia)

Editorial Board

Ausma Cimdiņa (University Latvia, Riga, Latvia)

S. Peter Cowe (University of California, Los Angeles, USA)

Piotr Jakub Fereński (University of Wrocław, Poland)

Galina V. Gornova (ITMO University, St. Petersburg, Russia)

Igor N. Dukhan (Belarusian State University, Minsk, Belarus)

Luís Miguel de Barros Moreira Pinto (University Beira Interior, Covilhã, Portugal)

Editorial Council

Emzar Jgerenaia (Ilia State University, Tbilisi, Georgia)

Mikhail S. Ilchenko (Leibniz Institute for the History and Culture of Eastern Europe, Leipzig, Germany)

Viktor L. Krutkin (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Igor A. Pilshikov (University of California, Los Angeles, USA)

James Robert Russell (Harvard University, Cambridge, USA)

Żanna Śladkiewicz (University of Gdańsk, Poland)

Sergey A. Smirnov (Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia)

Wasilij G. Szczukin (Jagiellonian University, Kraków, Poland)

Elena G. Trubina (University of North Carolina, Chapel Hill, USA)

Founders

Russian-Armenian University

Address: 123 Hovsep Emin Street, Yerevan, Armenia, 0051

Tel.: +374 91 93-31-23

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

Address: 41 Bolshaya Sankt-Peterburgskaya Street, Veliky Novgorod, Russia, 173003

Tel.: +7 8162 62-72-44

Editorial address: 123 Hovsep Emin Street, Yerevan, Armenia, 0051, aud. 444

Tel.: + 374 55 81-00-93, +374 91 24-54-96

E-mail: urbistorbis2021@gmail.com

Online address: <https://urbistorbis.rau.am/>

© Russian-Armenian University, 2023. All rights reserved

© Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 2023. All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Н. Духан</i> От приглашённого редактора	183
Город в теории	
<i>Н. R. Vermishyan, S. G. Michikyan, A. N. Ghalamdaryan</i> Urban Ideologies: Theoretical Backgrounds, Dimensions and Measures	189
<i>А. Е. Гашенко</i> Антропоморфизм города в метафорах его компонентов и процессов	206
<i>Е. В. Мохова</i> Соотношение городского и загородного образов жизни (на примере архитектуры А. Палладио)	214
Город в истории	
<i>Т. Г. Румянцева</i> Город Кёнигсберг как фактор становления Канта-философа	226
<i>N. S. Zelezinskaya</i> Strategies of Personification of the Image of London: From Binary Conflicts to Systems	234
<i>О. Д. Баженова</i> Образ города в книгах Павла Шпилевского и Владислава Сырокомли: вербальное vs визуальное	242
Город и современность	
<i>Б. Н. Паньшин</i> Роль цифровой культуры в развитии современного города	259
<i>И. Я. Мацевич-Духан</i> Этос креативного пространства в современном городе	271
Рецензии	
<i>Е. Г. Маргарян</i> Ода городу. Рецензия на: Цјine, N. V. (Ed.). (2023). <i>Memories of Yerevan</i> . Artguide s.r.o.	284

CONTENTS

<i>Igor N. Dukhan</i> From guest editor	183
The City in Theory	
<i>Harutyun R. Vermishyan, Srбуhi G. Michikyan, Armine N. Ghalamdaryan</i> Urban Ideologies: Theoretical Backgrounds, Dimensions and Measures	189
<i>Anton E. Gashenko</i> City Anthropomorphism in Metaphors of its Components and Processes	206
<i>Ekaterina V. Mokhova</i> The Correlation of Urban and Country Lifestyles (on the example of A. Palladio’s architecture)	214
The City in History	
<i>Tatyana G. Rumyantseva</i> Königsberg City as a Factor in the Development of Kant-Philosopher	226
<i>Natalia S. Zelezinskaya</i> Strategies of Personification of the Image of London: From Binary Conflicts to Systems	234
<i>Olga D. Bazhenova</i> The Image of the City by Pavel Shpilevsky and Władysław Syrokomla: Verbal vs Visual	242
The City and Modernity	
<i>Boris N. Panshin</i> The Role of Digital Culture in the Development of a Modern City	259
<i>Iryna Ya. Matsevich-Dukhan</i> The Ethos of Creative Space in Contemporary City	271
Reviews	
<i>Yervand G. Margaryan</i> An Ode to the City. Review of: Iljine, N. V. (Ed.). (2023). <i>Memories of Yerevan</i> . Artguide s.r.o.	284

ОТ ПРИГЛАШЁННОГО РЕДАКТОРА

Современная «продвинутая» урбанистика оказывается отображением той стилистики существования, в которой ускоренное развитие стало стратегией *Große Transformation*. Если мир вокруг нас не ускоряется, значит, он «отстаёт» и «выпадает» из современности. В данной логике урбанистика продолжает работать. Выразительным примером является урбанизация Тель-Авива и его агломерации в последнее десятилетие: исторический Тель-Авив, представлявший собой экзотический симбиоз арабских поселений, ранней еврейской урбанизации первых десятилетий XX века с компактными дворами и острохарактерными ориентальными мотивами школы Бецалель, с огромными анклавами геометрической архитектуры Баухауза 1920–1930-х годов, постепенно уступает место высотной и высокотехнологической среде небоскрёбов.

Интересны социокультурные последствия новой волны радикальной модернизации. Небоскрёбы с их прекрасными видами из умных офисов и апартаментов резко трансформируют социокультурную ситуацию центра. В новых, исключительно выразительных по формообразованию сооружениях, апартаменты приобретали состоятельные выходцы из Америки и Европы, сотрудники хай-тека, селебрити. Интересным визуальным феноменом Тель-Авива стало своеобразное визуальное наслаивание одних двадцатых на другие: новая высотная среда 2020-х выросла в окружении исторического модернизма 1920–1930-х годов, образуя выразительные визуальные соотношения. Однако социальный характер центра резко трансформировался. Именно под воздействием новой урбанистики общая стоимость аренды в центре, даже в старых кварталах 1920-х, резко выросла. Студенчество и молодёжь начали понемногу выезжать из этих мест, и новый социокультурный портрет города пока не ясен...

В этой ситуации скоростной борьбы урбанистики за современность искусство выполняет особенную миссию. Оно становится своеобразной паузой в урбанистическом потоке, пространством созерцания и медитации. Искусство выполняет ещё одну существенную функцию в современной ситуации. Скоростная урбанистика во многом бес-смысленна, она несёт *Bedeutungen* технологии, комфорта и обновления. Искусство становится, говоря языком М. Хайдеггера, «собранием» смыслов в городе, оно сохраняет смысл «городского мира» в ситуации изменчивости.

Голос искусства в этой ситуации дуалистичен. Объекты современного искусства входили, «врывались» в современный город через художественную интервенцию, разблокировку конвенциональных смыслов и на определённом этапе тоже были формами эстетизированного варварства. Сигналом примирения города и современного искусства стали *Les Deux Plateaux* Даниэля Бюрена, установленные в 1986 году во внутреннем дворе парижского Пале-Рояля. Эта монументальная композиция, контекстуальная и концептистская одновременно, вызвала протесты и художественного авангарда, и парижских обывателей. Она означала «примирение» современного искусства с буржуазной действительностью – монументальное творение художника было реализовано в виде госзаказа в одном из самых репрезентативных официальных пространств Парижа, внутреннем дворике Министерства культуры.

А между тем инсталляция – интервенция Бюрена представляла детально продуманное творение. Оно контекстуально, имитируя ритм регулярного парка,

некогда бывшего в этом пространстве, полосатые основания Бюрена соотносятся с ордерным ритмом классицистической архитектуры Пале. Впрочем, серьёзные смыслы здесь карнавализованы – пространство задумано как удобная площадка для детских игр, и таким образом классицистическая основа становится воротами для футбола.

Художественное пространство пост-советской урбанистики складывалось в иных условиях. Прежде всего, опыт ленинского плана монументальной пропаганды, сформировал особенный характер городской среды, с большими открытыми пространствами, увенчанными монументами, подавляюще доминирующими над человеческим присутствием. Публичные плац-парады – наследие градостроительства Российской империи, человек испытывает страх по отношению к этим большим тёмным пространствам, о чём свидетельствует русская словесность XIX века. Именно в такую городскую среду, сочетающую триумфальные пространства с неорганизованными, но уютными средами советских урбанистических маргиналий, предстояло вкомпоноваться новому урбан-арту и публичному искусству в конце XX – начале XXI века.

Импульс развитию художественных пространств в российской урбанистике дала программа креативных индустрий. Внедрение креативного сектора в пространство провинциальных российских городов действительно содействовало в 2010–2020-е преодолению депрессивного образа провинции. Например, в Туле – городе знаменитых заводов, застроенному в советский период типовыми кварталами, с разрушающейся средней зоной XVIII–XIX веков, креативные пространства обозначили два новых полюса – набережную напротив Тульского Кремля, обыгранную новыми выразительными малыми архитектурными формами и арт-дизайном на фоне отреставрированных красочных фасадов тульских заводов, и креативную зону от Ликерки (лофта с многочисленными магазинами дизайнерской продукции и культурными хабами) до Фонда искусств с крупнейшим Аквапарком. Эти креативные пространства сформировали среду нового стиля жизни с активными элементами арт-дизайна и современного искусства на маргиналии средней зоны Тулы, оставив центр города в его советско-провинциальном строе.

Внесёт ли современное искусство «новое измерение» в пост-советскую урбанистическую культуру, как это произошло в последние десятилетия XX века в западной урбанистике, где сопряжения современного искусства, public art и зарождающихся креативных пространств изменили «онтологию» города?

Готова ли одна из старейших площадок европейской урбанизации – Беларусь, к новому урбанизму, к слиянию города, искусства и пространства? В этом плане интересно проследить ситуацию Минска. В XX веке основные усилия по развитию Минска концентрировались на образе центра – statement страны или республики. Новые художественные пространства формируются сегодня скорее не в центральной зоне, а на периферии города. Ландшафтно-скульптурная композиция «Море рядом» в жилом квартале «Пирс» (1920), созданная скульптором Константином Селихановым и архитектором Юрием Градовым, стала основным акцентом ландшафтно-жилого комплекса, расположенного в центре Минской агломерации. Пластические образы как бы продвинули образы морского берега в центр кондоминиума. «Море рядом» – выдающийся пример того, как современное искусство становится фактором образа не столько городского центра, но всей новой раскрытости границ современного города в ландшафт и регион. Будущее современного

искусства в городе – прежде всего в формировании непрерывной урбанизированной агломерации, разыгрывание её связей с ландшафтами и культурой.

...Урбанистическая идиллия Тель-Авива неожиданно оборвалась утром 7 октября 2023 года. С территории сектора Газа выпустили тысячи ракет по Израилю, после которых начались атаки и зверства радикальных палестинских движений ХАМАС и «Исламский джихад». Тель-Авив опустел. Тель-Авивская урбанистическая цивилизация, с её изысканными формами, очень человечными и дружественными пространствами «нижнего яруса» – субшафта и выразительными силуэтными построениями – оказалась хрупкой игрушкой, из степени «стабильной» перешедшая в разряд «эфемерной», могущей исчезнуть в мгновение ока. В этом трагическом столкновении «степи» и «культуры» урбанизация неожиданно вновь обретает свой первичный смысл, а именно является грандиозным и хрупким воплощением человеческого здесь-бытия, вынужденного противостоять бесконечному миру варварства.

Настоящий выпуск журнала создан по материалам II Международной научно-практической и творческой конференции «Искусство и современный город», организованной 3–4 октября 2022 кафедрой искусств и средового дизайна факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета. Статьи и исследования, вошедшие в настоящую коллекцию, прорисовывают различные аспекты современного города, искусства и смысла среды. В исследованиях О. Д. Баженовой и Т. Г. Румянцевой проясняется формирование смыслонесущих образов и структур города. И. Я. Мацевич-Духан показывает формирование нового смысла урбанистичности под воздействием креативных пространств. В статье Б. Н. Паньшина анализируются трансформации городской среды и угрозы в контексте имплементации цифровой культуры и искусственного интеллекта. Н. С. Зелезинская раскрывает движение литературного образа города от бинарного конфликта к ситуации сложности. В работе Е. В. Моховой на примере соотнесения городского и загородного образов жизни и их отображении в архитектуре в контексте трансляции трактата Андреа Палладио «Четыре книги об архитектуре» в последующей традиции показывается, как формировался исторический контекст того явления, которое в XX веке будет определено как городская агломерация с её многообразием жизненных укладов.

Проф. И. Н. Духан (Беларусь)

FROM GUEST EDITOR

Contemporary “advanced” urbanism turns out to reflect a style of existence in which accelerated development has become a strategy of *Große Transformation*. If the world around us is not accelerating, then it is “lagging” and “falling out” of modernity. In this logic, urbanism continues to work. An expressive example is the urbanization of Tel Aviv and its agglomeration in the last decade. Historic Tel Aviv, which was an exotic symbiosis of Arab settlements, early Jewish urbanization of the first decades of the twentieth century, with compact courtyards and sharp oriental motifs of the Bezalel school, with huge enclaves of geometric Bauhaus architecture of the 1920s and 1930s, is gradually giving way to a high-rise and high-tech environment of skyscrapers. The socio-cultural implications of this new wave of radical modernization are interesting.

Skyscrapers with their beautiful views from smart offices and apartments dramatically transform the socio-cultural situation of the center. In the new, extremely expressive buildings, apartments were purchased by wealthy people from America and Europe, high-tech workers, and celebrities. An interesting visual phenomenon of Tel Aviv was the peculiar visual layering of the twenties on top of the others. The new high-rise environment of the 2020s grew amid the historical modernism of the 1920s and 1930s, forming expressive visual correlations. However, the social character of the center was dramatically transformed. It was under the influence of New Urbanism that the overall value of rents in downtown, even in the older neighborhoods of the 1920s, increased dramatically. Students and young people began to move out of these areas little by little, and the new sociocultural portrait of the city is not yet clear...

In this situation of high-speed struggle for modernity, art fulfills a special mission. It becomes a kind of pause in the urban flow, a space of contemplation and meditation. Art fulfills another essential function in the contemporary situation. High-speed urbanism is largely meaningless, it carries the Bedeutungen of technology, comfort, and renewal. Art becomes, in the words of M. Heidegger, a “gathering” of meanings in the city; it preserves the meaning of the “urban world” in the situation of changeability.

The voice of art in this situation is dualistic. Objects of contemporary art entered, “burst” into the modern city through artistic intervention, unlocking conventional meanings, and at a certain stage were also forms of aestheticized barbarism. A signal of reconciliation between the city and contemporary art was Daniel Buren’s *Les Deux Plateaux*, installed in 1986 in the courtyard of the Palais-Royal in Paris. This monumental composition, contextual and conceptual at the same time, provoked protests from both the artistic avant-garde and Parisian citizens. It signified the “reconciliation” of modern art with bourgeois reality – the artist’s monumental creation was realized in the form of a state commission in one of the most representative official spaces of Paris, the courtyard of the Ministry of Culture.

Meanwhile, Buren’s installation-intervention represented a detailed creation. It is contextualized, imitating the rhythm of the regular park that once existed in this space; Buren’s striped bases correlate with the orderly rhythm of the Palais’ classicist architecture. However, serious meanings are carnalized here – the space is conceived as a convenient playground for children, and thus the classicist base becomes a goal for soccer.

The artistic space of post-Soviet urbanism was formed under different conditions. First of all, the experience of Lenin’s plan of monumental propaganda, formed a special character of the urban environment, with large open spaces crowned with monuments

overwhelmingly dominating the human presence. Public plaza parades are a legacy of urban planning in the Russian Empire, and humans feel fear towards these large dark spaces, as evidenced in nineteenth-century Russian literature. It was in such an urban environment, combining triumphal spaces with the disorganized but cozy environments of Soviet urban marginalia, that new urban art and public art were to be incorporated at the end of the 20th and beginning of the 21st century.

The impetus for the development of art spaces in Russian urbanism was given by the creative industries program. The introduction of the creative sector into the space of provincial Russian cities helped to overcome the depressive image of the province in the 2010–2020s. For example, in Tula, a city of famous factories, built in the Soviet period in typical quarters, with a deteriorating middle zone of the XVIII–XIX centuries, creative spaces have marked two new poles – the embankment in front of the Tula Kremlin, played with new expressive small architectural forms and art design against the background of restored colorful facades of the Tula factories, and the creative zone from Likerka (a loft with numerous stores of designer products and cultural hubs) to the Arts Foundation with the largest Aquapark. These creative spaces formed an environment of a new lifestyle with active elements of art design and contemporary art on the margins of Tula’s middle zone, leaving the city center in its Soviet-provincial structure.

Will contemporary art bring a “new dimension” to post-Soviet urban culture, as it happened in the last decades of the twentieth century in Western urbanism, where the juxtaposition of contemporary art, public art, and emerging creative spaces changed the “ontology” of the city?

Is one of the oldest sites of European urbanization, Belarus, ready for new urbanism, for the fusion of city, art, and space? In this respect, it is interesting to trace the situation of Minsk. In the twentieth century, the main efforts to develop Minsk were concentrated on the image of the center – the image of a country or republic. New artistic spaces are formed today rather in the periphery of the city than in the central zone. The landscape and sculptural composition “The Sea is Near” in the residential quarter “Pierce” (1920), created by sculptor Konstantin Selikhanov and architect Yuri Gradov, became the main accent of the landscape and residential complex located in the center of the Minsk agglomeration. The plastic images advanced the images of the seashore into the center of the condominium. “Sea Nearby” is an outstanding example of how contemporary art becomes a factor of the image not so much of the urban center, but of the whole new opening of the borders of the modern city into the landscape and region. The future of contemporary art in the city is primarily in the formation of a continuous urbanized agglomeration, playing out its connections with landscapes and culture.

...The urban idyll of Tel Aviv ended abruptly on the morning of October 7, 2023. Thousands of rockets were fired from the Gaza Strip into Israel, followed by attacks and atrocities by the radical Palestinian movements Hamas and Islamic Jihad. Tel Aviv has emptied. Tel Aviv’s urban civilization, with its exquisite forms, very human and friendly spaces of the “lower tier” – the sub-scape and expressive silhouette constructions – turned out to be a fragile toy, from the degree of “stable” to the category of “ephemeral”, which can disappear in the blink of an eye. In this tragic clash between “steppe” and “culture”, urbanization suddenly regains its primary meaning, namely as a grandiose and fragile embodiment of the human here-being forced to confront the endless world of barbarism.

This issue of the journal is based on the proceedings of the 2nd International Scientific and Creative Conference “Art and the Modern City”, organized on October 3–4, 2022 by the Department of Art and Environmental Design of the Faculty of Sociocultural Communications of the Belarusian State University. The articles and studies included in this collection draw out various aspects of the modern city, art, and the meaning of the environment. The studies by O. D. Bazhenova and T. G. Rummyantseva clarify the formation of meaning-bearing images and structures of the city. I. Ya. Matsevich-Dukhan examines the formation of a new meaning of urbanity under the influence of creative spaces. B. N. Panshin’s article analyzes the transformation of the urban environment and threats in the context of the implementation of digital culture and artificial intelligence. N. S. Zelezinskaya reveals the movement of the literary image of the city from a binary conflict to a situation of complexity. In the work of E. V. Mokhova, the example of the correlation of urban and suburban lifestyles and their representation in architecture in the context of Andrea Palladio’s treatise “Four Books on Architecture” in the subsequent tradition shows how the historical context of the phenomenon, which in the twentieth century will be defined as urban agglomeration with its diversity of lifestyles, was formed.

Prof. Igor N. Dukhan (Belarus)

[https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-189-205](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-189-205)

Urban ideologies: Theoretical backgrounds, dimensions and measures

Harutyun Vermishyan

Yerevan State University, Yerevan, Armenia
harutyunvermishyan@ysu.am

Srbuhi Michikyan

Yerevan State University, Yerevan, Armenia
srbuhi.michikyan@ysu.am

Armine Ghalamdaryan

Yerevan State University, Yerevan, Armenia
ghalamdaryanarmine@ysu.am

KEYWORDS

urban ideology
modernist or right urbanism
new or left urbanism
third or hipster urbanism
Charles Le Corbusier
Robert Moses
Jan Gehl
Jane Jacobs

ABSTRACT

In this paper, the concept of urban ideology – a cultural system that influences modern cities – is explored. Urban planning and development techniques alter urban environments not only physically but also social dynamics and public interactions. Urban ideologies, which have their roots in historical, political, economic, and cultural elements, are crucial in determining the personality and course of development of a city. The article explores three contrasting urban ideologies: modernist (right), new (left), and hipster (third). In the 18th and 19th centuries, modernist urbanism, which was founded on efficiency and economic expansion, began to take shape. Top-down decision-making was given priority, leading to the high-density, industrialized urban areas typified by people like Charles Le Corbusier and Robert Moses. Jane Jacobs' new urbanism, in contrast, places a strong emphasis on social cohesion, inclusivity, and communal well-being. In order to promote a sense of community among people, this ideology places a high priority on walkable communities, mixed-use areas, and decentralized decision-making. The hipster urbanism, or third urbanism, reconceives cities as venues for creative expression and sensory experiences. This philosophy, promoted by Jan Gehl, puts people first and creates pedestrian-friendly, lively surroundings where urban areas serve as venues for social interactions and activities. Recognizing that no city is defined by a single ideology, the article introduces dimensions and measures for each urban ideology. To understand a city's prevailing ideology across different dimensions, including management, architecture, nature, control, lifestyle, and symbols, "ideal models" and a tool called "The Mayor" are presented. This article clarifies how urban ideologies influence cities and offers a framework for evaluating urban planning and development initiatives. Urban planners and politicians may create more livable and vibrant cities by making

decisions that are informed by their communities' values and ambitions by having a better understanding of these beliefs.

For citation:

Vermishyan, H. R., Michikyan, S. G., & Ghalamdaryan, A. N (2023). Urban ideologies: Theoretical backgrounds, dimensions and measures. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 3(2), 189–205. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-189-205](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-189-205)

Funding:

The work was supported by the YSU in the frames of the research project.

Городские идеологии: теоретические предпосылки, измерения и показатели

А. Р. Вермишян

Ереванский государственный университет, Ереван, Армения
harutyunvermishyan@ysu.am

С. Г. Мичикян

Ереванский государственный университет, Ереван, Армения
srbuhi.michikyan@ysu.am

А. Н. Галамдарян

Ереванский государственный университет, Ереван, Армения
ghalamdaryanarmine@ysu.am

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

городская идеология
модернистский (правый)
урбанизм
новый (левый) урбанизм
третий (хипстерский) урбанизм
Ле Корбюзье
Роберт Мозес
Ян Гейл
Джейн Джекобс

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается понятие городской идеологии как культурной системы, влияющей на современные города. Методы городского планирования и развития изменяют городскую среду не только в физическом плане, но и в плане социальной динамики и общественных интеракций. Городские идеологии, уходящие своими корнями в исторические, политические, экономические и культурные сферы, играют решающую роль в определении индивидуальности и курса развития города. В статье исследуются три противоположных городских идеологии: модернистская (правая), новая (левая) и хипстерская (третья). В XVIII–XIX веках начал формироваться модернистский урбанизм, в основе которого лежали понятия эффективности и экономической экспансии. Приоритет отдавался принятию решений сверху вниз, что привело к созданию промышленных городских районов с высокой плотностью населения, типичных для таких архитекторов, как Ле Корбюзье и Роберт Мозес. Новый урбанизм Джейн Джекобс, напротив, уделяет большое внимание социальной сплочённости, инклюзивности и общественному благополучию. Для того чтобы способствовать развитию чувства общности между людьми, в этой идеологии первостепенное значение придаётся пешеходным сообществам, зонам смешанного использования и децентрализованному принятию решений. Хипстерский (третий) урбанизм переосмысливает города как места для творческого самовыражения и чувственного опыта. Эта философия, продвигаемая Яном Гейлом, ставит людей на первое место и создаёт удобную для пешеходов, оживлённую среду, в которой городские районы служат местом социального взаимодействия и общественной деятельности. Признавая, что ни один город не определяется какой-то одной идеологией, авторы представляют измерения и показатели для каждой городской идеологии. Чтобы понять преобладающую идеологию города в различных измерениях, включая управление, архитектуру, природу, контроль, образ жизни и символы, в статье представлены «идеальные модели» и инструмент под названием «Мэр». Авторы объясняют, как городские идеологии влияют на города и предлагают рамки для оценки инициатив по

городскому планированию и развитию. Градостроители и политики могут создавать более динамичные и удобные для жизни города, принимая решения с учётом ценностей и устремлений городских сообществ, если будут лучше понимать их убеждения.

Для цитирования:

Вермишян, А., Мичикян, С., & Галамдарян, А. (2023). Urban ideologies: Theoretical backgrounds, dimensions and measures. *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*, 3(2), 189–205. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-189-205](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-189-205)

Финансирование:

Работа выполнена при поддержке ЕГУ в рамках исследовательского проекта.

Introduction

Living in a city is considered a legitimate value in the modern era, as the city serves as the primary habitat for contemporary humans (Connolly, 2008; Tilly, 1996). It's important to note that urban development and planning practices not only shape the physical urban landscape but also influence societal dynamics and public interactions. These processes are responsive to the specific period in question, as well as the technological, political, economic, and socio-cultural circumstances of that time. Furthermore, the political-economic and socio-cultural structures of society are influenced by these urban development processes, as noted by scholars like Bourdieu and Lefebvre (Bourdieu, 1989; Lefebvre, 1991). In the field of urban studies and the examination of urban spaces, a central focus lies in comprehending these processes related to city construction and planning. This involves diagnosing societies within their contextual framework and forecasting potential future development patterns and societal trends.

Discussions on this topic (Vermishyan, 2021) showcase that urban space is a dynamic reflection of prevailing social and political ideologies (Lagopoulos, 2009; Lefebvre, 1991), created at the expense of unified practices (Tuan, 1977). It's shaped by social relationships that influence thought and action (Lefebvre, 1991) and serves as a platform for ideological and cultural practices (Clarke, 2015; Kallinen & Häikiö, 2021; Steele & Homolar, 2019), integral to social and political processes (Dei, 1995).

In the present context, alongside political and social ideologies, it is essential to establish the concept of urban ideology as a cultural system (Hummon, 1985; Vermishyan & Michikyan, 2020). Within the framework of sociopolitical conjectures, cities today serve as battlegrounds for conflicting ideologies and divergent definitions of concepts such as housing, the overall urban environment, infrastructure, transportation, and more (Vakhshtayn, 2015).

Understanding urban ideologies involves examining historical, political, economic, cultural, and environmental factors that shape a city's development. It also considers community engagement, academic discourse, global influences, media impact, and government policies in defining urban values. Urban ideologies are dynamic and can differ between cities, evolving over time in response to changing circumstances and societal values.

Urban ideology encompasses a variety of beliefs that shape our perceptions, interactions, and planning of urban spaces, impacting areas like urban development, housing, transportation, and social equity. Prominent publications in this field include Henri Lefebvre's "The Right to the City" (Lefebvre, 2003) and "The Production of Space" (Lefebvre, 1991), Jane Jacobs' "The Death and Life of Great American Cities" (Jacobs, 1992) and Jan Gehl's "Cities for People" (Gehl, 2013). Moreover, "City: A Guidebook for the Urban Age" (Smith, 2012) edited by P. D. Smith, provides a diverse collection of essays on urban ideology, exploring themes such as sustainability and governance. To conduct a thorough literature review, it's advisable to explore academic databases, libraries, and journals.

This article focuses on deciphering urban ideologies, characterizing them, and exploring avenues for their study within the context of societal attitudes. It discusses three distinct urban ideologies: modernist (right), new (left), and third (hipster) urbanism. It's

worth noting that sociologist Victor Vakhshayn¹ has significantly advanced the study and emphasis of contemporary urban ideologies (Vakhshayn*, 2014). His research highlights disparities between urban space exploration and the language used to describe it, as outlined in one of his articles (Vakhshayn*, 2014). He presents urban ideologies as linguistic frameworks for understanding cities across different historical eras. His work extends beyond examining various urban ideologies and their impact on contemporary city development, also addressing the challenges faced by urban researchers when analyzing cities today.

Theoretical backgrounds

Modernist or right urbanism

Modernist urbanism has an earlier origin than the other two ideologies, having its roots in the 18th century when cities were considered as entities for complete transformation under the “modern vision”. Nevertheless, contemporary historians tend to pinpoint the mid-19th century as the inception of modern urbanism, coinciding with the profound changes brought about by the Industrial Revolution. As Leonardo Benevolo states in his work “Le origini dell'urbanistica moderna”, modern urbanism emerged as a response to the shortcomings of industrial cities. It proposed utopian solutions alongside structured urban planning, all aimed at optimizing the urban landscape for industry and economic development (Monclús & Díez Medina, 2018, p. 33). This signified a deliberate shift towards effective land use for the benefit of industry and economic growth.

With the advent of the Industrial Revolution and following urbanization, urban planning gradually shifted its focus towards transportation and residential spaces. Significant changes began to appear in the early 20th century, driven by the need to incorporate “modern” techniques. This led to new approaches to urban organization and zoning techniques (Monclús & Díez Medina, 2018, p. 34).

This new urbanist perspective found itself a prominent subject in academic discourse. One of its vivid expressions is Le Corbusier’s utopian vision of the “Modern City” (Merin, 2013). Central to Corbusier’s ideology were principles of rationality and functionality, where every space was to be purpose-built and carry specific significance. He distinguished 5 critical aspects of space construction: *growth, work, living, circulation, differentiated functionality* (Fishman, 1982, p. 231).

Within the modernist ideology, the city was perceived as an engine of growth and development, predominantly viewed through the lens of economic factors. A prime example of this approach is the New York development and transformation project designed by Robert Moses. Moses completely redesigned New York’s subway and freeway system, introducing new stations, expressways, bridges, and tunnels. This monumental undertaking reshaped entire neighborhoods, necessitating the relocation of thousands (Ballon & Jackson, 2007, p. 1012). Moses emphasized the city’s density, the pace of urban life, mobility, and the development of technologies conducive to these objectives. These characteristics embodied the “economic development machine” that underpinned this ideology. Moses’ vision completely transformed New York in 40 years, turning it into one of the largest financial centers in the world.

---

¹ By decision of the Ministry of Justice of the Russian Federation, he was included in the register of individuals performing the functions of a foreign agent.

Modernist urbanism was devoted to the economic advancement and progress of the city. In this ideology, the city was envisioned as an industrial and rational space, optimized for efficient commuting between residence and workplace, the seamless flow of production factors, and a high population density. In cities shaped by this ideology, urban management and decisions regarding urban changes were typically top-down, dictated by the state.

Thus, cities grounded in modernist ideology exhibited several distinctive features: *high density, speed, circulation, transformation of pedestrian zones into highways, a large number of skyscrapers, oversaturation and overpopulation of urban areas, and the concentration of human and material resources to facilitate economic interests, often at the expense of community cohesion and neighborhood bonds.*

New or left urbanism

The manifestations of modernist urbanism in urban planning played a significant role not only in the context of city organization, but also in various social issues. Broadly, the emergence of modernist ideology can be viewed as an embodiment of capitalism in urban space, wherein living in a capitalist society means accepting the rights that promote capital accumulation and market relations. In such circumstances, space often underwent privatization, limiting public rights to its use – a crucial precondition for capital accumulation (Harvey, 2015).

In this context, an alternative ideology to modernist urbanism emerges, one that seeks to shift the focus towards honesty and equality through city design – the ideology of Left Urbanism. The foundations of Left Urbanism were laid in the 1960s by Jane Jacobs, as a direct response to the principles of modernist urbanism. It places a paramount emphasis on suburban development as the primary objective of urban planning.

According to the ideology of new urbanism, public space is more important than private space. This leads to the revitalization of walkways furnished with benches, swings, and rest areas, where neighbors can engage with passing acquaintances, fostering a sense of community. Another core principle is great attention to the design of facades, with each street having a unique designed (Glazychev, 2008, pp. 151–153).

Jane Jacobs argued that community well-being and the creation of conditions conducive to the formation of social bonds are important. She proposed several measures to achieve this diversity: the creation of short streets and neighborhoods, decentralization and alignment of functions by districts, differentiation of structures based on factors like height, age, function, biodiversity, and density. These measures were aimed at fostering a variety of ways in which urban spaces could be used, integrating cultural, social, physical, economic, and temporal aspects, thereby enriching city life (Jacobs, 1992, pp. 143–238). Here, there's a distinct departure from the state or specialist-driven space design. Instead, the reconstruction of the spaces is on to the community. It's not meticulously planned but rather organically constructed in everyday life, emerging as an outcome of the habits and practices of the people. Under this ideology, the construction process takes on a vernacular character, reflecting the localized and unique qualities that arise naturally from the community's needs and interactions.

Henri Lefebvre is another important representative of this ideology. Unlike other authors, Lefebvre does not use the term left, but new urbanism (Lefebvre, 2002). Lefebvre outlines the following principles of New Urbanism (Lefebvre, 2002, pp. 19–26):

1) *Accessibility*: Ensuring pedestrian access is crucial here. In New Urbanist cities, every significant building must be within a 10-minute walk from residences or workplaces. This necessitates decentralization of vital facilities, pedestrian-friendly street designs, buildings located close to streets, and low-speed traffic areas.

2) *Interconnected districts*: Individual regions should be interconnected. Street designs follow a checkered grid to distribute traffic efficiently. There's a hierarchical relationship between streets, avenues, and boulevards. The space created for pedestrians is suitable for walking, the road is suitable for both daily walks and alternative means of movement (bicycles, small motorcycles, roller skates, etc.).

3) *Increase in density*: Maximizing the number of apartments, houses, shops, offices, and service centers located in close proximity to each other. This is aimed at convenience and rational use of resources.

4) *Multi-functionality and diversity*: Promoting a fusion of public and residential spaces within the same area, i. e. a collection of shops, offices, apartments, private houses, cafes and promenades in one street. Emphasis is on multi-functionality of buildings and areas, multi-ethnic population, multiculturalism, presence of people of different income levels (as opposed to neighborhoods of color, such as the “white district” or “black ghetto”).

5) *Variety of buildings*: Emphasis is on the diversity of buildings in terms of types, sizes, price levels fostering originality.

6) *Environmental sustainability*: Minimizing environmental damage during construction and operations. Encouraging pedestrian traffic while reducing vehicular traffic.

In essence, New or Left Urbanism, centers on community and neighborhood development, prioritizing the well-being of citizens. Here, the city transforms into a space for its inhabitants, space of coexistence and living, rather than primarily serving economic, rational, or business interests. Accessibility takes precedence, ensuring that people can both work and enjoy leisure within the city, aligning with socialist ideals of urban space equality. Open spaces play a crucial role in this ideology, emphasizing the significance of a “center” that may be a church, a square, or even a network of intersecting streets. Here, the “center” is not merely an economic hub but a manifestation of local identity and community engagement.

Third or hipster urbanism

As already mentioned, modernist urbanism, which emphasized economic growth, and left urbanism, centered on communalism, equality, and justice, stand as opposing ideologies. These two ideologies have been in constant opposition. After this continuous struggle another idea eventually began to emerge, – one that suggests that regardless of a city's level of justice or economic development, it could still be uninspiring and boring. This is exactly where the third urbanist ideology emerged.

“Architects are taught to work with the building, not with what is between those. And if nothing happens between the buildings, then we are talking about sculpture, not architecture”, – these are the words of the Danish architect Jan Gehl, which fully express his theoretical approaches and the idea of the third urbanism (Ostrogorsky, 2011). Architects around the world struggle to make cities more livable, Gehl suggests looking at the city from the viewpoint of people who live between buildings. Gehl became the proponent of Third Urbanism. He believed that a person's experience in the city should surpass the presence of cars or other people; the space should make it possible to pause and enjoy

surroundings. As the object of his studies, Gehl chose Copenhagen, the capital of Denmark, and transformed Copenhagen from a car-dominated city into a pedestrian-friendly metropolis. Gehl uses the term “copenhagenization” (Gehl & Gemzøe, 1996) to describe how major cities embrace cycling culture like Copenhagen.

Gehl categorizes outdoor activities into three types: *necessary activities*, these are more or less obligatory activities and occur automatically, regardless of people’s conscious desire (walking, shopping, waiting for a bus or a person, working, etc.): *side actions*, these are not mandatory, are dependent on time and space and are carried out at the individual’s desire (going out of a cafe, to breathe fresh air, just standing outside enjoying life, sunbathing): *social activities*, actions that require the presence of others in public spaces (children playing in the park, social gatherings, etc.) (Gehl, 2011, pp. 9–14).

Gehl predominantly explains space through human practices, which is the central focus of third urbanism ideology. Here, the city is seen as a set of human impressions, as a stage. City’s vitality is gauged not by how many people live there but by how many of the residents find joy in the space. The city, according to Gehl, is a party, where leaving early means the city failed. The street is not designed to connect two objects together, but for walking, biking, and other similar activities of entertainment and belongs to the people. Participation in festivals, open-air shows, concerts, and similar events is characteristic of this urban ideology. A city’s worth lies in its events, not its objects (Gehl & Gemzøe, 1996).

This concept should not be confused with the ideology of new urbanism. While new urbanism emphasizes community, third urbanism sees people as spectators. As for third urbanism every public space becomes a “stage”, the people involved in it are not members of the community but observers. The city here isn’t about fairness, communalism, or how to get to the office as quickly as possible. As Vakhshayn* says, this is a place where you always want to return (Vakhshayn², 2014, pp. 22–34). In his studies, summarizing these features, Viktor Vakhshayn calls the third urbanism as “hipster urbanism”.

However, hipsterization gives rise to challenges related to social differentiation such as problems of migrants. Questions arise about who is excluded from these hipster-influenced spaces and whether the space formed by the influence of hipster urbanism contributes to the reproduction of equality. While these questions are posed by left urbanism, they are not in the scope of hipster ideology, as for the “stage”, there is always a backstage, where all such issues go, leading to hidden social exclusion (Vakhshayn*, 2015).

Accordingly, hipster urbanism sees the city as a stage where individuals express themselves. It’s a stage with actors (performers) and an audience (observers). The motivation here goes beyond a rational “attendance for profit” principle; it’s about fun and enjoying the urban space. Space is for people, it is seen as a “place where something happens” rather than a “place where something exists”. Therefore, places where more engaging “things” happen, attracting the “audience’s” attention, tend to become more prestigious and expensive.

---

² By decision of the Ministry of Justice of the Russian Federation, he was included in the register of individuals performing the functions of a foreign agent.

Dimensions and measures

Thus, we can distinguish three main urban ideologies: right/modernist, left/new, third/hipster. These urbanist approaches can form the basis of urban planning, predetermining the characteristics of the city's development. However, presented ideas do not find ideal manifestation in any space – there isn't any city that can be unequivocally defined by one ideology. Hence, specific dimensions of the city and their metrics for each ideology are defined.

These serves as “ideal models”, which is applied to a city to help us understand the predominant ideology underlying its various manifestations (Tab. 1).

Table 1. Urban ideologies

Dimensions	Measures		
	<i>Right</i>	<i>Third</i>	<i>Left</i>
Founder	Charles Le Corbusier	Jan Gehl	Jane Jacobs
1 Subject	Enterprises/State	Individual/Mass	Community
2 Management	Top to bottom	Mixed	Bottom-up
3 Process	Changing	Transforming	Preserving
4 Architecture/ construction	Urban development	Urban planning	Vernacular development
5 Nature/character	Effective	Enjoyable	Unique
6 Control	Institutional control	Freedom	Community control
7 Lifestyle	Rich / Prosperous	Cozy	Fair / Equal
8 Symbol	Skyscrapers and highways	Public spaces and bike lanes	Affordable housing and local communities

A city, in all its dimensions, cannot be confined to the values of a single ideology. Moreover, the attitudes and expectations of residents regarding the city's essence and operational aspects are incredibly diverse. Utilizing the measurements and criteria mentioned above, a tool named “The Mayor” was developed (<https://mayor.political.am/>). This tool employs a feature-based questionnaire that introduces scenarios grounded in various dimensions, along with three potential solutions aligned with corresponding measures.

The following example represents one of the scenarios designed to draw perspectives on the urban management model, a pivotal subject of discussion. This scenario aims to distinguish between critical decision-making mechanisms and their foundational priorities.

- Imagine a situation where there is a decision to undertake construction in a vibrant area adjacent to one of the city's districts. From your perspective, which approach is preferable?
- Decisions could be entrusted to the town hall, leveraging their comprehensive information and management expertise. Collaboration with experts would determine the selection of entrepreneurs and strategies for optimal outcomes. However, this method might sideline the voices of the local population.
  - Decision-making could involve a partnership between businessmen, local artists, architects, and urban experts. This collaboration aims to find solutions customized to the distinctive character of the district. While effective, this approach may be time-consuming and financially demanding.
  - Residents themselves could participate in the decision-making process, given their direct stake in the matter. However, this approach may extend the duration of the decision-making process and potentially lead to disagreements among different community groups.

The city, a dynamic environment where old and new districts continually intersect, frequently witnesses conflicts emerging between the interests of businessmen and local residents. Yerevan, like many cities, is not free from such challenges. The following scenario aims to reveal the preferred approaches of citizens regarding this dynamic process and the architectural and construction models that govern it.

- Imagine one of the old districts in the city center, deteriorated with issues like stray animals and poor infrastructure. In your opinion, which scenario is the most preferable?
- The district should be demolished, providing residents with adequate financial and housing compensation. Simultaneously, a new district with contemporary infrastructure should be constructed.
  - The area should be revitalized by engaging local residents and private businesses. Through this collaborative effort, an enjoyable and attractive entertainment district could be created, breathing new life into the area.
  - No changes should be made, the support must be provided to local residents as needed. This assistance would empower them to improve their area and continue living in their familiar environment.
- The existence and evolution of a city can take various forms. One approach prioritizes the city's economic value, emphasizing effectiveness and creation of economic wealth; the second revolves around people, focusing on providing a comfortable and pleasant urban environment for residents; the latest stresses the uniqueness of a place, with a strong emphasis on community. Imagine a scenario where a factory with significant industrial potential in the city has remained dormant for several decades. Restarting the factory presents both economic opportunities and risks

related to environmental pollution and public health. In your opinion, which strategy should the city authorities adopt?

- Restart the factory, contributing to the city's economic growth and generating employment opportunities for thousands of residents.
- Do not restart the factory; instead, transform its area into enjoyable and comfortable entertainment and commercial zones for city residents. This transformation would not only enhance the city's appeal but also generate profits for both the city and small to medium-sized businesses.
- Demolish the factory, making the area available for the construction of social housing and the vital needs of the surrounding communities.

Security is a fundamental concern in cities and communities, rooted in various principles. Some residents prioritize institutional control, managed by private organizations or government bodies. Others advocate for security through the autonomy of the environment itself, where appropriate practices are shaped organically. Thirds prefer community control, with local residents sharing and monitoring space, fostering security.

→ City officials are currently evaluating three options to ensure the security of a newly rebuilt or constructed park. In your view, which approach is preferable?

- Entrust park security to a private company responsible for safeguarding. However, this approach may involve commercial usage of the park.
- Allow the park to function without specific control, promoting a sense of freedom where visitors are expected to self-regulate. Yet, this approach might result in potential safety concerns at certain times of the day.
- Assign park security to residents of neighbouring yards, who will utilize the park for recreational purposes while taking responsibility for its security. However, this may transform the park into a more localized, courtyard-like environment rather than a public space.

Cities are complex social landscapes where diverse groups each with distinct priorities coexist. City authorities face the challenge of deciding which type of lifestyle to promote through policies: a prosperous, cozy, or equal lifestyle.

→ In your opinion, which principle of city development paves the most desirable path for the city's future?

- Emphasize a prosperous lifestyle by promoting the development of high-class and luxury shopping centers and entertainment venues. Urban planning should prioritize economic growth through these means.
- Prioritize a cozy lifestyle that centers on human comfort. City authorities should focus on enhancing walkways, parks, and recreational areas to create a comfortable environment for residents.
- Give priority to an equal lifestyle, ensuring equal accessibility for all residents. City authorities should invest in affordable housing initiatives and contribute to the economic empowerment of vulnerable groups, fostering equality and inclusivity in the city.

The tool incorporates a visual component that captures the before mentioned ideologies through images. The first image, featuring skyscrapers, symbolizes right urbanism. The second image portrays an urban environment with a cozy and inviting public space, emphasizing the third urbanism. Lastly, the third image symbolizes the essence of a local community environment, illustrating the ideology of left urbanism.

→ Which neighborhood in the pictures below would you live in?

Fig. 1. Illustration of Right Urbanism. Source: Avan 4 – YSUGU Yerevan State University, n.d.

Fig. 2. Illustration of Third Urbanism. Source: <https://www.flickr.com/photos/127150711@No3/31186024638/>

Fig. 3. Illustration of Left Urbanism. Source: <https://www.finehomebuilding.com/2019/04/08/whats-a-new-urbanism-development>

Conclusion and discussion

Understanding these complex procedures involved in city development and design is a major emphasis of the study of urban space. This comprises analyzing societies in the context of their surrounding environment and speculating on prospective societal trends and development patterns for the future.

Discussions on this subject show how the urban environment is a dynamic reflection of the social and political beliefs that are now in place and that are produced at the expense of uniform practices. It is shaped by interpersonal interactions that have an impact on how people think and act, and it provides a platform for cultural and ideological practices that are essential to social and political processes.

In the current context, alongside political and social ideologies, it is crucial to establish the concept of urban ideology as a cultural system. Within the framework of socio-political conjectures, cities today serve as battlegrounds for conflicting ideologies and divergent definitions of concepts such as housing, the overall urban environment, infrastructure, transportation, and more.

Examining the historical, political, economic, cultural, and environmental aspects that influence a city's growth is necessary to comprehend urban ideology. In establishing urban values, it also considers civic involvement, scholarly discourse, external influences, media impact, and governmental policies. Urban ideologies change throughout time in reaction to shifting conditions and societal ideals, and they might vary amongst cities.

There are three basic urban paradigms that these ideologies fall under:

Modernist or Right Urbanism: With roots in the 18th and 19th centuries, modernist urbanism was primarily concerned with enhancing urban environments for business and economic growth. It placed a strong emphasis on rationalism, usability, and economic progress, with top-down, state-driven decisions being the norm.

New or Left Urbanism: This movement, which emerged in the 1960s as a reaction to modernist ideas, switched the emphasis from individual well-being to social equality and justice through urban planning. It placed a focus on community engagement, social ties, and public space in metropolitan contexts.

Third or hipster urbanism: A relatively contemporary philosophy that places emphasis on the urban environment's sensory qualities. It sees the city as a platform for social interactions and artistic expression, with public areas created to encourage enjoyment and participation. Urban surroundings that are lively and focused on people are the goal of this ideology.

These urban ideologies take several forms within a city, affecting its symbolism, management, architecture, nature, and control. A nuanced examination of a city's dominant urban paradigm can be done by knowing these characteristics and metrics, even though no city can be completely described by a single ideology.

In summary, urban ideologies are crucial in determining how cities develop physically and culturally. They have an impact on how cities are planned, constructed, and experienced because they reflect the values and priorities of societies. Urban planners and politicians can make well-informed choices about urban development that are in line with the values and ambitions of their communities by being aware of and studying these ideologies.

References

- Ballon, H., & Jackson, K. T. (2007). *Robert Moses and the modern city: The transformation of New York*. W. W. Norton & Company.
- Bourdieu, P. (1989). Social space and symbolic power. *Sociological Theory*, 7(1), 14–25.
- Clarke, J. (2015). Stuart Hall and the theory and practice of articulation. *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education*, 36(2), 275–286.
- Connolly, J. J. (2008). Decentering urban history: Peripheral cities in the modern world. *Journal of Urban History*, 35(1), 3–14.
- Dei, G. J. S. (1995). Integrative anti-racism: Intersection of race, class, and gender. *Race, Gender & Class*, 2(3), 11–30.
- Fishman, R. (1982). *Urban utopias in the twentieth century: Ebenezer Howard, Frank Lloyd Wright, Le Corbusier*. MIT Press.
- Gehl, J. (2011). *Life between buildings: Using public space*. Island Press.
- Gehl, J. (2013). *Cities for people*. Island Press.
- Gehl, J., & Gemzøe, L. (1996). *Public spaces. Public life*. The Danish Architectural Press and Royal Danish Academy of Fine Arts, School of Architectural Publishers.
- Glazychev, V. L. (2008). *Urbanistics*. Europe Publishing. (In Russian).
- Harvey, D. (2015). The right to the city. In R. T. LeGates & F. Stout (Eds.), *The City Reader*. (pp. 314–322). Routledge.
- Hummon, D. M. (1985). Urban ideology as a cultural system. *Journal of Cultural Geography*, 5(2), 1–15. <https://doi.org/10.1080/08873638509478545>

- Jacobs, J. (1992). *The death and life of great American cities, reissue edition*. Vintage.
- Kallinen, Y., & Häikiö, L. (2021). Individualization of disadvantaged young people's agency. *Journal of Youth Studies*, 24(1), 110–125.
- Lagopoulos, A. P. (2009). The social semiotics of space: Metaphor, ideology, and political economy. *Semiotica*, 173, 169–213.
- Lefebvre, H. (1991). *The production of space* (D. Nicholson-Smith, Trans.). Blackwell Publishing.
- Lefebvre, H. (2002). Propositions pour un nouvel urbanisme (S. A. Efirov, Trans.). *The Russian Sociological Review*, 2(3), 19–26. (in Russian).
- Lefebvre, H. (2003). *The urban revolution*. University of Minnesota Press.
- Merin, G. (2013, August 11). AD Classics: Ville Radieuse / Le Corbusier. *ArchDaily*. <https://www.archdaily.com/411878/ad-classics-ville-radieuse-le-corbusier>.
- Monclús, J., & Díez Medina, C. (2018). Modern urban planning and modernist urbanism (1930–1950). In C. Díez Medina & J. Monclús (Eds.), *Urban Visions: From Planning Culture to Landscape Urbanism*. (pp. 33–44). Springer.
- Ostrogorsky, A. (2011, December 8). Interview with Jan Gehl: “The main thing is not the buildings, but what is between them”. *The Afisha Daily*. <https://daily.afisha.ru/archive/gorod/archive/jan-gehl/> (In Russian).
- Smith, P. D. (2012). *City: A guidebook for the urban age*. Bloomsbury Publishing.
- Steele, B. J., & Homolar, A. (2019). Ontological insecurities and the politics of contemporary populism. *Cambridge Review of International Affairs*, 32(3), 214–221.
- Tilly, C. (1996). What good is urban history? *Journal of Urban History*, 22(6), 702–719.
- Tuan, Y.-F. (1977). *Space and place: The perspective of experience*. University of Minnesota Press.
- Vermishyan, H. (2021). Ideological and cultural practices in the Soviet housing space: The case of allocation and obtaining of apartments in Yerevan. *Studies of Transition States and Societies*, 13(2), 23–38.
- Vermishyan, H., & Michikyan, S. (2020). The transformation of urban public space of post-soviet Yerevan: The case of Northern Avenue. *Journal of Sociology: Bulletin of Yerevan University*, 11(1 (31)), 3–15.
- Vakhshtayn, V. S. (2014). Reassembling the City: Between Language and Space. *Sociology of Power*, 2, 9–38. (In Russian).
- Vakhshtayn, V. S. (2015, July 31). Urban ideologies [Video]. *Lectorium of “City projects”*, Episode 11. (In Russian).

Информация об авторах

Арутюн Рафикович Вермишян
кандидат социологических наук,
заведующий кафедрой теории и
истории социологии
Ереванский государственный университет
Армения, 0025, Ереван, ул. Алека Манукяна, 1
ORCID: 0000-0003-2464-0072
Scopus AuthorID: 57189257650
e-mail: harutyunvermishyan@ysu.am

Србуи Геворговна Мичикян
аспирант факультета социологии
Ереванский государственный университет
Армения, 0025, Ереван, ул. Алека Манукяна, 1
ORCID: 0009-0002-1245-8134
e-mail: srbuhi.michikyan@ysu.am

Армине Нориковна Галамдарян
аспирант факультета социологии
Ереванский государственный университет
Армения, 0025, Ереван, ул. Алека Манукяна, 1
ORCID: 0000-0003-3786-1624
e-mail: ghalamdaryanarmine@ysu.am

Information about the authors

Harutyun R. Vermishyan
Cand. Sci. (Sociology),
Head of the Theory and
History of Sociology Department
Yerevan State University
1, Alex Manoogian St., Yerevan, 0025, Armenia
ORCID: 0000-0003-2464-0072
Scopus AuthorID: 57189257650
e-mail: harutyunvermishyan@ysu.am

Srbuhi G. Michikyan
PhD student at the Faculty of Sociology
Yerevan State University
1, Alex Manoogian St., Yerevan, 0025, Armenia
ORCID: 0009-0002-1245-8134
e-mail: srbuhi.michikyan@ysu.am

Armine N. Ghalamdaryan
PhD student at the Faculty of Sociology
Yerevan State University
1, Alex Manoogian St., Yerevan, 0025, Armenia
ORCID: 0000-0003-3786-1624
e-mail: ghalamdaryanarmine@ysu.am

Материал поступил в редакцию / Received 26.07.2023
Принят к публикации / Accepted 13.09.2023

Антропоморфизм города в метафорах его компонентов и процессов

А. Е. Гашенко

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств
имени А. Д. Крячкова, Новосибирск, Россия
antongashenko@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

антропоморфизм
морфология
метафора
город
организм

АННОТАЦИЯ

Статья исследует антропоморфические метафоры, возникающие при описании города и его компонентов. Метафора является одной из форм познания сущности сложного объекта или процесса. Город, как объект познания, может быть репрезентирован множеством способов, одним из которых является метафора. В основе антропоморфных метафор лежит наделение города свойствами человеческой морфологии, физиологии и психологии. Автор ставит целью выявить, структурировать и обосновать использование антропоморфных метафор в различных контекстах. Для этого использованы методы терминологического поиска и контекстного анализа, благодаря которым в массиве научной информации выявлялись термины урбанистического дискурса, имеющие антропоморфную этимологию. В ходе исследования установлены два основных контекста антропоморфности города: материально-физиологический и идейно-личностный. Приведены и описаны примеры метафор. Материально-физиологический контекст включает в себя метафоры, которые описывают город как физическое тело, обладающее различными частями и функциями. В идейно-личностном контексте город рассматривается как личность, обладающая сознанием, эмоциями и ценностями. Автор делает вывод о том, что использование антропоморфных метафор в урбанистическом дискурсе способствует лучшему пониманию и интерпретации городских процессов. Однако чрезмерное использование таких метафор может привести к искажению реальности и созданию ложных представлений о городе. В целом, антропоморфные метафоры являются важным инструментом для изучения и описания города, но их следует использовать с осторожностью, с учётом контекста. Применение таких метафор полезно в тех форматах коммуникации, когда необходимо объяснять сущность сложных урбанистических явлений с целью достижения понимания этой сложности непрофессионалами.

Для цитирования:

Гашенко, А. Е. (2023). Антропоморфизм города в метафорах его компонентов и процессов. *Urbis et Orbis. Микростория и семиотика города*, 3(2), 206–213. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-206-213](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-206-213)

City anthropomorphism in metaphors of its components and processes

Anton Gashenko

Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts,
Novosibirsk, Russia
antongashenko@yandex.ru

KEYWORDS

anthropomorphism
morphology
metaphor
city
organism

ABSTRACT

The article explores the anthropomorphic metaphors that arise when describing a city and its components. Metaphor is one of the forms of cognition of the essence of a complex object or process. The city, as an object of knowledge, can be represented in many ways, one of which is a metaphor. Anthropomorphic metaphors are based on endowing the city with the properties of human morphology, physiology and psychology. The author aims to identify, structure and justify the use of anthropomorphic metaphors in various contexts. For this purpose, methods of terminological search and contextual analysis were used, thanks to which terms of urban discourse with anthropomorphic etymology were identified in the field of scientific information. The study established two main contexts of the anthropomorphism of the city: material and physiological and ideological and personal. Examples of metaphors are given and described. The material-physiological context includes metaphors that describe the city as a physical body with various parts and functions. In the ideological and personal context, the city is considered as a person with consciousness, emotions and values. The author concludes that the use of anthropomorphic metaphors in urban discourse contributes to a better understanding and interpretation of urban processes. However, excessive use of such metaphors can lead to distortion of reality and the creation of false ideas about the city. In general, anthropomorphic metaphors are an important tool for exploring and describing a city, but they should be used with caution, taking the context into account. The use of such metaphors is useful in those communication formats when it is necessary to explain the essence of complex urban phenomena for non-professionals to understand.

For citation:

Gashenko, A. E. (2023). City anthropomorphism in metaphors of its components and processes. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 3(2), 206–213. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-206-213](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-206-213)

Введение

В русле стремления понять и описать природу города было предпринято достаточное количество попыток. Не погружаясь в разнообразие этих описаний и не раскрывая их содержательно, стоит обратить внимание на ряд систематизирующих исследований. Владимир Никитин выделяет несколько подходов к пониманию города (например, ремесленный, формальный, гуманитарный), из которых выстраиваются соответствующие конструкты (город как изделие, как просто форма, как пространство жизни человека и т. д.) (Никитин & Никитина, 2000). Елена Трубина интерпретирует город как джунгли, базар, организм и машину (Трубина, 2010).

Город, по мнению многих урбанистов, – самое сложное из того, что создал человек, поэтому приблизиться к некоторому единому представлению, определению и описанию города не представляется возможным. Владимир Никитин заключает, что разложение представлений о городе на отдельные взгляды – лишь методический ход препарирования целого и отдельные взгляды не отражают адекватного видения, а город является суммой представлений о нём (Никитин & Никитина, 2000).

Способом, помогающим понять природу города, является метафора. Галина Горнова применительно к городу операционализирует инструмент «урбанистическая метафора» как теоретическую форму, посредством которой происходит познание города (Горнова, 2020).

Эволюция градостроительных представлений показывает, как менялось восприятие города в мировой истории. Эти представления закреплены соответствующими метафорами, также репрезентирующими развитие мысли о городе.

Материалы и методы исследования

Цель данного исследования – раскрыть одно из направлений использования урбанистических метафор, соотносящих город с человеком. В более общем контексте город ассоциируют с организмом, в более частных случаях и аспектах говорят о человеке как метафорическом образе города. Стоит отметить, что это одна из наиболее популярных метафор, несмотря на её относительную молодость. Если архитектура с древнейших времён полагалась антропоморфной (чему пример *ордер* – система декоративно-тектонической обработки архитектурных конструкций), то город начал профессионально отождествляться с организмом только в XIX веке, что связывают с эволюционизмом Герберта Спенсера (Трубина, 2011).

В рамках данного эссеистического исследования сделана попытка выявить различные проявления антропоморфизма в городских метафорах и сравнить несколько популярных описаний.

В качестве проблемы исследования стоит вопрос: являются ли антропоморфные метафоры адекватными маркерами городской сущности? Можно ли оперировать ими в профессиональной деятельности? Проблематика темы усиливается гипотезой о том, что город как организм (тем более, человеческий) – яркая, но профессионально несостоятельная метафора, применение которой допустимо лишь в определённых форматах.

Материалом исследования стал широкий круг источников – теоретические концепции, научные труды, а также урбанистические словари. Использовались

методы терминологического поиска и контекстного анализа. Также, в первой итерации поиска, применялась помощь GPT-помощника.

Результаты исследования и их интерпретация

Представление о городе как об организме полноценно развилось на фоне урбанистической рефлексии второй половины XX века, идей бихевиоризма, критики функционального подхода. Сейчас оно является одним из самых популярных в урбанистике. Возможно, на интуитивном уровне такое сравнение действительно выглядит очень живым и «работающим». Соотнесение города с человеком позволяет «на пальцах» описать его морфологию и процессы. Изучая примеры таких соотношений, можно, тем не менее, выделить несколько ветвей, развивающих идею антропоморфизма.

Стоит сразу отбросить идею приспособленности города для человека, «человекоадекватности». Такое проявление гуманитарного подхода (по В. Никитину), получившее широкое распространение в современной урбанистике, конечно же, важно, но по своей сути не является метафорой самого города, не соотносит его с образом человека и организма вообще.

Весь объём метафорических представлений города делится на два направления. Первое — физиологическая морфология города, в которой предметом разговора являются материальные сущности. В профессиональной практике градостроителей прочно укоренились понятия «каркас», «ткань» и «плазма» (применяемые скорее как теоретические конструкты-метафоры, формализовать и операционализировать которые отечественная градостроительная наука пока не смогла). Каркаснотканевую теорию города ввёл Алексей Гутнов (Гутнов, 1984, с. 117), основываясь на представлениях о городе как организме. Последующее развитие этого направления уже на основе аналогии с человеком стало носить «любительский», непрофессиональный характер: на уровне студенческих ассоциаций частей города с «артериями» (магистралами), «лёгкими» (городские леса) и прочими компонентами человеческого тела, то есть исключительно на уровне медицинской физиологии. Несмотря на примитивизм, многие из таких метафор используются в профессиональном языке специалистов по работе с городом при концептуализации смыслов «простым» языком.

Так, Фрэнк Ллойд Райт в своём критическом манифесте «Исчезающий город» использовал метафору «фиброзная опухоль» для описания критического состояния городских районов (Wright, 1932, р. 26). «Провалы» градостроительной ткани в интерпретации Ирины Кукиной (Кукина, 2013, с. 112) — как провалы в памяти индивида, которые предлагается заполнять и тем самым «излечивать». Города, получившие в ходе индустриализации развитие на базе разбросанных по большой территории отдельных соцгородков или промышленных слобод, в урбаноэкологической школе Л. Б. Когана именуется городами с «расчленённой структурой» (Клевакин, 2008, с. 27). Для описания городского топоса широко используется лексика антропологической физиологии: «аппендикс», *out growth* («отросток») вплоть до специфического локального топонима «Тёщин язык»¹.

¹ Так в Ленинском районе Новосибирска называется изгиб автодороги, делающей большой «крюк», чтобы пройти под полотном железнодорожного путепровода вместе с небольшой рекой.

Более интересны и не так прямолинейны метафоры городских процессов. Они используются для упрощения сложных по профессиональной формулировке явлений. Город «дышит», «задыхается», «расползается» в процессе своего роста. По отношению к стагнирующим территориям активно применяется термин «депрессивность» — исключительно антропоморфная метафора. «Депрессивные территории» стали рабочим термином в современной российской урбанистике². К собственным городским процессам причисляют *гомеостаз* (Смоляр, 2004, с. 9) и *метаболизм* — термины общебиологические, ставшие особо актуальными в нутрициологии³. Для «лечения» повреждённых территорий города применяется *санация*, а микроурбанистические решения реализует «*городская акупунктура*». В результате боевых действий или вандального вмешательства может произойти *урбицид* — этот термин дословно переводится как «насилие над городом».

Второе направление применения антропологических метафор отражает нематериальную субъектность города (которая, хоть и может быть выражена в материализованных проявлениях городской жизни, по сути отождествляется с «личностью» города). Начало такому подходу можно проследить ещё в художественной литературе, где человеческой личности противопоставляется образ города с его (часто подавляющим) характером. Петербург в произведениях Гоголя и Достоевского — хрестоматийный пример раннего антропоморфизма. Здесь город называют «соучастником» преступления Раскольникова» (Видющенко 2019, с. 16). В советском дискурсе были популярны метафоры «*город-герой*», «*город-труженик*», которые, хотя и не раскрывались дальше указанных номинаций, явились яркими маркерами городского антропоморфизма.

В работах некоторых учёных улавливается масштабирование габитуса индивида на габитус города: «в концепции “габитуса большого города” сам город рассматривается как выражение идентифицируемых привычек, вкусов и свойств» (Бократ, 2019, с. 86). Эту же мысль высказывает Сергей Пирогов, говоря о городе как об «антропологическом явлении» (Пирогов, 2019, с. 263), однако отождествления города с самим антропоморфным персонажем здесь ещё нет.

В XX веке происходит окончательное полагание города человеческой личностью. Анциферов прямо говорит о «*душе города*»: это «исторически сложившееся единство всех элементов, составляющих городской организм как конкретную индивидуальность» (Анциферов, 1926, с. 26).

Отдельной темой в новой и новейшей урбанистике является так называемый *smart city*, у русскоязычных учёных часто получающий перевод «*умный город*». Существует множество трактовок, интерпретаций «умности» таких городов: от совокупного интеллектуального потенциала его жителей до цифровой автоматизации городских процессов. В любом случае метафорический эпитет «умный» носит антропоморфное происхождение. *Conscious city*: это даже не «смайт», а «*сознательный*» город, или город, в котором все элементы созданы осознанно, и который, как пишут авторы портала ArchDaily, «лучше понимает вас, чем ваш психотерапевт»⁴.

² В англоязычной урбанистике в языке описания «депрессивных территорий» отсутствует антропоморфизм — это всего лишь «серые поля» (greyfield).

³ На основе этих принципов дипломниками МАРХИ во второй половине XX века была разработана урбанистическая концепция Нового элемента расселения (НЭР).

⁴ 50 Planning Terms & Concepts All Architects Should Know. URL: <https://www.archdaily.com/896664/50-planning-terms-and-concepts-all-architects-should-know>.

В программах научных конференций по семиотике города появляется раздел «Город как персонаж» (Аванесов, 2020, с. 15), где антропоморфизм заявлен уже непосредственно как факт.

Как видим, представленный краткий обзор антропоморфных метафор города показывает достаточно широкое их применение. Однако насколько адекватны такие интерпретации сложнейшего конструкта, именуемого городом? Ведь метафора не есть дефиниция того или иного профессионального понятия и даже не его синоним. Метафора — достаточно вольное переложение смысла другим, более простым языком. Здесь можно выделить три основных ситуации.

(1) В профессиональной практике специалистов, работающих с городом, применение метафор вообще считается некорректным, часто носит характер профессионального сленга и поэтому допустимо лишь в устной коммуникации.

(2) Для описания города в гуманитарных исследованиях используется не такой строгий дискурс, и использование метафор применимо настолько, насколько раскрывается описательным контекстом и умением автора интерпретировать смысл.

(3) Для объяснения городской терминологии в урбанистическом дискурсе в коммуникации с потребителями городской среды метафора даже необходима — при разработке и репрезентации мастер-планов, городских программ, когда нужно объяснить сущность сложного явления для его понимания непрофессионалами.

Выводы

Антропоморфные метафоры города и его процессов находят отражение в нескольких контекстах: и на уровне физической морфологии (как сравнение с физиологией человеческого организма в проявлении аналогичных функций), и в русле соотнесения с нематериальной сущностью человека и её характеристиками. Последнее характерно для описания города в гуманитарных науках и практиках. Метафора, при всей «зыбкости» трансфера своего смысла, всё же полезна — и в сфере профессиональной коммуникации, и для объяснения сложных для понимания урбанистических понятий и явлений широкой аудитории.

Библиография

- Аванесов, С. С. (2020). Предисловие. В С. С. Аванесов & Е. И. Спешилова (ред.), *Визуальная антропология – 2019. Город-университет: жизненное пространство и визуальная среда*. (с. 14–16). Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого.
- Анциферов, Н. П. (1926). *Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода*. Сеятель.
- Бократ, Ф. (2019). Городской габитус и габитус города. В Х. Беркинг & М. Лёв (ред.), *Собственная логика городов: Новые подходы к урбанистике*. (с. 67–100). Новое литературное обозрение.
- Видющенко, С. И. (2019). Семантика образа города в произведениях русской литературы. *Казанская наука*, 2, 15–17.
- Горнова, Г. В. (2020). Урбанистические метафоры. *Управление развитием территорий*. 14.05.2020. <https://urtmag.ru/public/817/>
- Гутнов, А. Э. (1984). *Эволюция градостроительства*. Стройиздат.

- Кукина, И. В. (2013). «Провалы градостроительной ткани» как конструкционная система города. В И. В. Кукина & И. Г. Федченко (ред.), *Город, пригодный для жизни*. (с. 110–116). Сибирский федеральный университет.
- Никитин, В. А., & Никитина, Е. Н. (2000). *Принцип города: организационное представление*. Международная академия бизнеса и банковского дела.
- Пирогов, С. В. (2019). Методологические стратегии и концепты антропологии города. *ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики*, 3(21), 254–267.
- Смоляр, И. М. (2004). *Терминологический словарь по градостроительству*. Изд-во УРСС.
- Трубина, Е. Г. (2011). *Город в теории: опыты осмысления пространства*. Новое литературное обозрение.
- Wright, F. L. (1932). *The disappearing city*. W. F. Payson.

References

- Antsiferov, N. P. (1926). *Ways to study the city as a social organism. Experience of an integrated approach*. Seyatel. (In Russian).
- Avanesov, S. S. (2020). Preface. In S. S. Avanesov & E. I. Speshilova (Eds.), *Visual Anthropology – 2019. City-University: Living Space and Visual Environment*. (pp. 14–16). Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University. (In Russian).
- Bokrat, F. (2019). Urban habitus and the habitus of the city. In H. Berking & M. Lev (Eds.), *Cities' Own Logic: New Approaches to Urbanism*. New Literary Review. (In Russian).
- Gornova, G. V. (2020, May 14). Urban metaphors. *Territory development management*. <https://urtmag.ru/public/817/> (In Russian).
- Gutnov, A. E. (1984). *The evolution of urban planning*. Stroyizdat. (In Russian).
- Kukina, I. V. (2013). “Terrain vague” as a constructive system of the city. In I. V. Kukina & I. G. Fedchenko (Eds.), *A City Suitable for Living*. (pp. 110–116). Siberian Federal University. (In Russian).
- Nikitin, V. A., & Nikitina, E. N. (2000). *The city principle: an organizational view*. International Academy of Business and Banking. (In Russian).
- Pirogov, S. V. (2019). Methodological strategies and concepts of city anthropology. *ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*, 3(21), 254–267. (In Russian).
- Smolyar, I. M. (2004). *Terminological dictionary of urban planning*. Publishing house URSS. (In Russian).
- Trubina, E. G. (2011). *The city in theory: Experiments in understanding space*. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Vidyushchenko, S. I. (2019). Semantics of the city image in the works of the Russian literature. *Kazan Science*, 2, 15–17. (In Russian).
- Wright, F. L. (1932). *The disappearing city*. W. F. Payson.

Информация об авторе

Антон Евгеньевич Гашенко
кандидат архитектуры,
доцент кафедры градостроительства
и ландшафтной архитектуры
Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств
имени А. Д. Крячкова
Российская Федерация, 630099, Новосибирск,
Красный проспект, 38
ORCID: 0000-0003-3887-9340
Scopus AuthorID: 57215198900
e-mail: antongashenko@yandex.ru

Information about the author

Anton E. Gashenko
Cand. Sci. (Architecture),
Associate Professor of Urban Planning
and Landscape Architecture Department
Kryachkov Novosibirsk State University
of Architecture, Design and Arts
38, Krasny Avenue, Novosibirsk, 630099,
Russian Federation
ORCID: 0000-0003-3887-9340
Scopus AuthorID: 57215198900
e-mail: antongashenko@yandex.ru

Материал поступил в редакцию / Received 29.11.2023
Принят к публикации / Accepted 15.12.2023

Соотношение городского и загородного образов жизни (на примере архитектуры А. Палладио)

Е. В. Мохова

Белорусский государственный университет, Беларусь
katrina.mohova@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

вилла
усадебная архитектура
ландшафт
архитектура
дизайн
Палладио
активная жизнь
созерцательная жизнь

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема образов деятельной и созерцательной жизни на примере переводов трактата 1570 года итальянского архитектора Позднего Возрождения Андреа Палладио «Четыре книги об архитектуре». Повсеместно читаемый трактат в разных странах и культурных регионах Европы переводился на разные языки мира (французский, английский, русский); данная статья будет обращена к английскому переводу Джакомо Леони 1715 года и русскому изданию И. В. Жолтовского 1936 года. Анализ переводов Дж. Леони и И. В. Жолтовского позволяет определить значение трактата А. Палладио для европейской и мировой культуры. Основными эквивалентами трактата Палладио являются заимствованные у римского зодчего Витрувия понятия слов: удобство, прочность, красота. Каждый из переводчиков, согласно контексту времени, искал собственные эквиваленты итальянским словам, тем самым дополняя и расширяя смыслы, открываемые и декларируемые Палладио в его теории и практике. Но несмотря на это, одно оставалось неизменным: формы отражали эпоху (макрокосмос), методы мышления и устройство внутреннего мира (микрокосмоса) индивида. Соединение этих двух миров выливалось в достижение гармонии, характерное как для теоретических произведений Палладио, так и для построенных им зданий, которые принято считать идеалом гармоничной, комфортной жизни. Важным аспектом в данной статье является извлечение понятий *vita activa* (активная жизнь) и *vita contemplativa* (созерцательная жизнь) из контекста теоретических рассуждений архитектора Палладио о пользе, прочности и красоте. Вилла, о которой пишет Палладио, за время своего существования открывала различные связи человека, архитектуры и природы. И на сегодняшний день появилась возможность рассматривать «виллу» в новых аспектах: вилла в хорошо организованном пространстве, согласно Палладио, создаёт комфортный образ жизни, характеризующийся созерцательностью и спокойствием. Существующие и вошедшие в обыденный разговор сегодня англицизмы: *comfort*, *harmony*, *proportion* и др. обозначают и раскрывают нам проблему, о которой говорил Палладио ещё в XVI веке.

Для цитирования:

Мохова, Е. В. (2023). Соотношение городского и загородного образов жизни (на примере архитектуры А. Палладио). *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*, 3(2), 214–225. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-214-225](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-214-225)

The correlation of urban and country lifestyles (on the example of A. Palladio's architecture)

Ekaterina Mokhova

Belarusian State University, Minsk, Belarus
katrina.mohova@yandex.ru

KEYWORDS

villa
manor
landscape
architecture
design
Palladio
vita activa
vita contemplative

ABSTRACT

The article deals with the problem of images of active and contemplative life on the example of translations of the 1570 treatise by the Italian architect of the Late Renaissance Andrea Palladio *Four Books on Architecture*. A widely read treatise in different countries and cultural regions of Europe has been translated into different languages (French, English, Russian). This article will refer to the English translation of Giacomo Leoni in 1715 and the Russian edition of I. V. Zholtovsky in 1936. Analysis of the translations of G. Leoni and I. V. Zholtovsky allows us to determine the significance of A. Palladio's treatise on European and world culture. The main equivalents of Palladio's treatise are the concepts of words borrowed from the Roman architect Vitruvius: convenience, strength, and beauty. Each of the translators, according to the context of the time, was looking for their equivalents to Italian words, thereby supplementing and expanding the meanings discovered and declared by Palladio in his theory and practice. But despite this, one thing remained unchanged: the forms reflected the era (macrocosm), methods of thinking, and the structure of the inner world (microcosm) of the individual. The combination of these two worlds resulted in the achievement of harmony, which is typical for the works of Palladio, and his construction is considered to be the ideal of a harmonious, comfortable life. An important aspect of this article is the extraction of the concepts 'vita activa' (active life) and 'vita contemplativa' (contemplative life) from the context of the architect Palladio's theoretical discussions about usefulness, strength, and beauty. The villa, Palladio writes about, during its existence opened up various connections between man, architecture, and nature. Today it is possible to consider the 'villa' in new aspects: a villa in a well-organized space, according to Palladio, creates a comfortable lifestyle characterized by contemplation and tranquility. The Anglicisms that exist and are included in everyday conversation today: comfort, harmony, proportion, etc. designate and reveal to us the problem that Palladio spoke about back in the 16th century.

For citation:

Mokhova, E. V. (2023). The correlation of urban and country lifestyles (on the example of A. Palladio's architecture). *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 3(2), 214-225. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-214-225](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-214-225)

Введение

Проблема, к которой обращена данная статья, появляется в эпоху Ренессанса реферативным повторением размышлений римских античных философов о порядке жизни, являющимся порядком, схожим с устройством их загородных и городских дворцов (Баженова, 2012, с. 40). Ренессанс в Италии оказывается более склонным к контаминации, выстраиванию равенства между качеством жилья и качеством жизни. При этом тогда же возрастает значение загородного дома, который обретает собственное имя «вилла». Архитектор Позднего Ренессанса, Андреа Палладио (1508–1580 гг.) представил свою концепцию устройства вилл, наряду с другими мастерами того времени в иллюстрированном авторском издании «Четыре книги об архитектуре». Его трактат получил значительные преимущества, потому что включал большое количество гравюр с проектами или уже построенными виллами архитектора Палладио в области Венетто, в Северной Италии. Творчество А. Палладио легло в основу не только стилистики европейского искусства барокко и классицизма, но по-разному прочитанное и переведённое, стало основой большого количества художественных артефактов XVI–XX веков.

Переводы трактата А. Палладио и их значения

Трактат А. Палладио «I Quattro libri dell'architettura» представляет собой «свод правил», «альбом произведений», то есть компендиум теории и практики архитектуры. Впервые он увидел свет в 1570 году в Венеции, переиздавали его в Италии в 1581, 1601, 1616, 1642 годах. В 1650 году был сделан перевод на французский язык. На английский язык трактат был переведён в 1663, 1715, 1736, 1738 годах. Первые русскоязычные упоминания о трактате Палладио связаны с именем Петра I, а именно с 1699 годом, когда сподвижник императора князь Долгорукий перевёл текст итальянского архитектора. Второй перевод на русский язык осуществил П. М. Еропкин, придворный зодчий императрицы Анны Иоанновны, в 1737–1740 годах. Третий перевод (первого тома) осуществил Н. А. Львов, опубликованный в 1798 году. Этим же автором был выполнен перевод первой и второй книги трактата Палладио (по изданию 1616 г.). Первое полное русскоязычное издание подготовил академик И. В. Жолтовский в 1900–1920 годах, опубликованное в 1936 г.

Английское издание 1715 года, подготовил переводчик Джакомо Леони (1686–1746 гг.), итальянец по рождению, осевший в Лондоне, пропагандист палладианства в английской архитектуре. Издание Леони являлось первым полным текстом трактата Палладио в Туманном Альбионе в Новое Время. После разрушительного лондонского пожара в 1666 году, потребовалось заново отстраивать город. У истоков перепланировки и восстановления города стоял Кристофер Рен (1632–1723 гг.). Такая масштабная работа потребовала от английских архитекторов обращения к европейскому опыту строительства и архитектуры, пробудила интерес к европейской культуре в этой островной стране. Результатом явилось создание К. Реном архитектурной школы в Англии. Лондонский пожар 1666 года стал толчком для строительства нового, современного города, где появилась удобная низкоэтажная застройка.

В 1667 году был введён в действие закон о застройке, в котором власти пытались исключить риски аналогичных катастроф в будущем, однако соблюдения данного закона сильно ограничивало художественные возможности архитекторов. Но

и сами владельцы земельных участков в большинстве случаев выступали против коренной перестройки города, которую представляли в своих планах ведущие архитекторы того времени. Жителям было разрешено возводить дома на старых фундаментах за собственный счёт. Парламент запрещал возводить деревянные дома, на смену ветхим деревянным строениям пришли здания из красного кирпича с отделкой из белого камня. Согласно закону, застройщикам предлагалось на выбор в зависимости от их финансовых возможностей четыре категории кирпичных домов разной этажности и стоимости, более крупные и представительные из которых должны были возводиться вдоль улиц, а невысокие дешёвые дома – вдоль переулков. Каждому владельцу предписывалось возвести один брандмауэр со ступенчатым краем, к которому затем пристраивался дом соседа, образуя единый – террасный фасад, что стало особенностью британской архитектуры. Так же особенностью британской застройки, являлась смешенная застройка, согласно расселению социальных сословий, аристократия с обособленными особняками, могла находиться и чередоваться с домами ремесленников и торговцев, составлявших на то время около 56% населения. Закон предполагал для всех единые условия возведения построек: верхние этажи домов не могли нависать над улицей и должны были строго вписываться в размеры нижних. Парламентом была установлена стандартная высота домов, для главных улиц – 4 этажа, для небольших улочек – 3 этажа, в переулках строили 2-этажные дома, кроме того, был оговорён размер окон, которые должны были равномерно распределяться по этажам зданий.

Для возведения строений горожанам и конечно же архитекторам-планировщикам, требовались инструкции и образцы для работы. Обращение к архитектурным трактатам старая известная европейская традиция, начиная с эпохи Ренессанса, открывшая книгу древнеримского архитектора Витрувия, которая и дала старт архитекторам XVI века для создания своих собственных трактатов. Одной из самых известных книг с примерами проектных работ с описанием проводимых при этом строительных операций и был труд Андреа Палладио «Четыре книги об архитектуре». К ней обращался, как известно ещё один знаменитый архитектор Англии XVII века Иниго Джонс, да и уже несколько ранее вышедших переводов популяризировали Палладио в этой стране. Но полный перевод в период радикальной перестройки Лондона сделали книги Палладио повсеместно читаемыми. Не надо забывать о хорошо образованных английских аристократах, которые читали Палладио и видели его работы в Италии. Поэтому палладианские черты так быстро были приняты жителями города, при всём этом они соответствовали нормам выдвинутым парламентом. Трактат 1715 года, изданный в Лондоне, о котором идёт речь, переведён с итальянского оригинала с добавлением заметок и возражений Иниго Джонса.

В англоязычном тексте 1715 года переводчик Джакомо Леони подчеркнул значение повторяемых А. Палладио главных заповедей римского зодчего Витрувия: удобство (лат. *commodo* – удобно, с удобствами), прочность (лат. *patientia* – выносливость, выдержка), красота (лат. *pulchritudo* – красота, изящество). Переводчик искал английские эквиваленты итальянским словам, тем самым дополняя и расширяя смыслы, открываемые и декларируемые Палладио в его теории и практике. Слово ‘*convenience*’, означающие в переводе – удобство, комфорт, повторяется в тексте Леони около тридцати раз во всех четырёх книгах. На комфорте, как удобстве жизни на вилле тем самым делается акцент. А это означает и новые инженерные

решения. Комфорт включает в себя санитарные приспособления: нахождение санузла в доме, соединение кухонных помещений, кладовых, погребов, прачечных с главными залами и комнатами дома. По-новому организованное пространство обращено в первую очередь к заказчику: «Удобный тот дом, который отвечает положению своего обитателя и отдельные части которого находятся в соответствии как друг с другом, так и с целым. Государственным людям нужны большие залы. Адвокатам – места для принятия людей и места, подходящие для прогулок, где их клиенты могут ждать не уставая. Купцам – склады, помещения для товаров, обращённые на север и расположенные таким образом, чтобы хозяин не боялся воров» (Palladio, 1715, p. 1).

По-новому организованное пространство имеет свои общие черты, все комнаты не зависимо малые, средние или большие имеют довольно большие размеры. Это достигается реальными размерами и умело используемой иллюзией масштабов, при помощи соотношения высоты стен и пола. Размеры взаимосвязаны с инсоляцией помещений и их вентиляцией. Пространство разных размеров задаёт определённый ритм передвижения по дому и территории, ритм размеренный, чёткий и одновременно плавный. Комфорт – это ощущения, ведущие к переживанию красоты, способствующее гармонизации человека в пространстве. Слово 'endurance' в переводе означает прочность. Когда Палладио пишет о фундаменте, он говорит в первую очередь об индивидуальности почвы и её характеристиках, об утоньшении стен, что является главным в прочной постройке, о ходах в толще стены, идущих от фундамента до крыши, удаляющие испарения, от которых обычно страдает постройка. В описании лестниц, мастер говорит о предназначении лестницы, она должна отвечать своему назначению, но не мешать остальному зданию. Два человека должны на ней расходиться, ступени быть определённой выверенной ширины и длины (15, 24 см на 30, 48 см). Лестница может иметь «реквие» – место покоя и отдохновения. Палладио описывает свойство материалов, используемых при строительстве. Он, как бывший ученик резчика по камню, знал множество свойств и приёмов для кладки камня, которые использовал при возведении своих построек. Архитектор Возрождения ведёт повествование таким образом, что становится понятным как постепенно, начиная от одного камня, построить прочную долговечную конструкцию. Красоту Палладио, согласно античной эстетике, понимает, как *harmony* – гармонию. В архитектуре это, прежде всего, гармония внешнего и внутреннего пространства, их взаимосвязь. Но для итальянского мастера есть и другая гармоническая пара. Это переживание покоя и уравновешенности владельца виллы и его гостей во внешнем и внутреннем пространстве виллы. Данные размышления зодчий не выделяет в отдельную главу, но контекстуально эта цепочка осознаваемых им целей и задач присутствует в описании его проектов и завершённых построек, Палладио описывает место и его окрестности для выбора постройки, предполагая, что это неразрывная часть общего гармонического целого.

Сплав понятий – удобство, прочность, красота выражают понятие «*Lux et rus*» («деревня, но с удобствами»). Данная надпись украшала виллу графа Триссино. *Lux* в латыни имеет много значений, от «света» до «спасения», от него производна и *luxuria*, обозначающая то, что имеется в виду под современным «люкс», – красивая обстановка со всеми удобствами. Из этого следует удачная постройка Андреа Палладио – это прочная, удобная постройка, которая отвечает положению своего владельца, отдельные части виллы находятся в соответствии как друг с другом, так и

с целым, образуя гармоничную связь внутреннего и внешнего пространства, тем самым создавая определённый эстетический канон виллы, которому было суждено распространиться по всему миру. По-новому организованное пространство имеет свои общие черты, все комнаты не зависимо малые, средние или большие имеют довольно большие размеры. Это достигается реальными размерами и умело используемой иллюзией масштабов, при помощи соотношения высоты стен и пола. Размеры взаимосвязаны с инсоляцией помещений и их вентиляцией, от них же зависит прохлада в доме, что является важным элементом комфорта в итальянской вилле. Пространство с большими, средними, малыми помещениями задаёт ритм передвижения по дому и территории, ритм размеренный, чёткий и одновременно плавный.

На переводах А. Палладио – неопубликованных и опубликованных – можно выстроить не только историю архитектуры стран и городов, но и историю в целом. Первое упоминание русскоязычного перевода Палладио относится к 1699 году. Авторство приписывается одному из семейства князей Долгоруких, сподвижнику Петра I. Палладианство чётко прослеживается в истории создания новой столицы на Неве. Именно упорядоченная система итальянского архитектора как нельзя лучше соответствовала реформам первого российского императора, желавшего навести порядок в огромной стране. Не стоит забыть о желании Петра I «прорубить окно в Европу» и архитектурные образцы западных соседей, основанных на архитектуре Палладио пришлись по вкусу императору.

Второй перевод, оставшийся также в рукописи, принадлежит руке П. М. Еропкина, сделанный в 1737–1740 годах. Трактат состоял из 30 глав, содержал много сведений о строительных материалах и об их изготовлении, рекомендуемых типах конструкций стен, фундаментов, крыш, перекрытий. Еропкин, был послан Петром I за границу для изучения архитектурных художеств и разных наук. Проходил обучение Еропкин в Италии, где изучал великие творения итальянских мастеров, штудировал трактаты Виньолы и Палладио, а также предоставлял отчёт в Петербург в виде чертежей. В 1724 году П. М. Еропкин вернулся в Петербург широкообразованным специалистом, за его плечами была европейская теоретическая и практическая школа, он был одним из первых русских интеллектуалов в европейском понимании этого слова и человеком свободомыслящим. При императрице Анне Иоанновне он занимал должность главного архитектора Петербурга, без разрешения которого ничего не строилось. В образованной комиссии, осуществляющей надзор за строительством в Петербурге, под влиянием Еропкина была определена главная задача и звучала приблизительно так: «Следует показать улицы и места, в такой пропорции, где публичным площадям быть...». Обращение к пропорциям, говорит нам о значительном влиянии Палладио на взгляды и творчество Еропкина, в своём трактате итальянский мастер уделяет значительное внимание пропорциям. Еропкин руководил составлением генерального плана Петербурга, разработал проекты планировки и застройки его центральных районов, закрепив три главных лучевых проспекта, намеченных ещё Петром I, и определил пути дальнейшего развития города. Совместно с М. Земцовым он создал первый архитектурно-строительный трактат «Должность архитектурной экспедиции» (1737–1741), в котором расписаны обязанности и права архитекторов.

Третий перевод трактата А. Палладио – первое опубликованное издание (1 том), было выполнено Н. А. Львовым и вышло в свет 1798 году. Творчество

Львова приходилось на период правления Екатерины II, которая обращалась к античным образцам как противоположности елизаветинского барокко. Она пригласила в Россию архитекторов-палладианцев Чарльза Камерона и Джакомо Кварнеги, чьи творения до сих пор восхищают в Санкт-Петербурге или Царском Селе. При Екатерине палладианство становится не просто архитектурой, а целой философией, мировоззрением. Екатерина II отстраивала не только столицу, но и загородные резиденции, а также массово осуществляла перепланировку русских городов. Большинство загородных дворянских усадеб принадлежали руке Н. Львова. Он проектировал своим друзьям и соседям усадьбы в палладианском стиле и призывал соотечественников принять своего кумира за образец. На смену в большинстве случаев неудобным домам похожим на крестьянское жилище, пришли дворянские особняки с торжественными портиками, пилястрами, колоннами. Расположенные на возвышенности, искусно обрамленные садами и парками, разбитыми с учётом природы и общего пейзажа вокруг. Отражаясь в неподвижной глади тихих рек и прудов, особняки несли в себе гармонию, покой, демонстрируя как архитектурные сооружения могут быть продолжением природы.

Следующим этапом интереса к творчеству А. Палладио, было время «освоения классики», объявленного в 1930-х годах. Четвёртый перевод трактата итальянского мастера осуществил выпускник классической академии – И. В. Жолтовский в 1900–1920 годах (издано только в 1936 г.). К 1920-м годам неоклассический период закончился, и вперёд вышло авангардное искусство. В архитектуре главенствовал конструктивизм и рационализм. Однако, вся авангардная архитектура создавалась в диалоге с палладианством. На первое место выходила целесообразность и практичность, присуще была природная естественность материалов, строгость и лаконичность форм, простота и логичность облика, идеальная форма, ритмичное деление фасадов.

В 1930-е года происходит откат от авангарда в сторону классики и в 1940-е годы появляется «сталинский ампи́р», воплотившись как в довоенной, так и послевоенной застройке городов бывшего СССР. Для воплощения классической архитектуры, как и в прежнее время требовалось обращения к трактатам прошлых эпох. И. В. Жолтовский, сторонник внедрения стиля итальянского Ренессанса XVI века в современную практику того времени таким путём и пользовался. Исходя из перевода, выполненного Жолтовским, можно говорить, что архитектор рассматривал дом как красивую, долговечную постройку. Автор говорил об удобстве, но в переводе текста Палладио больше делал акцент на красоте, изяществе и гармонии. Это контекст времени. В 1930-е гг. архитекторы ещё не соединяли красоту архитектуры с комфортом для проживания там человека.

Однако для итальянского зодчего в XVI веке это важный вопрос. Он писал: «В прошлой книге я изложил всё то, что мне казалось достойным внимания при постройке общественных зданий, а также частных домов, для того чтобы здание вышло красивым, изящным и долговечным; а также я высказал некоторые мысли о многих вещах, касающихся удобства частных домов, чему главным образом будет посвящена настоящая книга». «Поэтому в больших постройках части должны быть большими, в малых – малыми, в средних – средними; ведь было бы некрасиво и несообразно, если бы в очень большой постройке были маленькие залы и комнаты, и наоборот, если бы в маленькой постройке были всего две или три комнаты, заполняющие всё». «Поэтому нужно сугубо заботиться не только о главных частях

постройки, – лоджиях, залах, дворах, парадных комнатах, лестницах, просторных, светлых и лёгких для подъёма, – но и о том, чтобы и самые малые и невзрачные части были удобно расположены для обслуживания главных и более значительных, ибо, как в человеческом теле некоторые части благородны и прекрасны, а другие скорее неблагородны и некрасивы, и всё же мы видим, что первые сильно нуждаются во вторых и не могли бы без них обходиться, так и в постройках некоторые части должны быть более значительными и почётными, а другие менее нарядными, без которых, однако, первые не могли бы оставаться самостоятельными и тем самым отчасти лишились бы своего достоинства и красоты» (Палладио, 1989, с. 81).

Учение Жолтовского о классическом направлении в архитектуре находит своё отражение не только в проектировании отдельных сооружений, но и в композициях ансамблей в городской среде. Градостроительная практика мастера отражена в проектах по реконструкции города Москвы (1918, 1935 гг.), городов Сочи и Калуги (сер. 1930-х г.). Принципы, которые закладывал и описывал Палладио в XVI веке в своём трактате находят прямое отражение в проектах русского архитектора. И. В. Жолтовский рассматривал город как единый архитектурный ансамбль. Он считал, что в правильной композиции города преобладает некое статическое начало, в котором и воплощается основная идея целого. Примером он чаще всего делал итальянские города, в Венеции центр статике – площадь св. Марка, в Риме – Колизей и т. д. Роль статического начала обычно принимает на себя ведущее архитектурное сооружение, которое в большинстве случаев подчиняет себе всю организацию городского плана, центральных площадей и улиц. И. В. Жолтовский выступал с идеей обильного озеленения города. Он предлагал это достичь при помощи введения широких полос зелени, разбивки садов и парков, уменьшения ограждений и заграждений, которые снижают уровень вентиляции. Жолтовский выступал против застройки набережных Москвы-реки высокими домами, которые могли стать препятствием для доступа свежего воздуха. Он говорил о значимости ветров при строительстве, что подчёркивает обращение мастера к трактатам предшественников. Мастер выступал противником «сплошной» застройки, стремился к тому, чтобы архитектура взаимодействовала с природой, советовал учиться у неё гармонии.

В рамках данного исследования, были рассмотрены отсканированные изображения оригинала трактата 1570 года, что позволило проанализировать изображения в контексте времени. На основе дошедших до нас трактатов и сохранившихся вилл Палладио, можно выделить три группы вилл по их размещению в ландшафте и определить их ключевые аспекты, при помощи которых формируется та самая «удачная постройка» А. Палладио. Например, вилла Ротонда в Виченце (1567–1605) будет располагаться на возвышенности, вилла Мальконтента (1558–1560) в Мира, в окрестности Венеции – у вод канала Бренты, вилла Эмо (1565) – на равнинной плоскости. Проведя сравнительный анализ этих трёх вилл, согласно оригиналу трактата 1570 года и лондонского издания 1715 года, о котором шла речь ранее, можно говорить о плюсах и минусах перевода Джакомо Леони и о ценности трактата в целом. Леони делает некоторые неточности в рисунках, например в вилле Ротонда появляются отверстия в куполе, в вилле Мальконтента ризалит, завершающийся фронтоном, изображён ниже, чем в оригинале трактата 1570 года, добавляются формы подобные волютам ионического ордера, двери в боковых галереях изображены не

в пропорциях Палладио, они более вытянуты вверх, добавляются скульптуры по бокам галерей. В вилле Эмо голубятни изображены более растянутыми по горизонтали, а также с отверстиями для окон на главном парадном фасаде. Но в рисунках и переводе Леони есть отличительное качество – линия соединения архитектурной формы и ландшафта, он изображает лестницы выхода в парк, так в вилле Эмо появляется начало планировки сада. Делая акцент на комфорте и удобстве, Леони говорит о том, что человек ищет комфорт не только в технических, санитарных условиях обитания, но и в эстетических, таких как видовые точки на пейзажи вокруг.

Видовые точки в трёх виллах, разно располагающихся в ландшафте, будут организовываться совершенно по-разному. Общей их чертой будет расположение недалеко от водных каналов, в вилле Мальконтента – это выражено более очевидно, так как постройка стоит прямо на берегу, благодаря чему она имеет множество точек обзора по горизонтали, которые даёт изгиб канала, по вертикали вилла имеет три уровня видовых точек, но не позволяет открывать дальние виды перспектив, как в вилле Ротонда. Вилла Ротонда имеет три уровня видовых точек по вертикали: с возвышенности, с низменности и находясь в самой постройке на среднем уровне обзорности, по горизонтали имеет стандартный круговой набор обзорности постройки. Вилла Эмо, располагающаяся на равнинной плоскости, имеет самое маленькое количество видовых точек обзорности по горизонтали и вертикали, но расположение окон боковых голубятней, расположенных выше всех остальных окон в вилле, даёт дополнительную возможность раскрытия перспектив. Вертикальные и горизонтальные видовые точки обзора образуют взаимосвязь внутреннего и внешнего пространства, при помощи облегчённых архитектурных конструкций в виде лоджий, лестниц, а также мезонинов, тем самым создавая комфорт для человека, который он ищет интуитивно в видовых точках архитектуры и природы. Благодаря Палладио и его проектам, предполагающим разные ландшафты, создаётся определённый образ жизни – комфортный, созерцательный или деятельный (сельскохозяйственный). Для общества вилла теперь не дворцового типа дом, просто перенесённый на лоно природы, а целая система гармонично организованного пространства, при чём в нескольких вариантах исполнения, согласно различным ландшафтным условиям.

Соотношение городского и загородного образов жизни

В связи с архитектурой вилл А. Палладио нельзя обойти вниманием и некоторые страницы истории Северной Италии. Согласно Брюссельскому мирному договору 1517 г. вся Северо-восточная Италия стала сферой влияния Венеции. Венецианское правительство обеспечило мир на территориях Венетто, землях, где, в основном, вёл свои строительные работы Палладио. В этот промежуток времени XVI–XVIII вв. наступает пора единственной в своём роде усадебной культуры, для которой у историков существует даже специальный термин: *la civiltà delle ville venete* – «культура венецианских вилл» (Смирнов, 2018, с. 21). Вилла становится символом прямого контакта между человеком и природой, определяя глубокую связь, которая до сих пор объединяет итальянское население с землёй и сельской местностью. Если поразмышлять о происхождении такого явления как «вилла» – то нужно его рассматривать в контексте времени. Во времена римлян мы можем говорить о вкусе к сельской местности и виллам, построенным вдали от города. В Средние века

строительство вилл сократилось, но никогда не исчезало, Петрарка, который в XIV веке попытался создать некий прообраз виллы – создаёт образ места уединения и отдыха за городом, место спокойствия и развитие более глубокого диалога. Дом поэта был построен в Аркуа, недалеко от Падуи на Эуганских холмах и представляет собой небольшой дом, это ещё не вилла, задуманная как краеугольный камень фермы, а именно вилла для отдыха и уединения.

К XVI веку вилла приобретает иной характер, поля для возделывания являлись богатством, и концепция виллы для уединения дополняется сельскохозяйственными компонентами. XVII–XVIII века пытаются довести до совершенства концепцию «виллы», обращая внимание на комфорт, удобство. XIX–XX века воспринимают «виллы» как свободный загородный дом, который может быть как местом отдыха и уединения, так и местом производства. И на сегодняшний день появилась возможность рассматривать «виллу» в новых аспектах. Вилла в хорошо организованном пространстве, согласно Палладио, создаёт комфортный образ жизни, характеризующийся созерцательностью и спокойствием, независимо от наличия сельскохозяйственной деятельности.

В контексте данной статьи загородную виллу можно рассматривать, как – *vita contemplativa* (созерцательная жизнь). Понятие слова «созерцание» в переводе на итальянский язык звучит как *maturare*, что означает способствовать созреванию, обдумывать, вынашивать (идею, замысел), укреплять, закалять, *maturare la mente* – закалять ум. В переводе на английский «созерцание» звучит, как *contemplation* – размышление, *meditation* – медитация, *vision* – видение, образ. Исходя из этого мы можем говорить о вилле, как о месте, способствующем погружению человека в себя, о возможности рефлексивного и не напряжённого бытия. Благодаря расширенному, не имеющего сковывающих и давящих границ, человек, живущий в данном пространстве имеет возможность при помощи созерцания видеть мир иными глазами, что позволяет воспринимать действительность, тесно связанную с природой, становиться её частью и сливается с ней. Пространство в данном контексте звучит, как созерцательное место, представляющие определённый, неповторимый образ. Независимо от языка перевода, вилла остаётся – местом созерцания и спокойствия. *Vita activa* (активная жизнь) мы можем рассматривать как городской деятельный образ жизни, который воспроизводит все те же человеческие варианты существования, что и в загородном образе жизни, но имеет ряд особенностей.

Первая особенность городского образа жизни – звук, который задаёт определённые ритмы движения человека, а исходя из этого и организацию архитектурного и природного пространства. Городские звуки – это динамичны ритмы, сменяющие друг друга, в зависимости от времени суток, они являются «фоновым шумом», который городские жители в активной повседневности даже не замечают. Загородные звуки – это более статичные, плавные ритмы, рассредоточенные по всему пространству с расставленными акцентами, в определённых местах. Следующая особенность – конструкция, загородный образ жизни предполагает наиболее гармоничное состояние и слияние человека с архитектурой, архитектурная постройка на наиболее открытом пространстве имеет все факторы светотени, огибающие постройку со всех сторон, тем самым создавая возможность человеку бывать в разных состояниях природных и архитектурных условий. Городские конструкции не всегда предполагают все факторы света и тени, всё зависит от их расположения в плане и сетке всей городской структуры, зачастую в городской системе одни

постройки перекрывают другие, некоторые из них развёрнуты под разными противоположенными разными углами, относительно сторон света. На образ жизни людей так же влияет материал конструкции, для загородных домов характерна деревянная или каменная конструкция, для городских – каменная конструкция. Исходя из материалов конструкции можно говорить о колористических особенностях городского и загородного образов жизни. Загородный образ жизни имеет более разнообразную колористическую палитру как в качестве материалов, так и в чередовании сменяющегося пейзажа, зависящий от поры года.

Заключение

На сегодняшний день использование новых англицизмов *comfort*, *harmony*, *proportion*, обозначает и раскрывает нам проблему, о которой говорил Палладио в XVI веке. Палладио не был первым, кто начал строительство вилл, они существовали и до него, например постройки Санмикели, Сансовино, Фальконетто и др. Идея виллы брезжила уже в умах первых гуманистов, таких как Петрарка, который в XIV веке попытался создать некий прообраз виллы. Строились виллы в классическом стиле, вроде виллы Джустиниани в местечке Ронкаде (архитектор неизвестен) или знаменитой виллы Медичи в Поджо-а-Кайяно (арх. Дж. Да Сангало, 1480). Но никто из архитекторов так и не смог предложить убедительной модели здания, специально разработанной для загородного удобного времяпровождения (Смирнов, 2018, с. 26–27). А. Палладио удалось, создать образ определённой модели загородного и городского особняка, оформить в единый образец – «Четыре книги об архитектуре». Распространённый по всему миру трактат в зависимости от эпохи получал новые современные эквиваленты, тем самым дополняя и расширяя смыслы, открываемые и декларируемые Палладио в его теории и практике. Джакомо Леони в своём переводе расставляет акценты согласно Витрувию (удобство, прочность, красота), что сегодня называется комфортом, Жолтовский расставляет акцент на красоте и изяществе, говоря о визуальном восприятии объекта и пространства, что не менее важно. И извлечение понятий *vita activa* (активная, деятельная жизнь) и *vita contemplativa* (созерцательная жизнь) из контекста теоретических рассуждений на примере детального рассмотрения планов и фасадов позволяет сделать вывод, что ритм и интересы *vita activa* не превосходят и не уступают ритмам и интересам *vita contemplativa*, но они и не совпадают. Каждый из образов жизни человека имеют свои собственные идеи, задачи и их воплощение, и только человеку решать, какой из образов жизни ему близок и соответствует пониманию его комфортного существования.

Библиография

- Баженова, О. Д. (2012). *Искусство интерьера. История. Стилеобразование*. ГИУСТ БГУ.
- Палладио, А. (1989). *Четыре книги об архитектуре*. Стройиздат.
- Смирнов, Г. (2018). *Семь философских путешествий*. РИПОЛ-Классик.
- Palladio, A. (1715). *The Four Books of Architecture*. Printed by John Watts, for the Author.

References

- Bazhenova, O. D. (2012). *Interior art. History. Style formation*. GIUST.BSU. (In Russian).
Palladio, A. (1989). *The Four Books of Architecture*. Stroyizdat. (In Russian).
Smirnov, G. (2018). *Seven philosophical Journeys*. RIPOL-Klassic. (In Russian).
Palladio, A. (1715). *The Four Books of Architecture*. Printed by John Watts, for the Author.

Информация об авторе

Екатерина Вячеславовна Мохова
Преподаватель кафедры искусств
и средового дизайна
Белорусский государственный университет
Беларусь, 220006, Минск, ул. Маяковского, 96
ORCID: 0009-0007-5781-2092
e-mail: katrina.mohova@yandex.ru

Information about the author

Ekaterina V. Mikhova
Lecturer at the Department of Art
and Environment Design
Belarusian State University
96, Mayakovskogo St., Minsk, 220006, Belarus
ORCID: 0009-0007-5781-2092
e-mail: katrina.mohova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию / Received 06.08.2023
Принят к публикации / Accepted 29.10.2023

ГОРОД В ИСТОРИИ | THE CITY IN HISTORY

[https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-226-233](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-226-233)

Город Кёнигсберг как фактор становления Канта-философа

Т. Г. Румянцева Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
t.rumyan30@gmail.com

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

И. Кант
Кёнигсберг
культурно-исторический
ландшафт города
городское пространство
дух и идея г. Кёнигсберга
образ Канта-философа

АННОТАЦИЯ

На примере жизни и творчества великого немецкого мыслителя – И. Канта предпринята попытка ответить на вопрос о том, какие факторы оказали существенное влияние на формирование его философских взглядов и даже шире – на становление самого образа Канта как философа. Речь идёт не о влиянии достаточно широко освещённых в литературе философских или же естественно-научных предпосылок его творчества. В первую очередь анализируется особый культурный образ самого города Кёнигсберга – его культурно-исторический ландшафт со всеми конфигурациями, присущими городскому пространству, архитектурой, искусством и т. п. При этом под городским пространством здесь имеются в виду не только, а может быть, и не столько визуальные составляющие, а, скорее, «дух» и / или идея самого этого города, как места, где творятся установки для формирования определённого типа людей; когда формируется и обнаруживается ими в себе особого рода его идентичность и, как результат, – следование сообщаемым этой идентичностью ценностям, целям и социальным практикам. Выявляется, таким образом, роль и значение феномена Кёнигсберга в качестве фактора формирования образа Канта-философа. Опираясь, в том числе, на исторические факты и свидетельства, автор статьи воспроизводит специфику духа старого Кёнигсберга, показано также, как, сформировавшись во многом под влиянием сложившихся здесь установок, Кант сам затем станет для жителей Кёнигсберга духовно-нравственным эталоном и образцом для подражания, а проповедуемые им нравственная автономия личности, достоинство человека, самоценность морали и т. п. надолго войдут в плоть и кровь его сограждан. Показано, что и сегодня социокультурный ландшафт уже Калининграда – второй родины Канта, культурную среду и образ города по-прежнему во многом формирует именно образ Канта-философа, который остаётся своего рода символом города – открытого по сравнению со многими городами России, толерантного ко всему иному и приверженного новому.

Для цитирования:

Румянцева, Т. Г. (2023). Город Кёнигсберг как фактор становления Канта-философа. *Urbis et Orbis. Микростория и семиотика города*, 3(2), 226–233. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-226-233](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-226-233)

Финансирование:

Статья подготовлена в рамках ГПНИ на тему: «Кантовский мирный проект как философско-мировоззренческое обоснование безопасности современного мира», № ГР 20212394, 619/97.

© Румянцева Т. Г., 2023

Königsberg city as a factor in the development of Kant-philosopher

Tatyana Rumyantseva

Belarusian State University, Minsk, Belarus

t.rumyan30@gmail.com

KEYWORDS

I. Kant
Königsberg
cultural and historical landscape of the city
urban space
spirit and idea of Königsberg
image of Kant the philosopher

ABSTRACT

Using the life and work of the great German thinker Immanuel Kant as an example, an attempt was made to answer the question of what factors significantly influenced the formation of his philosophical views and, more broadly, the development of Kant's image as a philosopher. This is not about the influence of the philosophical or natural-scientific premises of his work, which are sufficiently widely covered in literature. First of all, a special cultural image of the city of Königsberg itself is analyzed – its cultural and historical landscape with all the configurations inherent in urban space, architecture, art, etc. In this context, urban space refers not only, and perhaps not so much, to visual components, but rather to the 'spirit' and /or idea of the city itself as a place where attitudes are formed that shape a certain type of people. These attitudes lead to the formation and recognition of a unique identity and, as a result, adherence to the values, goals, and social practices conveyed by this identity. Thus, the role and significance of the Königsberg phenomenon as a factor in shaping Kant's image as a philosopher is revealed. Drawing on historical facts and testimonies, the author of the article reconstructs the spirit of old Königsberg and shows how Kant, largely influenced by the prevailing attitudes in the city, would eventually become a spiritual and moral standard for the people of Königsberg to emulate. The moral autonomy of the individual, human dignity, and the intrinsic value of morality advocated by Kant would long become ingrained in the flesh and blood of his fellow citizens. The article demonstrates that even today, the sociocultural landscape of Kaliningrad – Kant's second homeland – still largely shapes the city's cultural environment and image, primarily through Kant's image as a philosopher. This image serves as a symbol of the city, which is more open compared to many other Russian cities, tolerant of diversity, and committed to embracing the new.

For citation:

Rumyantseva, T. G. (2023). Königsberg city as a factor in the development of Kant-philosopher. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 3(2), 226–233. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-226-233](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-226-233)

Funding:

The article was prepared within the framework of the State Research Program on the topic: “Kant's Peace Project as a Philosophical and Worldview Justification for the Security of the Modern World”, No. 20212394, 619/97.

На примере жизни и творчества великого немецкого философа И. Канта принята попытка ответить на вопрос, который условно можно обозначить примерно так: Принадлежит ли решающее значение в процессе формирования определённого человеческого типажа, особого образа граждан, включая и знаковых личностей, *городу* со всеми конфигурациями его пространства – архитектурой, искусством, его культурным ландшафтом и т. п.? При этом под городским пространством имеются в виду не только, а может быть, и не столько визуальные составляющие в виде архитектурного ландшафта. Речь скорее идёт об *идее* города, как месте, где творятся установки для формирования определённого типа людей, об обнаружении ими в себе *его* идентичности и следование сообщаемым этой идентичностью ценностям, целям и социальным практикам. Здесь также можно упомянуть формирование и закрепление в исторической памяти людей особого культурного образа этого города.

Или дело всё же обстоит, наоборот. И образ города сам создаётся его *гражданами*, которые и формируют то, что было названо *идеей* города. Чем-то всё это напоминает спор о том, что раньше: курица или яйцо? И так, Кант и Кёнигсберг...

Старый Кёнигсберг как многофакторная система, в которой переплелись его традиции, культурная память, социальные практики, ландшафт, наконец, архитектура, сыграл огромную роль в формировании образа самого известного его гражданина в лице Канта-философа.

О тесной связи творчества Канта с духом его родного города писали многие философы. Арсений Гулыга полагал, что именно «гранитом Кёнигсберга как бы выложены строгие конструкты философа Канта» (Гулыга, 1977, с. 7). По словам Эрнеста Кассирера, «бесконечно важно то значение, которое это (т. е. сам город – *T. P.*) имело для формирования его характера и воли. Кант остался на той почве, на которой он оказался благодаря рождению и внешним обстоятельствам его жизни» (Кассирер, 1997, с. 36). Кёнигсберг был тем городом-контекстом, живя в котором для Канта стало возможным сформулировать и философски воплотить в своих произведениях такое жизненное кредо, как: «имей мужество пользоваться *собственным* умом!» (Кант, 1966, с. 27). То есть, живи своим, а не чужим умом, и, во-вторых, думай!

Что же представлял собой Кёнигсберг во времена Канта (1724–1804)?

Уже при его рождении он считался сравнительно большим городом, хотя в реальности всё ещё был не более, чем собранием маленьких городов. В 1724 г. Фридрих-Вильгельм I объединил три небольших города – Альштадт, Лёбенихт и Кнайпхоф вместе с принадлежащими им свободными поселениями в одну административную общину. В этом плане крайне символично то, что Кант и Кёнигсберг *ровесники!*

Ещё во времена Тридцатилетней войны (1618–1648) здесь, прямо в городской черте, были построены многочисленные бастионы, форты, ворота, башни, ставшие как бы границами для узкогрудых, крытых черепицей домов. Эти небольшие дома с окружающими их многочисленными садами, аллеями, полями и лугами располагались на узких прямых улочках. А между этими улочками во всех направлениях изгибались «как ленточные черви» беспорядочно появлявшиеся всё новые такие же узкие и маленькие улицы. В городе почти не практиковалось удаление мусора и сточных вод, а свиньи, по свидетельствам современников, могли совершенно свободно находиться на улицах вплоть до середины XVIII века. И тем не менее, те же

жители называли свой город городом-мечтой. Писатель и музыкант М. Вик уже в XX в. описывал, какое впечатление производил город Кёнигсберг на ребёнка: «Прямо сказать, детский город-мечта... с величественным замком в центре». Перед замком стоял кайзер – огромный, больше человеческого роста, в короне, с грозно поднятой саблей. В четырёхугольном замковом дворе был погреб с ужасающим названием «Кровавый суд». Совсем неподалёку от замка на очаровательном Замковом пруду, где плавали лебеди и утки, можно было взять лодочку напрокат и покататься. Через реку Прегель вели живописные мосты; разводные мосты, из-за которых мы нередко опаздывали в школу, они вели на остров, расположенный в центре города. «Старинный собор, – пишет дальше М. Вик, – в котором я впервые услышал «Страсти по Матфею», от которых у меня перехватило дыхание, был доминантой острова Кнайпхоф. У стен собора покоится философ Иммануил Кант, слова которого отлиты в металле и укреплены на замковой стене... Многочисленные старые склады, перед которыми постоянно причаливали баржи с новым грузом, извилистые узкие переулки, мощные ворота в крепостных стенах – все они свидетельствовали о древней истории. Благодаря им легко можно было поверить в то, что в этом городе живут и сказки, и легенды...» (Хорст, 2015, с. 91). Вдоль тропы, по которой Кант совершал свои прогулки лежали улицы с причудливыми и поэтическими названиями: Инзель Венедиг или «Остров Венеция», Филозофендамм – философская дамба и др. Это воодушевляло Канта, развивало его богатое воображение.

Даже чуть раньше ещё в XVI в. Кёнигсберг стал прибежищем для всех, кто по разным причинам, чаще всего после религиозных войн в Европе, был вынужден оставить свои земли. Иностранцы пользовались здесь рядом прав. Так, французы, литовцы и поляки имели собственные церкви и школы, а французы – даже собственные суды. Отсюда сложившиеся здесь исторически многокультурность, полиэтничность и поликонфессиональность. Всё это способствовало формированию открытого города и не могло не повлиять на появление в нем именно такого философа, как Кант. Как бы в миниатюре он видел перед собой весь мир и ему не надо было покидать свой город, чтобы узнать, что этот мир собой представляет. Кстати, сам он так писал о Кёнигсберге: «Большой город, центр государства, в котором находятся правительственные учреждения и имеется университет (для культивирования наук), и к тому же город, удобный для морской торговли, который благодаря рекам, протекающим внутри страны, содействует общению как между её внутренними частями, так и прилегающими и отдалёнными странами, где говорят на других языках и где царят иные нравы, – такой город, как Кёнигсберг на Прегеле, можно признать подходящим местом для обогащения знания, и человека, и света. Здесь и без путешествия можно приобрести такое знание» (Кант, 1966, с. 352). В Кёнигсберге сложился паттерн многокультурного очага, в котором было возможно зарождение и существование всего нового, в том числе, по-видимому, и кантовской революции в философии – пресловутого «коперниканского поворота». А Кант был подлинным кёнигсбержцем!

В городе бурно развивались торговля и деловая жизнь, был огромный по тем временам порт, многочисленные корабли приходили со всех концов земли, они оживляли жизнь Кёнигсберга, приносили сюда дух вольности и то, что мы сегодня бы назвали духом космополитизма. Как писал бельгийский историк Анри Пиренн: «Торговля сделала из купца человека, нормальным условием которого была свобода» (Пиренн, 1941, с. 67). А ведь именно кёнигсбержец Кант и станет одним из

провозвестников *свободы* и *космополитизма*, так как он поставит интересы человечества в целом гораздо выше интересов отдельной нации или государства и фактически откроет новую эру в международных отношениях, праве и морали. М. К. Мамардашвили вообще назовёт его «не немецким философом», не в том смысле, что он не мыслил внутри немецкого языка... Он имел в виду, что «во времена Канта ещё не было понятия “нация” и тем более не было национал-философов, т. е. идеологов, которые под барабанный бой своих фраз хотели вести вперед народы, свои, конечно народы» (Мамардашвили, 1992, с. 121). Кант будет отстаивать идею права всемирного гражданства и единства человечества как одной из важнейших «внутренних целей» всемирной истории.

В этом городе немецкая культура встречалась с восточными народностями и население было очень пёстрым не только по национальному происхождению, но и по профессии. Это был город чиновников и художников, учёных и военных, торговцев и ремесленников. Жизнь здесь была тревожной, как в крепости. Собственно, город и задумывался рыцарями-тевтонцами в качестве мощной оборонительной крепости. Его жителям, поэтому, всегда приходилось находиться в состоянии напряжённой боевой готовности. Не баловала горожан и сама природа: строили запруды на ручьях и речках, рыли каналы и целые каналы, чтобы собирать питьевую воду, выращивать рыбу, заводили мельницы, боролись с влажностью почвы, с болотами, у которых приходилось отвоёвывать «сотки» для хозяйства и строительства. Сама жизнь учила *труду, дисциплине и следованию долгу*. А именно эти качества и составили характер Канта и одну из главных идей его философии – следование долгу.

О том, как дух Кёнигсберга, так называемый *spiritus loci* (дух места), оказывал своё воздействие на философа, писал К. Розенкранц, который видел основную черту Кёнигсберга в его универсальности, расположенности к прогрессу и неумолимой разумности. А эта разумность во взаимосвязи с универсальностью и является, как он писал, причиной редкой справедливости суждения. И если поэтому из Кёнигсберга вышла критическая философия, то в этом он видел нечто большее, чем просто случайность. Кантовская критическая философия выросла из кёнигсбергского духа. Сами кёнигсбержцы не случайно говорили, что город Кёнигсберг – это город, который даже сына шорника может сделать великим философом, пусть даже в обмен на возможность простого человеческого счастья.

Яркие описания о тогдашнем городе Кёнигсберге нам оставили известные русские авторы. Так, Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» писал о ландшафтах города, реке Преголя, замке прусских королей, «построенном на возвышении», о цейхгаузе и библиотеке, о садах, кёнигсбергском соборе, напоминающем о былых веках варварства и героизма. Упомянул он и о его коммерции, многолюдстве, нарядных толпах, пьющих кофе и чай, о многочисленном гарнизоне, льющихся из сада «ароматических испарениях свежей зелени». Будучи в городе, он три часа беседовал с Кантом, которого он назвал «славным», «глубокомысленным» и «тонким Метафизиком», «маленьким, худеньким старичком, отменно белым и нежным». Он даже писал, что Кёнигсберг выстроен едва ли не лучше Москвы (Карамзин, 1984, сс. 66–69, 72–81).

Кстати, посетивший ещё до рождения Канта шесть раз этот город, Пётр I, как это описал на основе изучения архивных документов Алексей Толстой в романе «Пётр I», якобы сказал: «А что, Алексашка (обращаясь к Меньшикову), заведём

когда-нибудь у себя такую жизнь? Не знаю, мин херц, – не скоро, пожалуй... – Милая жизнь... Слышь, и собаки здесь лают без ярости... Парадиз... Вспомню Москву, – так бы сжёг её... – Хлев, это верно. – Сидят на старине, – ж...па сгнила... Землю за тысячу лет пахать не научились. К Балтийскому морю нам надо пробиваться, вот что... И там бы город построить новый – истинный парадиз...» (Якшина, 1910, с. 10). Что касается архитектуры, то тот же Толстой пишет, что именно первому визиту Петра в Кёнигсберг, мир обязан появлению... Санкт-Петербурга!

Карамзин отметил и то, что Кёнигсберг этот город «памяти чудесного изменения народов – город на границе, на стыке двух различных и, возможно, «разноприродных цивилизаций», первый и последний для русского западный город при не всегда радостном возвращении в Россию.

Всё выше отмеченное во многом свидетельствует о конгениальности идеи города, его духа и образа мыслей с духом его самого известного жителя. Однако, возвращаясь к спору о курице и яйце, скажу, что и сам Кант, будучи истинным кёнигсбержцем, философски воплотившим в своих трудах дух Кёнигсберга, затем сумел оказать огромное влияние на последующую историю этого города и на формирование его культурного образа и духа. Так, уже в XX в. немецкий писатель М. Фюрст, упоминая о памятной доске с цитатой Канта, укреплённой на стене Кёнигсбергского замка и его знаменитых словах о звёздном небе и моральном законе, писал, что каждому школьнику Кёнигсберга пришлось хотя бы раз переписать эту цитату слово в слово, и вряд ли эти слова не оставили след в их душах.

Иммануил Кант станет для Кёнигсберга истиной в последней инстанции, особенно, когда речь будет заходить о вопросах нравственности и хорошего поведения. Проповедуемые им нравственная автономия личности, достоинство человека, как цели в себе, самоценность морали, совместимость научного детерминизма с признанием свободы человека – всё это войдёт в плоть и кровь кёнигсбержцев. Их добродетелями станут вежливость и скромность, чувство долга и верности ему, честность, умение довольствоваться малым, прилежание, усердие в работе и уважение начальства. Прямо по Канту: «Жить *честно*, ни с кем не поступать *несправедливо*, быть *умеренным* в наслаждении, терпеливым в болезни...» (Кант, 1966, с. 327). Это не случайно, ведь цель философии он видел в том, чтобы научить человека «каким надо быть, чтобы быть человеком».

Мысль и сам образ Канта в течение ряда веков во многом содействовали формированию культурного слоя и образа города Кёнигсберга. И этот образ далеко выходил за пределы только религиозных или нравственных ограничений и предписаний.

Кстати, и сегодня, особенно начиная с перестроечных лет, социокультурный ландшафт уже Калининграда – второй родины Канта, его культурную среду и образ города по-прежнему во многом формирует именно Кант. Он остаётся своего рода символом города – открытого по сравнению со многими городами России, толерантного ко всему иному и приверженного новому. Дело не только в том, что это портовый город, что очень близко расположены страны Балтии, что пусть не официально, но сохраняется память о старом Кёнигсберге, который тоже стал важной составляющей в ментальности культурной элиты. Знание о том, что в этом городе жил и творил великий Кант также занимает существенное место в числе конфигураций городской среды современного Калининграда. Кант здесь везде: на острове, где его могила и его музей, его памятники в самом городе, университет им. Канта,

многочисленные сувениры, и, конечно же его книги, идеи, наставления, ежегодные празднования его дня рождения, посвящённые ему лекции и концерты в стенах собора, конференции... без Канта представить образ даже второй его родины, сегодня немислимо.

Таким образом, отвечая на примере жизни и творчества Канта, на вопрос о том, кому (или чему) принадлежит решающее значение в процессе формирования определённого человеческого типажа и образа граждан, особенно когда речь заходит о выдающихся личностях, – городу со всеми конфигурациями его пространства как месту, где творятся установки для формирования определённого типа людей, или же эти знаковые граждане сами оказывают решающее влияние на формирование его культурного образа, мы пришли к следующему выводу. По крайней мере, в случае с Кантом мы можем смело утверждать, что, сформировавшись под влиянием духа своего города, этот человек сам станет затем для Кёнигсберга эталоном в вопросах нравственности и должного образа жизни и поведения, а проповедуемые его философией нравственные императивы на долгие годы войдут в плоть и кровь его сограждан-кёнигсбержцев.

Библиография

- Гулыга, А. В. (1977). Кант. Молодая гвардия.
- Кант, И. (1966). Антропология с прагматической точки зрения. В И. Кант, *Сочинения в шести томах*. Т. 6. (сс. 349–589). Мысль.
- Кант, И. (1966). Ответ на вопрос: что такое просвещение? В И. Кант, *Сочинения в шести томах*. Т. 6. (сс. 25–37). Мысль.
- Кант, И. (1966). Спор факультетов. В И. Кант, *Сочинения в шести томах*. Т. 6. (сс. 311–349). Мысль.
- Карамзин, Н. М. (1966). *Сочинения: в двух томах. Том 1*. Советский писатель.
- Кассирер, Э. (1977). *Жизнь и учение Канта*. Университетская книга.
- Мамардашвили, М. К. (1992). Кантианские вариации. *Квинтэссенция: Философский альманах*, 120–158.
- Пиренн, А. (1941). *Средневековые города и возрождение торговли*. Горьковский педагогический институт.
- Хорст, Г. (2015). Ханна Арендт и Кёнигсберг. В А. Н. Саликов & И. О. Дементьев (ред.), *Современное значение идей Ханны Арендт: материалы международной конференции*. (сс. 86–103). Изд-во БФУ им. И. Канта.
- Якшина, Д. В. (2010). *Прогулки по Кёнигсбергу*. Живём.

References

- Gulyga, A. V. (1977). *Kant. Molodaya gvardiya*. (In Russian).
- Kant, I. (1966). Anthropology from a pragmatic perspective. In I. Kant, *Writings in 6 Volumes*. Vol. 6. (pp. 349–589). Mysl'. (In Russian).
- Kant, I. (1966). An answer to the question: “What is enlightenment?” In I. Kant, *Writings in 6 Volumes*. Vol. 6. (pp. 25–37). Mysl'. (In Russian).
- Kant, I. (1966). Dispute of faculties. In I. Kant, *Writings in 6 Volumes*. Vol. 6. (pp. 311–349). Mysl'. (In Russian).
- Karamzin, N. M. (1966). *Writings in 2 Volumes. Vol. 1*. Sovetskii pisatel'. (In Russian).
- Kassirer, E. (1977). *The life and teachings of Kant*. Universitetskaja kniga. (In Russian).

- Mamardashvili, M. K. (1992). Kantian variations. *Quintessence: Philosophical Almanac*. (pp. 120–158). Politizdat. (In Russian).
- Pirenn, A. (1941). *Medieval towns and the revival of commerce*. Gor'kovskii pedagogicheskii institut. (In Russian).
- Horst, G. (2015). Hannah Arendt and Königsberg. In A. N. Salikov & I. O. Dementiev (Eds.), *The Modern Meaning of Hannah Arendt's Ideas: Materials from an International Conference*. Izd-vo BFU im. I. Kanta. (In Russian).
- Yakshina, D. V. (2010). *Walks in Königsberg*. Zhivem. (In Russian).

Информация об авторе

Татьяна Герардовна Румянцева
доктор философских наук, профессор
профессор кафедры философии культуры
Белорусский государственный университет
Беларусь, 220030, Минск, пр-т Независимости, 4
ORCID: 0000-0002-8035-4065
e-mail: t.rumyan30@gmail.com

Information about the author

Tatyana G. Rumyantseva
Dr. Sci. (Philosophy), Professor
Professor of the Philosophy of Culture Department
Belarusian State University
4, Independence Avenue, Minsk, 220030, Belarus
ORCID: 0000-0002-8035-4065
e-mail: t.rumyan30@gmail.com

Материал поступил в редакцию / Received 06.08.2023
Принят к публикации / Accepted 27.11.2023

[https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-234-241](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-234-241)

Strategies of personification of the image of London: From binary conflicts to systems

Natalia Zelezinskaya

Belarusian State University, Minsk, Belarus
zelezinskaya@bsu.by

KEYWORDS

London
topos
anthropomorphism personification
dehumanization
cultural contexts
Peter Ackroyd
John Lanchester
Edward Rutherfurd

ABSTRACT

The article is devoted to the city of London as one of the main topoi of British literature. London acquires the status of a central image in the Victorian novel where its anthropomorphism is created by binary conflicts of richness and poverty, splendor and dirt, good and evil, etc. Victorians saw London as a city of contrasts. Contemporary citizens talk about it in terms of diversity and ambiguity. British literature has developed the image of London into complex entangled systems, which reflects the present-day collective sensitivity to subjective attitudinal ambivalence and multiplicity of correct opinions. The article contemplates the images of *the biggest, and the greatest, city on earth in London* by E. Rutherfurd (1997), *London: The Biography* by P. Ackroyd (2000), and *Capital* by J. Lanchester (2012). All the novels proceed from the anthropocentric presuppositions, i.e. from the perspective of the new genre of an urban biography. An urban biography as a genre gives new potency to the axiological dimension of a literary work since it remodels the reader's perception and estranges (defamiliarizes) the object whether it is the history, or politics, or social processes of Great Britain. The British novels under consideration manifest various intentions of their authors, which results in different strategies of estrangement. The article observes a variety of means of constructing anthropomorphic structures of the novels: physiological personification in Ackroyd's, a cultural-historical excursion in Rutherfurd's, and a contemporary social snapshot creating a critical public sphere in Lanchester's narrative. The tendency to transfer topoi into anthropomorphic images is explained by the trend toward general dehumanization in the posthuman era.

For citation:

Zelezinskaya, N. S. (2023). Strategies of personification of the image of London: From binary conflicts to systems. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 3(2), 234-241. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-234-241](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-234-241)

Стратегии персонификации образа Лондона: от бинарного конфликта к сложным системам

Н. С. Зелезинская

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
zelezinskaya@bsu.by

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Лондон
топос
антропоморфизм
персонификация
дегуманизация
культурные контексты
Питер Акройд
Джон Ланкастер
Эдвард Резерфорд

АННОТАЦИЯ

Лондон приобретает статус центрального образа в викторианском романе, где персонификация города создаётся за счёт бинарных конфликтов богатства и бедности, блеска и грязи, добра и зла и т. п. Викторианцам столица империи виделась городом контрастов, сегодняшним лондонцам столица представляется неоднородным противоречивым конгломератом. Британская литература развила образ Лондона как сложной и запутанной системы, что отражает современное состояние коллективной чувствительности с её стремлением к субъективной аксиологической амбивалентности и множественности правильных мнений. В статье рассматриваются антропоморфные образы столицы Великобритании в романах «Лондон» Э. Резерфорда (1997), «Лондон: Биография» П. Акройда (2000) и «Столица» Д. Ланкастера (2012). Жанр этих произведений – биография города – обладает большим потенциалом с перспективы аксиологии художественного произведения, поскольку опосредованность восприятия (писатель всегда говорит о человеке, но в данном случае – через призму городского пространства) приводит к отстранению и позволяют посмотреть свежим взглядом на политические проблемы, исторические коллизии и социальные процессы Великобритании. В зависимости от своих интенций писатели конструируют различные антропоморфные художественные структуры: у Акройда – физиологическая персонификация, у Резерфорда – культурно-исторический экскурс и экономико-социальный срез в нарративах Ланкастера. Тенденция к переводу топосов в антропоморфные образы объясняется стремлением отразить, гиперболизировать и в то же время компенсировать общую дегуманизацию современного общества.

Для цитирования:

Zelezinskaya, N. S. (2023). Strategies of personification of the image of London: From binary conflicts to systems *Urbis et Orbis. Микростория и семиотика города*, 3(2), 234–241. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-234-241](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-234-241)

Introduction

Contemporary anthropomorphic forms continue a long history of using human figures for functional and cultural purposes in architecture, household utensils, robots, furniture, artifacts, etc. This history can be traced back from Viking vessels to contemporary chairs. Anthropomorphic forms can be also found in ideas, starting from individual and collective attributions of anthropomorphic properties to God in three main domains – psychological, biological, and physical. Anthropomorphic structures in literary texts acquire both forms: concrete and abstract, the former being much more thoroughly researched while abstract forms in literary texts are paid much less attention, as they are not easily classified and typified. Nevertheless, the idea of an anthropomorphic city is so powerful in literature, that it has become a standard narrative device and has been widely discussed in literary studies (Toker, 2011; Reed, 2007). Nevertheless, the forms of the city anthropomorphism and the connection between the form and pragmatics in 21st-century literary texts are viewed as relevant and interesting for contemporary literary studies.

A big city is perhaps the most common setting for contemporary novels. It often overcomes the limits of chronotope and turns to be an independent image. The trend can be observed as early as in St. Augustine's *Civitas Dei*, which is both artistic and narrative. St. Augustine does not deal with descriptions but conveys his message through the development of a conflict between the City of God and the Earthly City and drives the narration to the victory for the former (Augustine, 2005).

Binary conflicts in the Victorian novel

What concerns London, it seems to constantly become an independent image in Victorian literature. These works do not just show London as a backdrop but are about the character of the city as if it were a living being. To make it vigorous, lively, and plausible Victorian writers use St. Augustine's approach and create a conflict between contradictory features of the entity. The first British novel Augustan idea refers to is certainly *A Tale of Two Cities* by Charles Dickens. It works with the misty, mystical though rational and liable to the power of reason London of Sir Conan Doyle, with the lonely clatter of hooves on the paving stones and bustling shopping streets in *The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde* by Robert Louis Stevenson, with the capital of Industrial Revolution, reaping the benefits and suffering the consequences in *Great Expectations* by Charles Dickens. The juxtapositions are set by the very first moment the image of London is introduced: "It chanced on one of these rambles that their way led them down a by-street in a busy quarter of London. The street was small and what is called quiet, but it drove a thriving trade on the weekdays <...> and with its freshly painted shutters, well-polished brasses, and general cleanliness and gaiety of note, instantly caught and pleased the eye of the passenger. Two doors from one corner, on the left-hand going east the line was broken by the entry of a court; and just at that point a certain sinister block of building thrust forward its gable on the street. It was two stories high; showed no window, nothing but a door on the lower story and a blind forehead of discolored wall on the upper; and bore in every feature, the marks of prolonged and sordid negligence" (Stevenson, 2020, p. 5).

Undoubtedly, the leap in the representation of the capital depends primarily upon economic, social, and cultural contexts. In 1800, its population reached one million

inhabitants. In 1900, it could boast of 6.5 million people. Not all of them lived at St. James Park, Regent, or Oxford streets. Somebody had to survive in the docks. That made London a city of contrasts. As Andrew Sanders notes, “London is the chief character in his work” (Sanders, 2011, p. 7). This paper argues that the liveliness of Dickens’s chief character is created in great plenty due to contrasted descriptions. London was beautiful: “The sun that rises over the quiet streets of London on a bright Sunday morning, shines till his setting, on gay and happy faces” (Dickens, 2010, p. 13). And it was ugly: The ground was covered, nearly ankle-deep, with filth and mire; a thick steam, perpetually rising from the reeking bodies of the cattle, and mingling with the fog, which seemed to rest upon the chimney-tops, hung heavily above” (Dickens, Ch. Oliver Twist). In 1990, Peter Ackroyd while trying to reproduce the atmosphere of Dickensian London almost repeats the phrase: “If a late twentieth-century person were suddenly to find himself in a tavern or house of the period, he would be sick – sick with the smells, sick with the food, sick with the atmosphere around him” (Ackroyd, 2002, p. 10). Thus, the tradition has not been interrupted.

Purpose and methods

The common feature observed is not a coincidence but a reflection of the so-called anthropological turn in socio-humanitarian knowledge. An analysis of the anthropomorphic image of London allows us to understand how an opportunity to develop an anthropomorphic vision, which is necessary for a better mastering of the surrounding reality by man, is mastered in literature. Though anthropomorphism as a literary device has been known from ancient literature, it has not been the focus of interest of specialist literary critics up to the 21st century. In the modern novel, anthropomorphism is no longer perceived as a primitive form of mastering the world but as an instrument, or a form of human appropriation of the world. It makes it closer to what was alien, unfriendly, or incomprehensible for man. Anthropomorphism has recently developed new meanings. It is not just a literary device, or a term in architecture, or a part of modern philosophy, it can be recognized as both a social institution and collective sensibility. Due to the multiplicity of meanings of the notion, the processes of anthropomorphization today are diverse. That is why we can talk about different strategies of anthropomorphization in the novels about London. The question of interest of the research lies directly in how anthropomorphic figurative structures are constructed by the writer.

Complex anthropomorphic structures of the image of London

Peter Ackroyd shows London as a living, breathing organism, developing according to laws similar to biological ones, i.e. living through stages of birth, growth, formation, experiencing wounds and depressions, tightening its belt during bombing and economic recession, living on pirate raids and the stock market, always in motion, changing, never stopping. Ackroyd exposes his writing strategy from the very beginning: «Here might be found the ‘heart of London beating warm’. The byways of the city resemble thin veins and its parks are like lungs. In the mist and rain of an urban autumn, the shining stones and cobbles of the older thoroughfares look as if they are bleeding. When William Harvey, practicing as a surgeon in St Bartholomew’s Hospital, walked through the streets he noticed that the hoses of the fire engines spouted water like blood from a cut artery» (Ackroyd, 2009). Apart from physiological metaphors, the author uses metaphors of

growing up and aging: «Whether we consider London as a young man refreshed and risen from sleep, therefore, or whether we lament its condition as a deformed giant, we must regard it as a human shape with its laws of life and growth. Here, then, is its biography» (Ackroyd, 2009). As Yu. Lotman notes, “The structural approach to a literary work implies that this or that ‘device’ is considered not as a phenomenon in itself, but as a function with two or, more often, many constituents. The artistic effect of a ‘device’ is always a relation (for example, the relation of the text to the reader’s expectations, to the aesthetic norms of the epoch, to the usual plot and other stamps, to genre patterns)” (Lotman, 2023, p. 60). Thus, all the metaphors of the novel can be regarded separately in their expressiveness as well as in their unity as a part of the author’s strategy to create the living creature of London.

From century to century, Ackroyd selects events discretely, their significance determined not by official history but by his love of London: fairs, landmark houses, successive mayors, the sewage system, fires... There are personifications and personifying epithets scattered throughout the novel. London is called “insatiable”, “carnivorous”, “hungry for people, food, goods, and drink”, “greedy”, “consuming” etc. London may not be human but is an anthropomorphic being, a monster, a living creature, with only one difference: the length of its life, its experience, and its many faces are incommensurate with the temporal horizon of the human mind. The chronological arrangement of the events prompts the perspective of the socio-philosophical sense of the dialectical relationship of the past to the present and the present to the future that underlies Brodel’s “la longue durée” and allows us to speak of London-in-time not as a finite temporal length, but as a “longue durée” – the integrity and incompleteness of historical time (Braudel, 1967). This narrative device plays in the author’s hand and represents London not only as a living insatiable creature but as a huge and immortal creature whose name can be as famous as Leviathan. Certainly, Leviathan was the great sea-beast of the Book of Job whom only God could tame and whose power was contrasted by God with Job’s weakness (Job 41; Isaiah 27: 1) and on the metaphorical level of the Bible it is a metaphor of untamed power. However, it is not the Leviathan Ackroyd’s image alludes to but Hobbes’s masterpiece “Leviathan”, the “Bible” of Modernity, the notorious image of strength and power, which “stands for the commonwealth and its sovereign”, while the heart of the commonwealth is London (Mintz, 1989). The beauty of this reversed metaphor rests upon the shared knowledge of arche-texts (the Bible, especially the mostly influential Book of Job, Hobb’s Leviathan), which makes the horrific image of the sea monster closer and simpler than it is in the pretexts.

Edward Rutherford prefers a syntagmatic approach. He unfolds the pages of the history of the city of London from B. C. 54 to 1997. The narrative moves from era to era, highlighting in bright spots curious scenes: the mother of a young counterfeiter throws a bag of gold behind the wall of Londinium, the body of a young man who spied a centurion committed theft falls in the dark waters of the Thames, the merchant wonders whether to sell his thirteen-year-old daughter for debts or not, Servus escapes to town and finds freedom from the landlord. Zoom in – and immediately we see the Danish fleet, about to help the English repel the Norman raid, but never leaving their native shores. Here the lord’s beautiful daughter seduces a knight to run away with him from her rich but ignorant husband – and again a large-scale picture of economic dislocation in the absence of a crusading king. Here the pirate surrenders his looted treasure to a Londoner for safe-keeping, and here the Earl of St. James has already successfully wooed the lovely heiress

and in his joy decides to buy himself a present: “There were many picture dealers in London, but his favorite was a Frenchman, Monsieur Durand-Ruel, whose gallery lay in New Bond Street. The earl had been collecting pictures of the Thames recently; he had no idea why he should have felt so drawn to the river, but he was. He had bought one by the American, Whistker, who lived in London, but Whistler’s prices, stover a hundred guineas, were too stiff. For less, at Durand-Ruel’s he could purchase the work of an unfashionable but wonderful French artist Claude Monet, who often came to stay in London to paint the river. And he had just agreed to buy a new Monet, for a very modest price, before he set out for his rendezvous” (Rutherford, 1997, p. 1040). Thus, Rutherford’s “London” uses the so-called “event history” (“histoire événementielle”). It is a history of brief, abrupt, pulsating fluctuations. Super-sensitive by definition, it registers the slightest changes. Historians metaphorically call such events explosions, news, the rhythm of everyday life, and the foam of history (Lacomb, 2013).

The anthropomorphism of the image of the city in the novel is achieved by shifting the emphasis from the topos to the subject. Rutherford creates vivid characters of Londoners. In each episode, it is easy to identify a protagonist with pronounced physiological, psychological, and social individual traits, with accurate descriptions of their appearances, actions, clothes, and houses.

And yet, the individual fates are too short and therefore not comparable to the fate of London, so the author connects his characters into generations. Thus, the builder of St. Paul’s Cathedral turns out to be a great-great-great... grandson of the Celtic boy from the first chapter. The novel dwells upon half a dozen families, some threads are broken for lack of descendants, while others, on the contrary, are connected through marriage and thrive. The author allows his readers to follow the fates of their representatives over the centuries with the help of such family traits as a birthmark, a big nose a white strand of hair, or a scar. “He was a bright, brave little fellow, dark-haired and blue-eyed, like most of his Centic people. His name was Segovax and he was nine. A closer inspection, however, would have revealed two unusual features in his appearance. On the front of his head, on the forelock, grew a patch of white hair, as though someone had dabbed it with a brush of white dye. Such hereditary marks were to be found amongst several families dwelling in the hamlets along that region of the river. ‘You need not worry’, his mother told him. ‘A lot of women think it’s a sign that you are lucky’” (ibid., p. 6). The abundance of characters, the repetition and cumulateness of motifs, and the same features of appearance and similarity of characters in grandfathers and grandchildren gradually contribute to the merging of their individual images into collective ones, to the de-personalizing of residents and thus to making London a constant in their background. “So who’s a Londoner? – Lady Penny asked. ‘One who lives here. There’s an old Cockney canon: a Londoner is one who was born within earshot of the bells of the Bow Bells. And foreigners’, he added with a chuckle, ‘are those who can no longer hear the bells from their window, whether they are Anglo-Saxon or not’” (ibid., p. 1089).

John Lanchester’s “Capital” is constructed according to the paradigmatic principle. It is a snapshot of urban anthropology in the year 2000, thirteen “Christmas” stories about typical Londoners. It imitates Chaucer’s “Canterbury Tales” as it was Chaucer who showed medieval England through a range of pilgrims (a knight, squire, yeoman, abbess, nun, three chaplains, monk, Carmelite, merchant, student, lawyer, dyer, carpenter, hatter, weaver, upholsterer, cook, skipper, doctor, Bath weaver, priest, plowman, miller, housekeeper, majordom, bailiff and indulgent salesman), and it is John Lanchester who

creates the city of the 21st century through the diversity of its modern residents. Though, not all in a row, only the creative class is represented. But the concept of the latter is misinterpreted a bit not including leading scholars, bohemian artists, arrogant lawyers, glossy journalists, and elegant gallerists (Florida, 2012). Lanchester does not speak about established professionals but prefers to see a creative class in “potential” opinion-makers and a pledge for the future well-being of England. A Polish immigrant is working as a construction worker, a computer genius named Ahmed is arrested on suspicion of terrorism, a Hungarian woman with a perfect education is forced to work as a nanny, a Senegalese soccer player is bought by an English club for a whopping sum of money, a universally hated public transportation controller who turns out to be a political refugee from Zimbabwe with a Ph.D. Social policy, economic conditions, and the psychological climate will determine whether London will allow them to create an agenda in the future.

Roger seems to be a successful man in comparison to the others. He is getting dressed for the job. It is a pivotal day – he will get his year bonus today. Roger expects a million, it was a good year for his department but he is ready to brace himself if his expectations have risen too high. He will play well in front of Max. Max is the head of the compensation committee. Maybe Max is a robot. “Max’s specs had narrow wire technocratic in a way that tried to express personality but he did not. They helped hide his face” (Lanchester, 2013, p. 136). The protocol for the meeting is as sophisticated as a computer algorithm. Roger is an old player. He knows the rules. He opens the envelope. His bonus for the year was £30,000. “Max was just sitting his glasses at him. He had been the person on the other side of the desk and was fully informed of the futility of saying or doing anything in protest” (Lanchester, 2013, p. 140). The author uses two opposite techniques simultaneously: he describes people as machines and represents London as a sentient being. Everyone is supposed to follow the rules. London is unpredictable. So far, people are all doing well, showing wit and not giving up, ready to suffer humiliation and hard work for a better life. “No, he sucked up, took it like a man, and spent the day hiding in his office and pretending to work” (Lanchester, 2013, p. 152). Maybe Roger is a robot too.

Each story is entertaining and didactic, but no more: a part cannot be greater than the whole, which the author remembers perfectly, making the reader shed tears over the fate of one character to immediately laugh at another. London shows different sides to his citizens, showing care, interest, indifference, coldness, a sense of humor, giving a helping hand, sending unexpected luck, forgetting and rewarding, showing his unpredictable and even capricious nature. However, the choice of the characters among the creative class suggests to the reader that London is as dependent on them as they are on it. Today’s outsiders, immigrants, and refugees who show creative thinking and an unconventional approach to routine matters, are the future prosperity of London, its capital. Lanchester lays the foundation for the future of London in a rather paradoxical paradigm, combining a creative and even more broadly humanistic approach with English pragmatism. The author’s conscious approach to the economic discourse is evidenced of td by the title, which can be interpreted and translated in two ways.

Conclusion

Thus, binary oppositions give way to multiple methods of personifying London. This inevitable transformation of methodology is substantiated by the ambivalence of the notion of anthropomorphism. Now it does not imply merely a living being but a complex

compound of aesthetic procedures showing how the individual fits into society through economic, social, psychological, and historical mechanisms. An analysis of anthropomorphism in literature allows us to ask whether there is something in human nature that makes it possible to produce the social in the space of the individual. Therefore, anthropomorphism as a certain type of practical behavior of modernity should not only not be outlived in practical life and philosophical or literary theory, but is necessary as one of the few ways to preserve human nature under the impending uncertainty of the posthuman condition.

References

- Augustine. (2005). *De Civitate Dei. The city of God. Books I and XII*. Aris and Phillips Classical Texts. Liverpool University Press.
- Ackroyd, P. (2002). *Dickens*. Harper Collins.
- Ackroyd, P. (2009). *London: A biography*. Anchor.
- Braudel, F. (1967). *Civilisation matérielle, économie et capitalisme (XV et XVIII siècles)*. Vol. 1. Armand Colin.
- Dickens, Ch. (2010). *Sunday under three heads*. Gyan Publishing House.
- Florida, R. (2012). *The rise of the creative class*. Basic Books.
- Lanchester, J. (2013). *Capital*. Faber and Faber.
- Lacombe, P. (2013). *De l'histoire considérée comme science*. Cambridge Press University.
- Lévi-Strauss, C. (1973). *Anthropologie structurale deux*. Plon.
- Lotman, Yu. (2023). The structures of fiction. In Yu. M. Lotman, *About Arts*. Iskusstvo-SPB. In Russian.
- Mintz, S. (1989). Leviathan as metaphor. *Hobbes Studies*, 2(1), 3–9.
- Reed, J. R. (2007). Dickens and personification. *Dickens Quarterly*, 24(1), 3–17.
- Rutherford, E. (1997). *London*. New York. Arrow.
- Sanders, A. (2011). *Charles Dickens's London*. Robert Hale.
- Stevenson, R. L. (2020). *The strange case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde*. CreateSpace Independent Publishing Platform.
- Toker, L. (2011). Introduction: Uneasy pleasures. *Journal of Literature and the History of Ideas*, 9(2), 211–217.

Информация об авторе

Наталья Станиславовна Зелезинская
кандидат филологических наук
доцент кафедры зарубежной литературы
Белорусский государственный университет
Беларусь, 220030, Минск, пр-т Независимости,
ORCID: 0000-0002-2018-1959
Web of Science ResearcherID: AAA-9591-2019
Scopus AuthorID: 57210103822
e-mail: zelennew@tut.by

Information about the author

Natalia S. Zelezinskaya
Dr. Sci. (Philology), Associate Professor at
the Foreign Literature Department
Belarusian State University
4, Independence Avenue, Minsk, 220030, Belarus
ORCID: 0000-0002-2018-1959
Web of Science ResearcherID: AAA-9591-2019
Scopus AuthorID: 57210103822
e-mail: zelennew@tut.by

Материал поступил в редакцию / Received 03.07.2023
Принят к публикации / Accepted 09.10.2023

Образ города в книгах Павла Шпилевского и Владислава Сырокомли: вербальное vs визуальное

О. Д. Баженова

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
odbazhenova@gmail.com

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

вербальное
визуальное
гравюры
Сырокомля
Шпилевский
Логойск
Несвиж

АННОТАЦИЯ

В статье речь идёт об известных сочинениях двух уроженцев Беларуси середины XIX века Владислава Сырокомли и Павла Шпилевского. Их книги относятся к первым историческим и этнографическим сочинениям о Беларуси. Задача данного исследования – сравнение литературных описаний с визуальными репрезентациями в работах современных писателей-художников-графиков К. Русецкого, М. Янушевича, неизвестного по имени художника Шклевика и ещё одного анонимного мастера. Работы, выполненные в начале XIX века Ю. Пешкой и последней трети XIX века Н. Ордой, могут служить только расширению иллюстративного ряда статьи, поскольку акцент будет сделан на хронотопической одновременности вербального и визуального в показе белорусской культуры середины XIX века. В текстах названных авторов рождается возвышенная, романтическая поэтика, связанная с родными местами, образ города оказывается пространством, наполненным смыслами, соединяющими ностальгию по историческому прошлому и современность, в которой авторы отметили ранее не замечаемое и прежде не понимаемое, например, народную крестьянскую культуру, и элементы прогресса, например, рост учреждений образования и промышленные заводские строения в малых городах. При этом их интересуют артефакты, соответствующие величию земель в категориях культуры Просвещения и её далёкой прародительницы – культуры Ренессанса. Писатели придерживаются концепции возникновения искусства и культуры в лоне античных времен и традиций, поэтому ищут значительные проявления этого прошлого в исторической памяти народа, и по сути, открывают народную культуру, крестьянский фольклор и этнографию. Хорошо известно, что Сырокомля собирал материалы для книги в Радзивилловских архивах, имевших уже тогда статус общеисторического собрания документов Великого Княжества Литовского. Завершением поисков античного бэкграунда в культуре Беларуси, стала книга «Вилия и её берега» К. П. Тышкевича, графа на Логойске. Его дневник экспедиций по реке Вилии был издан в Дрездене в 1880-е годы, спустя почти через 30 лет после описанных путешествий. Книги Сырокомли и Шпилевского – предтечи этого научного труда. Графика художников, современных этим писателям, абсолютно не соответствует романтике вербальных описаний Сырокомли и Шпилевского. Изображения городов в графических листах, даны с документальной точностью ландшафтной ведуты и очень далеки от романтического флёра вербальных описаний этих же мест. Для

визуальной памяти важен точный, почти фотографический снимок изображаемого. При всей разности вербального и визуального представлений о Беларуси середины XIX века, литература и искусство оказываются языками взаимодополняющими друг друга. Тексты писателей и произведения художников-графиков, в общем и целом, способствуют открытию и выделению культуры Беларуси в российском культурном пространстве, показывают начало формирования местного пантеона чтимых деятелей науки и искусства и выстраивают основные этапы развития истории белорусской земли.

Для цитирования:

Баженова, О. Д. (2023). Образ города в книгах Павла Шпилевского и Владислава Сырокомли. *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*, 3(2), 242–258. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-242-258](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-242-258)

The image of the city by Pavel Shpilevsky and Władysław Syrokomla: Verbal vs visual

Olga Bazhenova

Belarusian State University, Minsk, Belarus
odbazhenova@gmail.com

KEYWORDS

verbal
visual
engravings
Syrokomla
Shpilevsky
Lahoysk
Nesvizh

ABSTRACT

The article deals with the famous works of two natives of Belarus in the middle of the 19th century, Władysław Syrokomla and Pavel Shpilevsky. Their books are among the first historical and ethnographic works about Belarus. The purpose of this study is to compare literary descriptions with visual representations in the works of modern writers, graphic artists K. Rusetsky, M. Yanushevich, an unknown artist named Shklevik, and another anonymous master. The works performed at the early 19th century by J. Peszka and the last third of the 19th century by N. Orda can only serve to expand the illustrative series of the article, since the emphasis will be on the chronotopic simultaneity of verbal and visual in the display of Belarusian culture in the middle of the 19th century. In the texts of these authors, sublime, romantic poetics associated with native places is born, and the image of the city turns out to be a space filled with meanings combining nostalgia for the historical past and modernity, which the authors noted previously unnoticed and previously misunderstood, for example, folk peasant culture, and elements of progress, for example, the growth of educational institutions and industrial factory buildings in small towns. At the same time, they are interested in artifacts corresponding to the greatness of the lands in the categories of Enlightenment culture and its distant ancestor – Renaissance culture. The writers adhere to the concept of the emergence of art and culture in the bosom of ancient times and traditions, therefore they look for significant manifestations of this past in the historical memory of the people, and in fact, discover folk culture, peasant folklore, and ethnography. It is well known that Syrokomla collected materials for the book in the Radziwill archives, which even then had the status of a general historical collection of documents of the Grand Duchy of Lithuania. The completion of the search for the ancient background in the culture of Belarus was the book *Wilija i jej brzegi* by K. P. Tyszkiewicz, Count of Lahoysk. His diary of expeditions along the Viliya River was published in Dresden in the 1880s, almost 30 years after the described travels. The books of Syrokomla and Shpilevsky are the forerunners of this scientific work. The graphics of the artists contemporary to these writers do not correspond to the romance of the verbal descriptions of Syrokomla and Shpilevsky. The images of cities in graphic sheets are given with documentary accuracy of landscape veduta and are very far from the romantic flair of verbal descriptions of the same places. For visual memory, an accurate, almost photographic snapshot of the image is important. Despite the difference in verbal and visual representations of Belarus in the middle of the 19th century, literature and art turned out to be complementary languages. The texts of writers and the works of graphic artists, in general, contribute to the discovery and isolation of the

culture of Belarus in the Russian cultural space, show the beginning of the formation of the local pantheon of revered figures of science and art and build the main stages of the development of the history of the Belarusian land.

For citation:

Bazhenova, O. D. (2023). The image of the city by Pavel Shpilevsky and Władysław Syrokomla: Verbal vs visual. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 3(2), 242–258. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-242-258](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-242-258)

Введение

Мы остановимся на книгах Владислава Сырокомли (псевдоним Людвика Кондратовича) (1823–1862) «Путешествия по моим бывшим околицам: воспоминания, исследования истории и обычаев» (Вильно, 1853) и Павла Михайловича Шпилевского (1823–1861) «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю» (в журнале Современник 1853–1855, издан отдельной книгой в СПб 1858).

Обе книги представляют большие и малые местечки Беларуси середины XIX века. Вербальные описания будут сравниваться с их визуализацией в работах современных писателей художников-графиков также середины XIX века: Канутия Русецкого (1801–1860), Шклевика, неизвестного по имени, ещё одного неизвестного автора и Марцелия Янушевича (1806–1859).

Владислав Сырокомля и Павел Шпилевский родились в один и тот же год и почти в одном и том же регионе, который сейчас является Любанским районом Минской области. Важно отметить ещё одну деталь: они умерли с разницей в один год. Сырокомля был небогатым шляхтичем с очень глубокими родовыми корнями из деревни Смольгово Бобруйского повета Минской губернии, писал по-польски и своей культурной столицей считал город Вильно (Вильнюс). Шпилевский – сын священника из деревни Шипиловичи на Минщине, писал по-русски и своей духовной родиной считал Петербург и Москву. Оба они были хорошо образованы и старались так рассказать о своей малой родине, чтобы читатель не только много узнал, но и полюбил их отчий край. Я бы хотела подчеркнуть, что их путевые заметки, это учебник любви, любви к родине. Любовь начинается с ощущения красоты земли, то есть городов и природы, принятия разнообразия жизни в различных социальных стратах, различий и традиций в поведении, одежде, занятиях и повседневной жизни живущих там людей. Конечно, сюда же относится интерес авторов к сложностям, иногда трагическим, исторического прошлого их родины. Поэтому, за описанием места, куда привела путешественников дорога, следовал обычно рассказ о людях. Больше внимание уделялось крестьянам – «безмолвствующему большинству», как определил эту страту русский антрополог, культуролог и философ А. Гуревич, и разным сословиям людей, живущих в городах и местечках (см. Гуревич, 1984).

Образ белорусского края, как у Шпилевского, так и у Сырокомли, это, прежде всего, их персональное эмоциональное восприятие места, обязательный, насколько это возможно, подробный, рассказ о его истории, и репрезентация тех ситуаций и встреч с людьми, с которыми писатели сошлись по дороге или у которых гостили в тех или иных местах. Для авторов важны такие категории как опрятность и аккуратность в использовании жизненного пространства, наличие красоты природных просторов, а также средовой и домашний комфорт, и последнее, что на сегодняшний день является чем-то само собой разумеющимся: уровень просвещения, газеты, библиотеки, школы, музыка, концерты, театры и т. д.

Вербальное и визуальное (гравюра) в историческом повествовании

В книге Шпилевского, переизданной в Беларуси в 1990 году, составители подошли к выбору визуального материала достаточно поверхностно. В основном, представили несколько картинок с этнографическими типами белорусов, выполненными для книги Е. П. Тышкевича «Описание Борисовского уезда», 1847 года издания (Тышкевич, 2018) и литографиями Наполеона Орды 1870–1880-х годов. Оригинал же книги Сырокомли при издании её в Вильно в 1853 году имел только одну

иллюстрацию на форзаце, выполненную виленским художником Канутием Русецким (1801–1860) и представлял Мирский замок со стороны его главного входа, со стаффажной группой людей и барбаканом – полукруглой башней, характерной для белорусской архитектуры XVII века, но не восстановленной при реконструкции Мирского замка в 2010 году. Рисунок Русецкого стал основой литографии для форзаца книги не только Сырокомли, но и ещё одного автора, Ф. Сабещанского (ил. 1). Серия рисунков Русецкого 1844–1846 годов, куда входил этюд Мирского замка, не была известна белорусским историкам искусства. В 2013 году всю серию показали на выставке в уже восстановленном замковом комплексе Мир (Навагрудскі край, 2013).

Ил. 1. Мирский замок. Литография с рисунка Ф. М. Сабешанскага. Варшава, 1849.
Источник: <https://clck.ru/373gAZ>

В 1870-е годы Мирский замок со всеми пятью башнями запечатлел известный рисовальщик архитектурных памятников и пейзажей Наполеон Орда (ил. 2).

Ил. 2. Наполеон Орда. Мирский замок, 1876. Литография
Источник: <https://clck.ru/373foR>

Замок изображён как романтические развалины, а на дальнем плане виднеется фруктовый сад.

В целом, книги Шпилевского и Сырокомли не нуждались в визуализации. Ладность и романтическая образность описания городов и так достигали нужной цели, рождая у каждого из читателей своё персональное, чувственное представление о них. Но, музеи и собрание рукописного отдела библиотеки Вильнюсского университета сохранили современную нашим путешественникам графику с видами тех городов, местечек, деревень, о которых они писали в своих книгах. Изображения значительно расходятся с их образными рассказами. Графики К. Русецкий, М. Янушевич, Шклевик (имя художника не известно) и ещё один анонимный автор середины XIX века, как правило, представляли изображения городов в жанре ведуты, то есть расчерченного, почти геометрического пространства, лишённого, в отличие от литературного описания, эмоциональности и романтического флёра в представлении обычных повседневных явлений. Главными в графическом изображении были архитектурные памятники, улицы. Люди показывались только условными штафажными группами. Попробуем сравнить визуальное и вербальное видение белорусских городов, а именно Несвижа и Логойска, в словесном описании Шпилевского и Сырокомли, в рисунках художников Русецкого, Янушевича, Шклевика и других современников писателей.

Для образного показа города в литературном повествовании достаточно много средств от исторических аллюзий до метафорических определений. Академические правила середины XIX века требовали от художников, прежде всего, точности изображения увиденного, при этом большую роль играло умение художника владеть перспективой, соотношением масштабов, пониманием пропорционального строя архитектурных строений. То, что обычно привносит в искусство романтический или лирический пейзаж, становясь своеобразной поэтической исповедью художника, для белорусских художников середины XIX века было невозможно. С одной стороны, потому что работы Русецкого – это только натурные эскизы, а рисунки Янушевича – это ведута, предназначенная для дальнейшего гравирования, согласно заказам графов Тышкевичей. Рисунки Янушевича должны были точно показывать, то есть визуализировать виды белорусских местечек.

При этом, нужно заметить, что восприятие белорусских природных панорам и городской среды указанными нами писателями и художниками значительно отличалось от теоретических разработок современного архитектуроведения по данному вопросу. Вербально и визуально в середине XIX века город предполагалось читать по образцу идеального ренессансного стандарта, поэтому было принято выделять панораму при подъезде к городу, центральную площадь с высотной доминантой, в дополнение к ней ещё ряд высоких точек и перспектива улиц, ведущих к центральной площади. Современное прочтение образа города, ориентированное на разработки К. Линча (Линч, 1982), Г. Ревзина (Ревзин, 2019), В. Глазычева и т. д. выделяет следующие параметры восприятия городской среды: пути, границы, зоны, углы, ориентиры. То есть задают или предлагают видеть город глазами пешехода и с его точки зрения. У авторов середины XIX века главным является всё же своеобразный «планетарный» взгляд, позволяющий им представлять увиденное почти с птичьего полёта, больших перспективных расстояний.

Сырокомля и Шпилевский, в целом, исповедовали образ города, рождённый культурой Ренессанса. Ренессанс больше интересовался хабитусами отдельных средовых пространств, которое, в отличие от Средневековья, в каждом городе просматривало черты Небесного Иерусалима и зависимость его летописания от библейской истории. Так выдающийся историк и путешественник эпохи Ренессанса, профессиональный военный, с 16 лет живший на белорусских землях, Матвей Стрыйковский искал следы Афин и Трои в образах городов Великого Княжества Литовского. Он издал в форме элегии повесть о своём путешествии, совершённом в 1575 году. Кроме страниц текста он оставил альбом зарисовок городов, через которые пролегал его путь. Обо всём этом Стрыйковский сообщил в предисловии к «Хронике польской и литовской», изданной в Кракове в 1575 году (Kowalczyk, 1973, p. 15).

Сырокомля клялся в предисловии своего повествования, что он не будет идеализировать виденное. Тем не менее, в отличие от Шпилевского, он не смог избежать созерцательного любования панорамными перспективами при подъезде к городам, с некоей ностальгической рефлексией. Ренессанс, сформировавший основные гуманистические представления о чувственной природе естества человека, о восприятии им глубины пространства, очень ценил сторонний и первый взгляд на городскую среду и её окружение. Ренессансные путешественники дали множество описаний мест Италии, Германии и Франции в духе античного эфраксиса, то есть описания виденного, как картины, оформленной кистью художника. Ренессанс заложил некий стандарт красоты, актуальный и в XIX веке, когда просвещённые путешественники отправились путешествовать по городам Беларуси. Город открывался в этом случае как череда холмов или как видение на холме, центр его составляла площадь с дорогами на четыре стороны, ведущими в столичные большие города данной конкретной земли.

Словесные или вербальные портреты городов или их образные зарисовки Сырокомли и Шпилевского могут показаться маленькими поэмами. В них присутствуют чувства путешественников, их ностальгия по родным краям, их эмоциональное видение города как неразрывно связанного с природным окружением и ландшафтом, то есть средовое видение. И эти образы, выходявшие из-под пера писателей, кажутся значительными и интересными. Они привлекали внимание современников, интерес к ним не ослабевает и в наше время, полтора века спустя.

Несвиж и Логойск в описании Сырокомли и Шпилевского и их визуализации

Описание Несвижа у Сырокомли и Шпилевского начинается с описания панорамы города и дороги, ведущей к нему, показа храмов и замка Радзивиллов, возвышающегося над всем этим лежащим внизу пространством, и разделённого водной преградой. Сырокомля записывал: «...с холма виден бывший Несвиж и его окрестности. Сам город, изредка сияющий сверху острыми башнями приходских и доминиканского храмов, прячется в долине. Над ним возвышается пустующая ныне иезуитская святыня – костёл Святого Михаила, построенный на холме на другом конце города, справа синий лес и деревья зверинца Альбы, слева открывается взору величественный замок, то тут, то там взгляд ловит следы старых городских валов. Сердце начинает биться быстрее: мы уже выходим на дорогу старых воспоминаний о месте. Есть деревянное предместье Казимеж, там нас окружает венец постоянных дворов, потом переходим мост через лужу или начало

реки Уши возле бернардинского костёла – и вот мы в городе» (Сыракомля, 2002, с. 72).

Сыракомля въезжает в Несвиж с той его части, которая на сегодняшний день, закрыта для путешественников. Она составляла один из четырёх видов города, открывающийся одновременно на замок, городские храмы, и реку Уша, которая часто мелела, поскольку её водой наполняли рвы замка. Сейчас сохранилась одна единственная панорама Несвижа со стороны предместья Казимеж. Она являет собой тот редкий образец разворачивающегося перед зрителем картины городских строений: замка князей Радзивиллов XVI–XIX веков, иезуитского храма XVI века, въездной брамы XVIII века и бенидиктинского монастыря XVI–XVIII веков, стоящих в линию вдоль сегодня полноводной реки Уша (ил. 3).

Ил. 3. Наполеон Орда. Иезуитский костёл (слева) и дворец Радзивиллов (справа), XIX век
Источник: <https://clck.ru/373fgY>

Шпилевский: «Я въезжал в Несвиж вечером, довольно поздно. Вечер был чудный. На небе не виднелось ни одной тучки, ни одного чёрного пятнышка. Всё поднебесье окрестностей Несвижа пропитано было ароматическим воздухом цветистых лугов и девственных лесов белорусских и располагало меня к приятной неге и обаянию. <...> Перед самым Несвижем, по правую сторону почтовой дороги, сквозь густые берёзы, на небольшом пригорке, окаймлённом старинным еловым лесом, виднеется монастырь святого Иоанна. Немного дальше, на горе, необыкновенно высокой и конусообразной, стоят развалины древнего католического доминиканского костёла; у подошвы этой горы раскинуты цепи разной величины холмов и холмиков, под которыми некогда были тайные проходы и подземелья, где прятались несвижане и жители соседних деревень во время набегов перекопских

татар. По левую руку почтовой дороги <...> сквозь чащу берёзовой рощи, выглядывает курган <...> Поповой горки <...>.

Чем ближе подъезжаешь к Несвижу, тем всё выше становятся горы: то и дело проезжаешь чрез разные пригорки и обрывистые возвышения и, наконец, видишь самый город на высокой горе, окружённой холмами и перерезанной оврагами, протоками, ручьями, рукавами реки Уши, прудами и большим болотистым озером, разделяющим Несвиж от некогда знаменитого и величественного Радзивилловского замка. Оттого то, при самом въезде в него, Несвиж живописно рисуется пред глазами путешественника: он представляется как бы швейцарским селением. В одном месте часть зданий раскинута на пригорке и едва держится у обрывов крутого оврага; в другом целая улица тянется вдоль трёхугольной (авторское слово – О. Б.) или квадратной равнины. Тут, у подошвы как бы разорванной горы, в одну кучу навалено несколько бревенчатых домиков <...>; там, на берегу подёрнутого зеленью озера, от которого берёт своё начало река Уша, красуется несколько кудрявых садилов с низенькими решётками и редкими фруктовыми деревьями. Прохожий постоянно должен то взбираться на горку, то опускаться на холмики, наконец, уже после усталой ходьбы отдохнуть где-нибудь на редко попадающейся равнине» (Шпилевский, 1992, с. 66). Несвиж из-за пересечённой местности с холмами и долинами сравнивается Шпилевским со Швейцарией. Уточнением этой метафоры является сообщение о запахах луговых трав, сосновых, берёзовых рощ, подчёркивание пластических линий пейзажа Несвижа в виде «кудрявых» садов, «разорванной» горы, «обрыва» оврага, «квадратной равнины», «конусообразного» разрушенного храма, Замка создаёт в тексте Шпилевского образ города старого и заснувшего в своей руинной древности, но тихого и благодатного, почти райского места.

Самой значительной достопримечательностью Несвижа, в то время, конечно был Радзивилловский замок, который в середине XIX века находился в плачевном состоянии, можно сказать в запустении. Когда после 1863 года его навестили тогдашние владельцы замка, жившие постоянно в Берлине, Антоний Радзивилл и его жена Мария де Кастелян, они даже не смогли в нём остановиться, и были вынуждены поехать в Радзивилломонты к своему дяде Леону Радзивиллу. Но замок всё же привлекал путешественников своей живописной запущенностью и легендами. Сырокомля: «Замок, окружённый глубоким ровом, высоким валом, на первый взгляд можно принять за хорошо укреплённую крепость. Но осмотрев невысокую восьмиугольную башню, возвышающуюся над главными воротами, эти бесформенные крылья, пристроенные в разное время и вливающиеся в общий ансамбль, четырёхугольные бастионы и вторую башню справа, над которой расправляет крылья геральдический орёл Радзивиллов, надо признать, что этот замок больше похож на роскошную усадебную резиденцию, чем на здание для защиты как этого места, так и самого города, и если основатель такого сооружения думал о войне в рыцарские времена, то он полагался больше, чем на стены, на храбрые плечи и силы служилой знати, находившейся под его опекой» (Сырокомля, 2002, с. 75).

Недостаточные знания Сырокомли обстоятельств истории замка и особенно его разрушений в период Северной войны первой четверти XVIII века, приводят его к недооценке фортификационных возможностей радзивилловской твердыни. Крепость Радзивиллов, построенная в конце XVI века, была непреступной в своё

время и даже в начале XVIII века не была захвачена шведами, а капитулировала. Шведский король Карл XII приказал скрыть валы и разрушить бастионы. После Северной войны Радзивиллы восстанавливали разрушенную твердыню не как замок, а как репрезентативную резиденцию, создавая роскошный дворцово-парковый комплекс. Сырокомля видит и передаёт в своём описании сложную многовековую историю демонтажа и перестройки этого памятника, успокаивая читателя словами о её совсем не грозном виде.

Для Шпилевского характерен взгляд на замок как стороннего наблюдателя, он не оценивает обороноспособность замка, а смотрит на него с точки зрения исторической ценности, обязательной для посещения путешественника, интересующегося историей, который, несмотря на трудности дороги, должен подойти обязательно к этой руине: «Чтобы попасть из города в замок, нужно переезжать чрез озеро на лодке или же обходить почти две версты, чтоб выйти на плотину. И извне, и изнутри замок запущен: валы и насыпи полуразрушены и заросли купами лоз и лиственницы; вековые деревья одичали и остаются без надзора. Самый замок как-то мрачен и уныл с первого взгляда... Но не таков он был назад тому двести лет: в то время он был феноменом несвижского края» (Сырокомля, 2002, с. 76). (ил. 4, 5, 6)

Ил. 4. Наполеон Орда. Несвижский замок, 1876.
Источник: clck.ru/373f8M

Ил. 5. Юзеф Пешка. Акварель. Вид замка. Первая половина XIX в.
Источник: clck.ru/373fYq

Ил. 6. Наполеон Орда. Несвижский замок
Источник: <https://clck.ru/373gJj>

Таким живописным строением, кажется, замок Радзивиллов на цветном рисунке 1861 года художника Шклевика. Всё что до нас дошло от него – это оставленная на работе подпись. Возможно, он был учителем рисования в каком-то учебном заведении в Несвиже или в его окрестностях. Пока мои поиски имени и дополнительной информации об этом художнике не увенчались успехом. На рисунке

показана громада строений замка, бесформенность и запустение его фортификаций, валов и рвов. Рисунок не отличается совершенством, но безыскусность голубого пятна озера и серо-белых стен замка настраивает на романтическую волну восприятия этой старины. Для художника это гибнущие камни, для писателей это славное историческое прошлое, которое можно оживить, лишь обратившись к архивам. И всё же, что же это, задаются вопросом путешественники: крепость или оборонительная твердыня – замок? Особенно волнует ответ на этот вопрос Сырокомлю, для которого важна идея былой мощи Виленского края и Несвижа.

Последний фрагмент пространства, который важен для путешественников в Несвиже, это городская площадь с ратушей и рынком. Сырокомля об этом писал так: «Среди наиболее интересных зданий Несвижа следует отметить ратушу, высокая башня которой десятки лет возвышалась над другими башнями города, но, повреждённая пожаром 1836 года, была неудачно покрыта чем-то похожим на колпак, и она теперь имеет забавный вид» (Сырокомля, 2002, с. 88).

Шпилевский, как представитель русской традиции понимания истории, о несвижской ратуше ничего не говорит, как, впрочем, и о большой центральной площади, поскольку в его представлениях за этими городскими строениями, маркирующими важное понятие городского самоуправления – магдебургское право, не имеет ценности. Он выделяет места ярмарок в Несвиже, но не отмечает в своих заметках самую главную достопримечательность – торговую и общественную площадь Несвижа.

Неизвестный русский рисовальщик, выполняющий работу для альбома графа Бобринского, собирателя и знатока российских древностей, смотрит на площадь, как на открытое пространство подобного русским ярмарочным местам гуляний. То есть русский художник-график видит Несвиж скорее, как некую видовую точку, которая отличается архитектурными формами городского пространства. Среда – это только несколько стаффажных групп людей на ратушной площади.

Теперь обратимся к панорамам Несвижа, выполненными художниками графиками середины XIX века. Панорамное изображение Несвижа середины XIX века, как, впрочем, и план города Томаша Маковского начала XVII века (ил. 7), показывают равнинное место с плотной линией вертикальных доминант, которыми являлись обозначающие края прямоугольного по планировке города, храмы бенедиктинцев, иезуитский (фарный), доминиканский и бернардинский. Несвиж строился по типу идеального города с большой площадью в центре, главными дорогами в сторону больших центров, например, столичного Вильно, лабиринтном и сложной системой улиц с ориентирами на вертикали башен храмов и ратуши. Это же мы видим в изображении Несвижа середины XIX века, выполненного неизвестным художником-графиком. В его композиции преобладают геометрические формы зданий, подчёркивается их взаимосвязь друг с другом и, конечно же, выделяется единая панорамная линия всех строений Несвижа со стороны реки Уши. Это отличается от эмоционального восприятия этих строений путешественниками XIX века.

Ил. 7. Несвиж начала XVII столетия на гравюре Томаша Маковского.
 Источник: <https://clck.ru/373gQb>

Теперь посмотрим, как писатели и художники видят города и природу восточной части Беларуси – Логойского края. На востоке сравниться по размаху и глубине исторического прошлого с Несвижем мог только город Логойск. Образу Логойска Шпилевский посвятил главу в своей книге путешествий. Он писал: «Логойск лежит между Минском и Борисовым, в пятидесяти верстах от последнего, среди непроходимых пущ и лесов, над рекой Гайной и притоком Лопенцем и окружён семью старинными почтовыми дорогами. Название своё, вероятно, получил от слова «лог» – логовьё, долина, потому что весь лежит в долине между рек. <...> Доказывает древнее значение Логойска и обширность пространства, занимаемого им в древности, Большое Замчище, к которому примыкает ряд нескольких малых замчищ. На том месте замчища, где теперь находится Богоявленская церковь, ещё в начале XVIII века <...> красовался богатейший каменный замок, вокруг которого <...> расположены были другие мелкие замки или крепостцы, раскинутые на пространстве семи вёрст и обнесённые высокими валами. Ныне замок не существует, а сохранились только каменные основания, <...> так как большая часть семивёрстного пространства, занимаемого замком, поросла лесом. <...>. Отсюда фантастические предания о Логойске: будто он тянулся на сто вёрст и на каждой версте была церковь» (Шпилевский, 1992, с. 170, 171). После изложения истории Логойска Шпилевский сообщает с гордостью: «Логойск славится фабрикой бумажных и льняных изделий, основанной графом Константином Тышкевичем в 1837 году и в настоящее время дошедшей до известной степени совершенства» (Шпилевский, 1992, с. 173–174). Эти фрагменты образа древнего города, привлекающие читателя своей уникальной природной средой и свидетельствами исторического прошлого, в рисунках художника Янушевича получают визуализацию: это замок, въезд в город со стороны Минска, полотняная фабрика, дворец графов Тышкевичей. Но в рисунках отсутствует то романтическое индивидуальное видение, которым отличается вербальное описание в книге путешествий Шпилевского. Художник Янушевич, вероятно Марцелий Якуб Станислав Янушевич, который работал для графа Константина Пиевича Тышкевича (1806–1868) в 1860–1870-е гг., когда владелец Логойска собирал своё уникальное собрание античных артефактов, белорусских древностей, писал свои основные труды

об истории Беларуси. Но в книге, посвящённой своему гравюрному собранию, Тышкевич имя Янушевича не называет (Тышкевич, 2020). Янушевичу посвящена биографическая статья в «Словаре литовских художников» (2012). Автор её литовский исследователь графики В. Гацюнас указал время появления художника в Вильно в 1814 году и 1857 год как начало работы Янушевича у Тышкевича. В 1871 году, в Дрездене, вышла книга К. П. Тышкевича «Вилия и её берега» с иллюстрациями М. Янушевича. (Gasiunas, 2012, p. 170–171) по результатам зарисовок в экспедиции по реке Вилии. Серию видов Логойска Янушевич, видимо, выполнил по заказу владельцев города и патронов художника графов Тышкевичей (ил. 8, 9).

Ил. 8. Марцелий Янушевич. Церковь и монастырь базилиан. Логойск.
Из фондов библиотеки Вильнюсского университета. Приб. 1857.
Источник: <https://www.radzima.org/ru/foto/56479.html>

Ил. 9. Марцелий Янушевич. Дворец Тышкевичей. Логойск.
Из фондов библиотеки Вильнюсского университета. Приб. 1957.
Источник: <https://www.radzima.org/eng/photo/56477.html>

Заключение

Репрезентация образа городов Беларуси XIX века в двуедином варианте вербального и визуального представила значение словесной наррации в передаче личных впечатлений и вторичность визуального знака в работах художников-графиков того времени. Два столетия спустя тексты писателей не потеряли своей актуальности, более того, они при чтении в современной постмодернистской или метамодернистской ситуации, показывают, что вербальные построения или концепции в период рождения того или иного феномена не находятся в равновесном состоянии, одна, как правило, опережает другую. В середине XIX века понятие города, его значение в культуре начинает резко меняться, выравнивается соотносительное положение городского пространства к сельским усадьбам, которые были могущественными островами культурной и хозяйственной жизни в Беларуси до конца XVIII – начала XIX века, а также в Европе и России. Дворянство по разным причинам теряет свои земли, а демократическая культура XIX века превращает город в центр очень многих начинаний: от образования до промышленного развития.

Книги названных путешественников создают интереснейшие и привлекательные образы увиденных мест, обращаются к образу городов, ценят эти города как значительные природные, исторические, хозяйственные знаки памяти и центры возможных изменений в культуре. Но выясняется явное несоответствие словесно-вербального в книжных текстах и изобразительно-визуального материала, то есть изображений тех же городов, созданных пером и кистью художников-графиков в те же самые десятилетия XIX века. Художники пишут видовые постановки, у них нет задачи передавать свои собственные чувства, то есть работать в лирическом ключе и желания выделить наиболее впечатляющие детали. Они ведунисты, старающиеся следовать академическим правилам рисования в силу и меру своей обученности перспективе и рисунку. Несмотря на то, что они уже фактически современники французских барбизонцев и импрессионистов, белорусские мастера не разрешают себе говорить от первого лица, как это сделали писатели-путешественники Владислав Сырокомля и Павел Шпилевский.

Библиография

- Гуревич, А. Я. (1984). *Категории средневековой культуры*. Искусство.
- Линч, К. (1982). *Образ города* (В. Л. Глазычев, пер.). Стройиздат.
- Навагрудскі край. (2013). *Навагрудскі край вачыма Канута Русецкага: каталог выставы рэпрадукцый малюнкаў з альбома 1844–1846 гг. Мірскі замак* (К. Карлюк, складальнік і аўтар тэкста). Медисот.
- Ревзин, Г. И. (2019). *Как устроен город: 36 эссе по философии урбанистики*. Strelka Press.
- Сыракомля, Ё. (2002). *Уладзіслаў Сыракомля* (К. Цвіркi, пер.). В *Вандроўкі па маіх былых ваколiцах: успамiны, даследаваннi гiсторыi i звычаяў*. Мастацкая лiтаратура.
- Тышкевич, Е. П. (2018). *Описание Борисовского уезда*. Национальная библиотека Беларуси.
- Тышкевич, К. П. (2020). *Помнікі айчыннага гравёрнага мастацтва. Выяўленчы матэрыял* (У. Васілевіч, пер.). Беларуская навука.
- Шпилевский, П. М. (1992). *Путешествие по Полесью и белорусскому краю*. Полымя.

- Gasiunas, V. (2012). Januszewicz Marcello. In *Dictionary of Lithuanian Artists*. Vol. 2. 1795–1918. (pp. 170–171). Vilnius.
- Kowalczyk, J. (1973). *Sebastiano Serlio a sztuka polska: o roli włoskich traktatów architektonicznych w dobie nowożytnej*. Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

References

- Gasiunas, V. (2012). Januszewicz Marcello. In *Dictionary of Lithuanian Artists*. Vol. 2. 1795–1918. (pp. 170–171). Vilnius.
- Gurevich, A. Ya. (1984). *Categories of medieval culture*. Iskusstvo. (In Russian).
- Kowalczyk, J. (1973). *Sebastiano Serlio a sztuka polska: o roli włoskich traktatów architektonicznych w dobie nowożytnej*. Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.
- Lynch, K. (1982). *The image of the city* (V. L. Glazychev, Trans.). Stroyizdat. (In Russian).
- Navahrudok region. (2013). *Navagrudskiy region vachyma Kanuta Rusetskaga: catalog of the exhibition rapraduktsy malyunka from the Album of 1844–1846*. Mirsky Castle (K. Karlyuk, the compiler and author of the text). Medisot. (In Belarussian).
- Revzin, G. I. (2019). *How the city works: 36 essays on the philosophy of urbanism*. Strelka Press. (In Russian).
- Shpilevsky, P. M. (1992). *Journey through Polesia and the Belarussian region*. Polymya. (In Russian).
- Syrokomla, V. (2002). Władysław Syrokomla (K. Tsvirko, trans.). In *On Trips to my Former Surroundings: Memories, Studies of History and Customs*. Mastackaja litaratura. (In Belarussian).
- Tyszkiewicz, E. P. (2018). *Description of Borisov district*. National Library of Belarus. (In Russian).
- Tyszkiewicz, K. P. (2020). *Monuments of Russian engraving Art. Pictorial material* (V. Vasilevich, trans.). Belaruskaja navuka.

Информация об авторе

Ольга Дмитриевна Баженова
доктор искусствоведения, профессор
профессор кафедры искусств
и средового дизайна
Белорусский государственный университет
Беларусь, 220006, Минск, ул. Маяковского, 96
ORCID: 0000-0002-5683-4448
e-mail: odbazhenova@gmail.com

Information about the author

Olga D. Bazhenova
Dr. Sci (Art History), Professor
Professor at the Department of Art
and Environment Design
Belarusian State University
96, Mayakovskogo St., Minsk, 220006, Belarus
ORCID: 0000-0002-5683-4448
e-mail: odbazhenova@gmail.com

Материал поступил в редакцию / Received 06.07.2023
Принят к публикации / Accepted 18.10.2023

[https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-259-270](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-259-270)

Роль цифровой культуры в развитии современного города

Б. Н. Паньшин

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
panshin@bsu.by

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

цифровая культура
цифровой город
городская культура
синергетические эффекты
цифровая среда
конвергенция городской и
цифровой культуры
социальный рейтинг

АННОТАЦИЯ

Цель статьи состоит в привлечении внимания молодых исследователей к проблеме развития цифровой культуры как одного из ключевых факторов успешного освоения и внедрения цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности современного города. Показано, что цифровизация приводит к изменениям не только в различных сферах ведения городского хозяйства, но и влияет на восприятие города как общественного пространства. Подчёркнуто, что цифровые устройства способны взаимодействовать с пользователями, а горожане – определять или переопределять своё окружение и свою деятельность, ориентируясь во всё большей степени на цифровую среду, требующую соответствующей цифровой культуры. Другим фактором является дополнение физического пространства города цифровым пространством, в котором в настоящее время проходит большая часть социальной жизни, что можно рассматривать как конвергенцию городской и цифровой среды. Данную ситуацию можно определить как новую парадигму развития современного города – интегрированное сообщество горожан, предприятий и организаций, а также различных оцифрованных элементов городского хозяйства, что требует разработки новых подходов в исследовании городской культуры в условиях цифровизации. Концепт статьи состоит в том, что на развитие современных городов влияют цифровизация, цифровая экономика и цифровая культура. Показано, что актуальность исследований цифровой культуры обусловлена ростом сложности задач управления экономикой и организацией жизнедеятельности общества и города, а также постоянно возрастающими темпами и масштабами цифровизации практически всех сфер городской жизнедеятельности. Отмечена значимость фактора цифровой культуры в формировании комфортной для жизнедеятельности и взаимодействия цифровой среды, что обуславливает эффективность синергетических процессов самосборки и самоорганизации сложных динамических систем, таких как современное общество, экономика и город. Анализируется роль цифровой культуры как теории и практики взаимодействия людей в цифровой среде и самой среды с окружающим миром по мере повышения эффективности создания и применения цифровых технологий. На примере социального рейтинга в Китае рассматривается вопрос о конвергенции традиционной городской и цифровой культуры.

Для цитирования:

Паньшин, Б. Н. (2023). Роль цифровой культуры в развитии современного города. *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*, 3(2), 259–270. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-259-270](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-259-270)

© Паньшин Б. Н., 2023

The role of digital culture in the development of a modern city

Boris Panshin

Belarusian State University, Minsk, Belarus
panshin@bsu.by

KEYWORDS

digital culture
digital city
urban culture
synergistic effects
digital environment
convergence of urban and digital culture
social rating system

ABSTRACT

The purpose of the article is to attract the attention of young researchers to the problem of the development of digital culture as one of the key factors in the successful development and implementation of digital technologies in various spheres of life in a modern city. It is shown that digitalization leads to changes not only in various areas of urban management, but also affects the perception of the city as a public space. It is emphasized that digital devices are able to interact with users, and citizens are able to define or redefine their environment and their activities, increasingly focusing on the digital environment, which requires an appropriate digital culture. Another factor is the complementation of the physical space of the city with digital space, in which most of the social life currently takes place, which can be considered as a convergence of the urban and digital environments. This situation can be defined as a new paradigm for the development of a modern city – an integrated community of citizens, enterprises and organizations, as well as various digitized elements of the urban economy, which requires the development of new approaches to the study of urban culture in the context of digitalization. The concept of the article is that the development of modern cities is influenced by digitalization, digital economy and digital culture. The article shows that the relevance of digital culture research is due to the growing complexity of tasks in managing the economy and organizing the life of society and the city, as well as the constantly increasing pace and scale of digitalization of almost all spheres of urban life. The importance of the digital culture factor in the formation of a comfortable digital environment for life and interaction is noted, which determines the effectiveness of the synergistic processes of self-assembly and self-organization of complex dynamic systems, such as modern society, economy and city. The role of digital culture as a theory and practice of interaction between people in the digital environment and its relationship with the outside world is analyzed as the efficiency of the creation and use of digital technologies increases. Using the example of social rating in China, the author examines the convergence of traditional urban and digital culture.

For citation:

Panshin, B. N. (2023). The role of digital culture in the development of a modern city. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 3(2), 259–270. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-259-270](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-259-270)

Введение

Цифровизация не только приводит к изменениям в различных сферах ведения городского хозяйства (планирование, управление транспортными и людскими потоками, регулирование систем энерго- и водообеспечения и др.), но и влияет на восприятие города как общественного пространства, дополненного цифровой средой, имеющей свою (пока недостаточно изученную) специфику, характеризующуюся ещё большим разнообразием, интерактивностью, способами организации совместной деятельности горожан. Сложности добавляет то, что цифровые устройства способны взаимодействовать с пользователями, а горожане – определять или переопределять своё окружение и свою деятельность, ориентируясь во всё большей степени на цифровую среду. Можно полагать, что в долгосрочной перспективе эта интерактивность, которую можно рассматривать как один из важнейших факторов цифровой культуры, сделает города более эффективными и «умными». Другим фактором является дополнение физического пространства города цифровым пространством, в котором сейчас проходит большая часть социальной жизни, то есть конвергенция городской и цифровой среды. Эту ситуацию можно определить как новую парадигму развития современного города – интегрированное сообщество горожан, предприятий и организаций, а также различных оцифрованных элементов городского хозяйства, что требует разработки новых подходов в исследовании городской культуры в условиях цифровизации. Прежде всего, речь идёт о новых синергетических эффектах цифровизации, алгоритмов и технологий искусственного интеллекта на основе нейросетей (Portugali et al., 1994, p. 311–312).

Город образуют горожане, системы управления и инфраструктура. Это опора. Главное в развитии города – устойчивость, вытекающая также из закона синергетики о необходимости постоянного сохранения и укрепления его опорной части. Многие города в мире намного старше государств и возникли, живут и будут жить по законам синергетики – самосборки и самоорганизации (Анисимов, 2008; Буданов, 2009, с. 42–43). Именно сосуществование и совместная эволюция цифрового пространства и городского пространства могут сильно повлиять на то, как развивается Город и как происходит его эволюция в «умный» город.

О понятии «умный город»

Глобальная и масштабная цифровизация городского хозяйства обусловила появление концепции «умный город». В этом словосочетании «город» – главное слово. Все остальные характеристики города (творческий, креативный, индустриальный и т. д.) являются прилагательными и характеризуют современный город как сложную, живую, постоянно развивающуюся систему.

Можно отметить, что термин «умный город» является, вероятно, недостаточно точным для описания проблем, которые им охватываются применительно к информатизации и интеллектуализации процессов обеспечения и развития жизнедеятельности людей и предприятий. В большей степени это обобщающее понятие для обозначения происходящих изменений в самых различных сферах городской жизнедеятельности вследствие масштабного применения цифровых технологий. То есть «умный город» – это зонтичный термин, обозначающий сложный комплекс решений по применению устройств, технологий и цифровых платформ для

совершенствования систем жизнедеятельности, управления городской жизнью и саморазвитием человека.

В современном понимании термин «умный город» подразумевает высокую эффективность применения информационных и цифровых технологий для управления системами обеспечения городской жизнедеятельности (Спешилова, 2022, с. 109). Такая эффективность достигается путём повышения уровня интеллектуализации мобильных приложений и цифровых платформ как в системах управления инфраструктурой, так и для оказания жителям и гостям города многочисленных услуг, что позволяет сокращать временные и финансовые издержки в процессе взаимодействия населения и бизнеса с городскими структурами.

По данным экспертов, внедрение ИТ приносит пользу как жителям города, так и бизнесу, а также повышает эффективность городской жизнедеятельности. Например, установлено, что рост проникновения широкополосного доступа в интернет на 10 % приводит к росту ВВП на 1 %, а каждые 1000 подключений способствуют созданию 80 новых рабочих мест. Кроме того, рост широкополосных каналов связи приводит к таким социальным эффектам, как снижение преступности – 20 %; снижение числа пробок – 20 %; затраты на обучение 1 студента в месяц – на 1 USD; стоимость 1 визита к врачу – 1 USD (Дронов & Махрова, 2016). Ещё больший эффект дадут комплексные и универсальные цифровые платформы для взаимодействия горожан в соответствии с концепцией цифровой экономики (здесь ярким примером является китайская платформа WeChat).

Согласно известному исследованию института McKinsey «Умные города: цифровые решения для будущего», использование технологий «умного города» способно привести к улучшению качества жизни граждан на 10–30 % и добиться 70 % показателей устойчивого развития (Умные города, 2019). Вместе с этим цифровые преобразования приводят к конвергенции реальной и цифровой среды, традиционной городской и цифровой культуры, что сопровождается новыми синергетическими эффектами. По оценкам экспертов, в течение следующих четырёх лет число приложений и электронных сервисов будет расти в четыре раза быстрее, чем в последние 40 лет¹.

Современная интеллектуализация городской жизни – это, по сути, цифровая трансформация города: технологические, организационные, операционные и культурные изменения жизнедеятельности и системы управления городской жизнью посредством интеллектуальной интеграции цифровых технологий, процессов и компетенций на всех уровнях и по всем звеньям цепочек улучшения городской среды. При этом, согласно Кембриджскому словарю, понятие «трансформация» означает изменение внешнего вида или характера чего-либо или кого-либо к лучшему (Мошелла, 2020). И в этом таится множество неопределённостей и проблем, особенно в части интеллектуализации, которая очень сложна в силу комбинаторики бизнес-моделей и инструментов и высокой динамичности их совершенствования и обновления. По этой причине, по данным McKinsey, более 70 % усилий по цифровой трансформации терпят неудачу (Forth et al., 2020).

Города как сложные и динамично развивающиеся системы подвержены различным синергетическим эффектам. Анализ проектных планов развития городов показывает, что их фактическая реализация составляет в среднем около 20–30 %

¹ https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Тенденции_мирового_ИТ-рынка.

от запланированного, а остальные 70–80 % работ осуществляются ситуативно под влиянием различных ранее не учтённых факторов (Анисимов, 2008). В аспекте культуры одним из таких факторов является фактор соблюдения техно-гуманитарного баланса (Назаретян, 2014, с. 8), согласно которому, чем выше мощь используемых в производстве технологий, тем более высокие требования должны предъявляться к менеджменту и культурной регуляции городской жизнедеятельности.

Трансформация общества, городов и экономики никогда не прекращается; она происходит по причине появления и массового применения новых цифровых технологий в производстве, быту, общественной деятельности и приводит к новым синергетическим эффектам в формировании городской культуры и в том числе цифровой культуры.

Цифровая культура «умного города»

В самом общем смысле цифровую культуру можно рассматривать, с одной стороны, как институт для достижения совершенства в создании и применении цифровых технологий, с другой – как комплекс практик для регулирования поведения людей и сообществ в цифровой среде. Методология формирования цифровой среды базируется на синергетических принципах самосборки и самоорганизации сложных динамических систем, каковыми являются современное общество и экономика в условиях глобальной цифровизации. Синергетика позволяет связывать гуманитарные и естественные науки и даёт понимание того, что мы живём в сильно нелинейном мире и что социальные системы являются историческими и зависящими от их «траектории» в прошлом.

Культурные издержки оказывают сильное влияние на развитие традиционной экономики и имеют ещё большие последствия в цифровой. Чем сложнее технологии, тем выше требования к квалификации и качеству взаимодействий экономических эффектов.

Исследования показывают, что свыше 30 % препятствий на пути к успешной цифровой трансформации предприятий обусловлены именно культурными и поведенческими проблемами сотрудников и неготовностью менеджеров эффективно коммуницировать в цифровой среде. Поэтому смысл развитой цифровой культуры для современного цифрового города состоит в том, чтобы каждый слушал каждого и всех и все слушали каждого, что обуславливает и естественным образом определяет синергетические эффекты в развитии города.

В целом цифровую культуру можно рассматривать как институт и набор практик для достижения совершенства в создании и применении цифровых технологий с целью создания цифровой среды, максимально комфортной для взаимодействия, самосборки и самоорганизации предприятий, горожан и органов управления городской жизнедеятельностью. В цифровой экономике культурные (т. е. нерыночные) мотивы всё более преобладают над рыночными. Исследования ведущих экспертов показывают, что нерыночные способы взаимодействия и равноправное производство на основе общего пользования играет более важную роль, чем информационная экономика в традиционном промышленном производстве (Маццукато, 2021).

Применительно к отдельному человеку суть цифровой культуры состоит в развитии образного мышления, которое позволяет создавать этическую систему

координат для жизнедеятельности в цифровой среде. Культура создаёт оценку и самооценку личности в цифровых взаимодействиях. Цифровая культура – способность понимать закономерности развития цифровых систем, что даёт человеку дополнительную жизненную энергию для решения сложных задач и определения своей роли в формировании цифровой среды. Именно осознанная деятельность человека в цифровой среде порождает цифровую культуру.

Логика исследований культуры привела к выделению в культуре материальной, духовной и социальной составляющих (Levin et al., 2013). Исходя из этого разделения, применительно к цифровой (информационной) культуре эти составляющие можно охарактеризовать следующим образом:

- материальная культура – это компьютерные системы и цифровые (информационные) технологии для коммуникаций и доступа к данным;
- духовная культура характеризует установки, ценности и способы поведения человека в социальных сетях и в процессах обработки данных, их анализа, визуализации и представления информации для дальнейшего использования;
- социальная культура определяет формирование социальных институтов (нормы, правила), регулирующих отношения и взаимодействия людей в цифровой среде.

Исходя из этого, применительно к городу цифровую культуру в самом общем виде можно представить в виде формулы «техническая инфраструктура + новые организационно-технологические схемы предоставления городских услуг + культурный и творческий контент города + цифровые навыки и цифровые умения горожан».

Ключевой характеристикой цифровой культуры является изменение поведения горожан в результате формирования цифровой среды, характеризующейся масштабным применением разнообразных мобильных цифровых приложений и платформ для организации городской жизнедеятельности и получения горожанами и гостями города различных услуг.

Становление цифровой культуры происходит в ходе малых массовых действий горожан при получении городских услуг и трансляции личного опыта осуществления городской жизнедеятельности путём применения цифровых технологий. Иначе говоря, массовое практическое использование мобильных приложений для получения наиболее востребованных городских услуг приводит к изменению поведения горожан, формирует у них цифровое мышление и задаёт направления дальнейшего развития цифровой среды.

Синергетика и цифровая культура в развитии «умного города»

Согласно теории синергетики, часто достаточно лишь небольших изменений в операциях и действиях горожан, чтобы резко увеличить масштабы применения ими приложений и платформ и повысить эффективность городской жизнедеятельности в целом. Синергетические эффекты возникают в ходе коллективного редактирования и дополнения данных о городской жизни и порождают новую информацию для принятия решений, что и приводит к изменению поведения горожан. Пользователи мобильных приложений выражают свои индивидуальные предпочтения, которые распространяются через социальные сети и мессенджеры, но при

этом соединяются посредством сетей в единое целое, а технологии Big data фиксируют изменения понимания значимости тех или иных приложений и услуг в общественном сознании. Важно учитывать и фактор универсальности цифровых технологий, так как практически любой контент легко представляется в виде, понятном без сопутствующих пояснений, что упрощает сетевые взаимодействия в цифровой среде. При этом возникают риски чрезмерного упрощения картины «виртуального города» и его взаимосвязей с реальными объектами, так как на экраны мобильных устройств можно передавать только небольшие изображения и короткие пояснения, что требует развития у горожанина определённых навыков восприятия картинок в цифровом уменьшенном формате.

Таким образом, уровень цифровой культуры всё в большей степени выступает фактором повышения культурной осведомлённости горожан и их культурной самоорганизации применительно к условиям формирования экономики совместного пользования как экономики будущего. Современная экономика характеризуется возрастающей экономической и социальной ролью общественных пространств – как реальных городских, так и виртуальных – маркетплейсов, социальных сетей, мессенджеров. Одновременно масштабная цифровизация объективно обуславливает переход к цифровой экономике совместного пользования, которая характеризуется не только ростом эффективности использования имеющихся активов, но и большими возможностями для самоорганизации и потребителей, и производителей, а также их взаимодействия в ходе производства востребованных товаров и услуг. Однако здесь возникает противоречие постулатов существующей рыночной экономики, ориентированной на концентрацию собственности (Маццукато, 2021) и разделяющей игроков на активных и пассивных, принципам инклюзивной и солидарной экономики совместного пользования. Разрешение этого противоречия осуществляется путём постепенного внедрения новых бизнес-моделей, таких как ко-ливинг, каршеринг, коворкинг, краудфандинг и т. д., реализуемых на базе соответствующих цифровых платформ и предполагающих высокий уровень доверия и цифровой культуры пользователей.

Формируя экономику будущего, город материализует самоорганизацию. Посредством городских цифровых платформ осуществляется максимальное вовлечение населения в производство товаров и услуг и распределение доходов в соответствии с коллективными интересами. Максимальная эффективность использования ресурсов города достигается путём кооперации предприятий и отдельных людей на основе культуры доверия и перенесения ответственности за работу на нижние уровни принятия решений, то есть путём развития горизонтальных связей производителей и потребителей товаров и услуг.

Влияние цифровой культуры на эволюцию города

Основная гипотеза о влиянии цифровой культуры на развитие города состоит в том, что между ценностями цифровой культуры, определяемыми и поддерживаемыми горожанами, и концепцией эволюции городского пространства всё более явно проявляется тенденция культурного переноса «жизни» в цифровом пространстве на материальные общественные пространства города. Можно предположить, что с ростом масштабов применения цифровых технологий в городском социуме, увеличением сегмента городской цифровой экономики и цифровых

взаимодействий горожан в целом эта тенденция будет укрепляться. Количественные изменения в любой системе приводят к качественным трансформациям в её структуре и поведении, что именуется эмерджентностью, теория которой уже давно обсуждается в таких областях, как физика, биология и информатика. Применительно к умному городу эмерджентность можно определить как проявление синергетического эффекта в развитии городской социотехнической экосистемы, при котором происходит не только усиление уже существовавших её положительных свойств и параметров, но и формирование принципиально новых, которые не предусматривались ранее составленными планами для отдельных городских пространств и города в целом. Это характерно для цифровых технологий со встроенным искусственным интеллектом, отличие которых от ранее созданных ИТ состоит в том, что они могут изменяться в ходе использования людьми вследствие добавления или изменения данных и структуры взаимодействий людей в цифровой среде. Это приводит к возникновению эмерджентных эффектов, обусловленных данными, алгоритмами и механизмами взаимодействия элементов системы. Угроза состоит в том, что такие технологии превращаются из инструментов в агентов сетевых взаимодействий, степень влияния которых трудно идентифицировать и контролировать вследствие многообразия и масштабности применения динамично развивающихся интеллектуальных приложений. Поэтому важна цифровая культура, и она должна быть результативной. Так как, в соответствии с синергетическими принципами, самосборка жителей осуществляется, естественным путем, вначале на уровне дворов и кварталов на основе чат – ботов и социальных сетей, а затем уже оформляется городским менеджментом в соответствующие ритуалы, правила и законы для эффективного взаимодействия и самореализации жителей. Потому главной задачей в управлении Городом является эффективная организация и поддержание диалога жителей с городскими властями и вовлечение их в решение общих проблем. В современных условиях это осуществляется посредством городских цифровых платформ для оказания различных услуг и взаимодействия городских жителей между собой и городским управлением.

Оценке влияния цифровой культуры на городские формы посвящено несколько значимых работ (Гефнер, 2021). Различные сценарии предполагают, что цифровая революция меняет образ жизни людей, но не то, как они используют пространство. Таким образом, город будущего будет выглядеть точно так же, как сегодня, но его жители будут очень тесно связаны друг с другом посредством невидимых сетей Wi-Fi. Другие сценарии предполагают, что цифровая культура уже оказывает прямое и глубокое влияние на городское строительство, то есть интерактивный опыт взаимодействий становится основой, на которой действительно должен быть построен Умный город, способный адаптироваться в режиме реального времени к любой ситуации (Таунсенд, 2019).

Предлагаемая в данной статье гипотеза ориентирована на экосистемный подход в оценке развития города как самоорганизующейся в соответствии с определённой логикой системы и в контексте накопленного в конкретном городе культурного и творческого потенциала. Поведение объектов в такой системе обусловлено не только максимизацией полезности намерений и конкретных действий, но в большей степени возникновением социальной связи, а именно лояльности к окружающим и к Городу в целом (Castells, 2010). Это означает, что в той степени, в которой за счёт социальных взаимодействий посредством цифровых систем,

усиливающих скорость и масштабы взаимодействий, именно на этом городском пространстве и именно самими горожанами производится новая ценность (комфорт, безопасность, условия для самовыражения и самореализации и т. д.), именно в этой степени городская материальная и виртуальная среда становится такой, какой её хотели бы ощущать горожане и гости города. Для этого необходимо развивать практики совместных действий горожан, осознания ими себя в качестве деятельностного объекта, что существенно упрощается посредством развитой цифровой среды. Поэтому в формировании городской материальной и цифровой культуры, как и в экосистеме, нужно идти не только от макро к микро, но и наоборот – от поведения отдельного человека к макроэффектам, что предполагает наличие механизмов результативной цифровой культуры.

Результативная цифровая культура – это принципиально иной подход, предполагающий переход от обсуждения различных аспектов и примеров влияния культуры на применение цифровых технологий к концепции формирования цифровой среды на основе определённых и отработанных принципов, правил, институтов и практик, поддающихся как качественным, так и количественным измерениям.

Этот подход подразумевает не только выработку методологии и методик применения технологий и действий пользователей в Сети на мега-, макро- и микроуровне, но и комплекс мероприятий по контролю соблюдения этих правил, и, при необходимости, навязывания требуемого поведения и принуждения (подталкивания) индивидуума к соблюдению общепризнанных норм с целью предотвращения нежелательных эмерджентных эффектов и недопустимых событий в цифровой среде и реальной жизни. Тем более, что сложность организации управления любой социотехнической системой растёт в квадратичной зависимости от числа взаимодействующих объектов (Глушков, 1974). В качестве примера создания инструмента для контроля поведения людей в виртуальном мире можно рассматривать опыт социального рейтинга в Китае, положения концепции эмоционального программирования и вспомогательной социальной робототехники.

Начальный этап конвергенции традиционной городской и современной цифровой культуры можно наблюдать на примере системы социального рейтинга в Китае. Система формирования общенационального рейтинга является своего рода социальным посредником, ориентированным на мотивацию человека исполнять благие действия и поступки, достигая тем самым «социально-приемлемого поведения» (Руф & Каримова, 2021, с. 852–854), то есть рейтинг служит новым форматом социальных отношений, эквивалентным цифровому будущему Китая и многих других стран с учётом их специфики.

В основе китайского социального кредита первоначально заложены стимулы повышения общего уровня честности и достоверности в обществе, заинтересованности человека в результатах своей оценки в рамках единой общенациональной системы. В Китае на Интернет распространены законы, применяемые в реальном пространстве, поэтому можно предположить, что китайская система социального рейтинга является новой ступенью развития социального управления и повышения уровня в условиях глобальной цифровизации. Сформированный рейтинг отражает как человеческий, так и социальный капитал человека или предприятия, который затем может выступать уже экономическим фактором.

Заключение

Современный город всё более дополняется цифровой средой, качество которой все более влияет на развитие городской жизнедеятельности, что обуславливает актуальность постоянного повышения уровня цифровой культуры Города в целом и горожанина, в частности. Рост уровня цифровой культуры горожан обуславливает ускорение технологических инноваций, совершенствование цифровых технологий, повышение уровня комфортности городской жизни при одновременном снижении издержек на различные взаимодействия, в том числе, и за счет синергетических эффектов.

Основная гипотеза о влиянии цифровой культуры на развитие Города состоит в том, что между ценностями цифровой культуры, определяемыми и поддерживаемыми горожанами, и концепцией эволюции городского пространства всё более явно проявляется тенденция культурного переноса «жизни» в цифровом пространстве на общественные пространства – в Город.

В ходе этого переноса возникает ряд новых проблем и противоречий в различных аспектах, требующих комплексного исследования и решений в контексте формирующейся экономики совместного пользования под воздействием развития цифровой среды взаимодействия экономических объектов. Для «цифрового города» важно сохранение и приумножение его культурного и творческого потенциала, стимулирующего гармонизацию материального и цифрового миров в контексте культурного наследия, в том числе соблюдения сложившихся традиций городской жизни, правил и ритуалов. Для чего необходим переход к концепции результативной цифровой культуры.

Китайский опыт социального рейтинга может рассматриваться как один из возможных подходов к формированию цифровой культуры в городе, так как создаются правовые условия для саморегуляции поведения человека в городе и самоуправления сетевых городских сообществ в рамках заданных государством нормативов. С ростом масштабов цифровизации городской жизнедеятельности и масштабов применения искусственного интеллекта и самообучающихся нейронных сетей конвергенция городской и цифровой культуры будет усиливаться и все более будут возрастать требования к человеку, влияющие на обеспечение доверия в цифровой среде взаимодействий. Поэтому необходимы развитие теории и практики результативной цифровой культуры применительно к «умному» городу.

Библиография

- Анисимов, А. Н. (2008). Синергетический метод градостроительного проектирования. *Архитектон. Известия вузов*, 2(22). http://book.uraic.ru/project/conf/txt/005/archvuz22_pril/24/template_article-ar=K21-40-k36.htm.
- Буданов, В. Г. (2009). *Методология синергетики в постнеклассической науке и образовании*. URSS.
- Гефнер, О. В. (2021). Цифровизация и социокультурная среда современного города (на материалах регионов Сибири). *Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ*, 1(24). <https://e-journal.omgau.ru/images/issues/2021/1/00905.pdf>.
- Глушков, В. М. (1974). *Введение в АСУ*. Техніка.

- Дронов, В. Н., & Махрова, О. Н. (2016). Широкополосный доступ в Интернет как фактор социально-экономического развития. *Экономика и управление*, 9, 43–47.
- Маццукато, М. (2021). *Ценность всех вещей. Создание и изъятие в мировой экономике* (Н. Проценко, пер.). Издательский дом Высшей школы экономики.
- Мошелла, Д. (2020). *Путеводитель по цифровому будущему: Отрасли, организации, профессии* (Л. Русу, пер.). Альпина Паблишер.
- Назаретян, А. П. (2014). Воспитательный потенциал синергетики: гипотеза техногуманитарного баланса. *Научный результат. Серия «Педагогика и психология образования»*, 2, 98–105.
- Руф, Ю. Н., & Каримова, Д. В. (2021). Предпосылки создания системы социального рейтинга в России: оценка ситуации в условиях пандемии коронавируса. *Экономика, предпринимательство и право*, 11(4), 845–862.
- Спешилова, Е. И. (2022). Человек в «умном» городе: антропологические эффекты и гуманитарные риски. *Человек*, 33(6), 105–119.
- Таунсенд, Э. (2019). *Умные города: большие данные, гражданские хакеры и поиски новой утопии* (А. Шоломицкая, пер.). Издательство Института Гайдара.
- Умные города: цифровые решения для повышения жизненного комфорта (2019, 30 декабря). *Росконгресс. Пространство доверия*. <https://roscongress.org/materials/umnye-goroda-tsifrovye-resheniya-dlya-povysheniya-zhiznennogo-komforta/?ysclid=lo2lypmyzw37543225>.
- Castells, M. (2010). Globalisation, Networking, Urbanisation: Reflections on the Spatial Dynamics of the Information Age. *Urban Studies*, 47(13), 2737–2745.
- Forth, P., Reichert T., de Laubier R., & Chakraborty S. (2020, October 29). *Flipping the Odds of Digital Transformation Success*. Boston Consulting Group (BSG). <https://www.bcg.com/publications/2020/increasing-odds-of-success-in-digital-transformation>.
- Levin, I., Kojukhov, A., Patrut, M., & Patrut, B. (2013). Personalization of learning environments in a post-industrial class. In M. Pătruț & B. Pătruț (Eds.), *Social Media in Higher Education: Teaching in Web 2.0*. (pp. 105–123). IGI Global.
- Portugali, J., Benenson, I., & Omer, I. (1994). Sociospatial residential dynamics: Stability and instability with a self-organizing city. *Geographical Analysis*, 26(4), 321–340.

References

- Anisimov, A. N. (2008). Synergetic method of urban planning. *Architecton. Proceedings of Higher Education*, 2(22). http://book.uraic.ru/project/conf/txt/005/archvuz22_pril/24/template_article-ar=K21-40-k36.htm. (In Russian).
- Budanov, V. G. (2009). *Methodology of synergetics in post-non-classical science and education*. URSS. (In Russian).
- Castells, M. (2010). Globalisation, Networking, Urbanisation: Reflections on the Spatial Dynamics of the Information Age. *Urban Studies*, 47(13), 2737–2745.
- Dronov, V. N., & Makhrova, O. N. (2016). Broadband internet access as a factor of socio-economic development. *Economics and Management*, 9, 43–47. (In Russian).
- Forth, P., Reichert T., de Laubier R., & Chakraborty S. (2020, October 29). *Flipping the Odds of Digital Transformation Success*. Boston Consulting Group (BSG).

- <https://www.bcg.com/publications/2020/increasing-odds-of-success-in-digital-transformation>.
- Gefner, O. (2021). Digitalization and sociocultural environment of a modern city (on the materials of the cities of Western Siberia). *Research and Scientific Electronic Journal of Omsk SAU*, 1(24). <https://e-journal.omgau.ru/images/issues/2021/1/00905.pdf>. (In Russian).
- Glushkov, V. M. (1974). *Introduction to automated control systems*. Tehnika. (In Russian).
- Levin, I., Kojukhov, A., Patrut, M., & Patrut, B. (2013). Personalization of learning environments in a post-industrial class. In M. Pătruț & B. Pătruț (Eds.), *Social Media in Higher Education: Teaching in Web 2.0*. (pp. 105–123). IGI Global.
- Mazzucato, M. (2021). *The Value of Everything: Making and Taking in the Global Economy* (N. Protsenko, Trans.). Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russian).
- Moschella, D. (2020). *Seeing Digital: A Visual Guide to the Industries, Organizations, and Careers of the 2020s* (L. Rusu, Trans.). Alpina Publisher. (In Russian).
- Nazaretyan, A. P. (2014). Educational potential of synergetics: A hypothesis of techno and humanitarian balance. *Research Result. Pedagogy and Psychology of Education*, 2, 98–105. (In Russian).
- Portugali, J., Benenson, I., & Omer, I. (1994). Sociospatial residential dynamics: Stability and instability with a self-organizing city. *Geographical Analysis*, 26(4), 321–340.
- Ruf, Yu. N., & Karimova, D. V. (2021). Prerequisites for creating a social rating system in Russia: Assessing the situation in the context of the coronavirus pandemic. *Economics, Entrepreneurship and Law*, 11(4), 845–862. (In Russian).
- Smart cities: digital solutions to improve life comfort (2019, December 30). *Roscongress. Space of Trust*. <https://roscongress.org/materials/umnye-goroda-tsifrovye-resheniya-dlya-povysheniya-zhiznennogo-komforta/?ysclid=lo2lypmyzw37543225>. (In Russian).
- Speshilova, E. I. (2022). Person in a Smart City: Anthropological Effects and Humanitarian Risks. *Chelovek*, 33(6), 105–119. (In Russian).
- Townsend, A. (2019). *Smart Cities. Big Data, Civic Hackers, and the Quest for a New Utopia* (A. Sholomitskaya, Trans.). Gaidar Institute Publishing House. (In Russian).

Информация об авторе

Борис Николаевич Паньшин
доктор технических наук,
профессор кафедры цифровой экономики
Белорусский государственный университет
Беларусь, 220030, Минск, ул. К. Маркса, 31
ORCID: 0009-0003-9294-813X
e-mail: panshin@bsu.by

Information about the author

Boris N. Panshin
Dr. Sci. (Philosophy),
Professor of Digital Economics Department
Belarusian State University
31, K. Marx St., Minsk, 220030, Belarus
ORCID: 0009-0003-9294-813X
e-mail: panshin@bsu.by

Материал поступил в редакцию / Received 09.06.2023
Принят к публикации / Accepted 24.07.2023

Этос креативного пространства в современном городе

И. Я. Мацевич-Духан

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
iryna.matsevich@gmail.com

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

этос креативного пространства
новая этика
ценность новизны
пространство сопротивления
пространство страсти
эстетизация войны

АННОТАЦИЯ

В условиях формирования сектора креативной индустрии городское пространство приобретает новые внешние черты и внутренние принципы его преобразования. В данной работе выявляются этические и эстетические ценности, детерминирующие специфический характер креативного пространства в современном городе. Автор демонстрирует особенности новой этики, функционирующей в данном пространстве. При её рассмотрении проводятся параллели с диалектическим развитием рокайльного салонного сообщества и абсолютистского придворного этикета в классицистических и барочных вариациях XVII–XVIII вв. Такого рода аналогия позволяет рассматривать креативное пространство как надисторическую модель эстетизации политического сопротивления, его последующей институционализации и трансформации. Особое внимание уделяется анализу ценности новизны в различных социально-культурных и исторических контекстах её воплощения, а также способам вынесения оценочного суждения в её отношении. Статья завершается рассмотрением условно выделенного «пространства страсти» как сущностного выражения магнетически притягательных зон современного города. При этом проблематизируется их эстетическая составляющая в условиях войны с целью реализации критической рефлексии, призванной продемонстрировать необходимость и возможность вынесения этического суждения извне и изнутри самого креативного пространства. Инновационная производительность в его рамках не снимает ответственности с его акторов за побочные эффекты ценностной трансформации собственной и окружающей действительности. Прослеживаются различные тенденции эстетизации войны и их оценки в эпоху раннего и позднего модерна, выделяются их отличительные признаки. Подчёркивается опасность утраты этического среза в анализе такого рода тенденций на примере произведений художественной литературы начала XX и XXI вв. Выделенные источники демонстрируют культурно-исторические различия в способах вынесения оценочного суждения в отношении креативного пространства в условиях военного времени в Европе раннего и позднего модерна. В заключении представлены определения креативного пространства и его этоса, а также выделены основные его составляющие в качестве предмета критической рефлексии современной социальной теории.

Для цитирования:

Мацевич-Духан, И. Я. (2023). Этос креативного пространства в современном городе. *Urbis et Orbis. Микростория и семиотика города*, 3(2), 271–283. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-271-283](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-271-283)

The ethos of creative space in contemporary city

Iryna Matsevich-Dukhan

Belarusian State University, Minsk, Belarus
 iryna.matsevich@gmail.com

KEYWORDS

ethos of creative space
 new ethics
 value of novelty
 space of resistance
 space of passion
 aestheticization of war

ABSTRACT

The rapid development of creative industries changes key principles of urban development. This paper reveals ethical and aesthetic values that determine a specific character of creative space in contemporary cities. The author considers those conditions under which a new ethics emerges in this space and explicates its specific features. The article suggests the hypothesis that it is possible to compare the formation logics of the rococo salon community in opposition to the classicist and baroque aesthetics of the absolutist regime and the present-day creative class in its opposition to the etiquette of the dominant ideology. This analogy allows considering creative space as a superhistorical model for the aestheticization of political resistance, its further institutionalization, and transfiguration. Special attention is paid to the analysis of the value of novelty in different sociocultural and historical contexts of its embodiment and correspondent judgment strategies. The final part of the article outlines “the space of passion” as an essential expression and symbolic characteristic of magnetic urban zones. This analysis problematizes their aesthetic component in the situation of war to fulfill the critical reflection, to demonstrate the necessity and possibility of ethical judgment within and from outside creative space. The innovative productivity of creative space does not withdraw responsibility from its actors for side effects of the value transformation of their reality and the surrounding world. The paper outlines different aestheticizing tendencies of war and appropriate assessment strategies in early and late modernity. The author underlines the dangerous consequences of the loss of ethical perspectives in the analysis of such processes using the emblematic fiction on that topic at the beginning of the 20th and 21st centuries. The empirical sources demonstrate cultural and historical differences in ways of judging representatives of creative space under the conditions of war in Europe in early and late modernity. The conclusion presents the definition of creative space and its ethos as a subject of critical reflection within contemporary social theory.

For citation:

Matsevich-Dukhan, I. Ya. (2023). The ethos of creative space in contemporary city. *Urbis et Orbis. Micro-history and Semiotics of the City*, 3(2), 271–283. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-271-283](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-271-283)

Введение

В современном городе важную роль играет место физической и символической локализации креативных субъектов. Креативное пространство формирует мировоззрение, в рамках которого практический разум выносит суждение о морально-нравственной составляющей деятельности, ориентированной на создание общественно значимой новизны. В этих условиях предметом специального изучения выступает *новая этика* в различных сферах её проявления. В представленной работе автор сосредотачивает своё внимание на исследовании *этоса* креативного пространства преимущественно в *урбанистическом* контексте, выявляя его ключевые элементы и особенности их динамики в эпоху позднего модерна. Несмотря на разнообразие подходов к определению *креативного пространства* в отечественной литературе (Мацевич-Духан, 2022, с. 50), в рамках данной статьи оно обозначает разновидность социального пространства, в котором реализуется принцип упорядочивания практик, ориентированных на создание общественно значимой новизны и её активацию.

Феномен новой этики всё в большей степени проявляется в социальных практиках XXI в., не вписывающихся в установленные общественной моралью нормы поведения (Reckwitz, 2017). Старшее поколение может неодобрительно покачивать головой, наблюдая за «выходками» молодых людей, однако, теоретикам предстоит попытаться понять их, прежде чем выносить осуждающий приговор. Попытка понять не означает оправдать модель конкретного поведения или поступка индивида. В то же время акт установки на понимание делает субъекта уязвимым перед произволом изучаемого поступка. Но эта уязвимость помогает ему стать более восприимчивым к Другому, и в этом плане – более настроенным на подготовку почвы для диалога. В реализации подобного акта автор данного исследования начинает с обобщения тех ситуаций, которые не вписываются в традиционные рамки общественного принятия или отторжения социального действия как (не)допустимого с точки зрения здравого смысла (Stedman, 2013; Ямпольский, 2018).

Понятие *здравого смысла* (*sensus communis*) в этом контексте играет особую роль, так как отражает наличие разделяемых индивидами ценностей в качестве основания для общения. Без наличия светского духа *l'esprit du monde*, пронизательности практического разума, чувствительности, того самого *le je ne sais quoi* («не знаю что»), которое каждый человек интуитивно опознаёт, но не всегда способен артикулировать, достаточно сложно предполагать возможность взаимной лояльности в интересубъективном взаимодействии. Вместе с тем задача практической философии не может ограничиваться лишь демонстрацией здравого смысла современного этического учения, ей предстоит выявить принципы, правила и законы в качестве универсальных форм морально-нравственного развития креативных индивидов и их сообществ, определить способы, основания и условные границы их возможного применения (Зомбарт, 2008; Ямпольский, 2018; Elias, 2017; Lavin, 2011; Reckwitz, 2017).

Одной из ключевых проблем развития креативного пространства является формирование *знания* о существовании определённых ценностно-нормативных рамок поведения индивида, а также *умений* и *навыков* его реализации в креативных практиках (Тугенхольд, 1916; Эфрос, 1926; Ямпольский, 2018). С одной стороны, очевидно, что это знание, умения и навыки его применения уже имеются и

объективированы в системе существующих *социальных институтов*. С другой стороны, скорость динамики креативной действительности демонстрирует её направленность на постоянное изменение или сопротивление утвердившимся принципам социального действия.

Это *сопротивление* является одним из факторов всевозрастающей дестабилизации социального развития. Некоторые эксперты полагают (Таунсенд, 2019), что даже технологизация и цифровизация действительности, формирование «умной среды» не спасает и не отдаляет человека от непредвиденных аварий, а напротив, их число увеличивается по мере цифровизации общественного взаимодействия. Сбои, баги, ошибки программного обеспечения, зависания программ, временное отключение систем искусственного интеллекта, исчезновение данных, потеря доступа к облаку метаданных, кража и случайная утечка персональных данных, произвольное и непроизвольное прослушивание, отслеживание, подталкивание к (не)решению задачи, шпионаж, террористические и хакерские атаки, кибервойны – все эти явления неизбежно и все в большем количестве распространяются повсеместно (Таунсенд, 2019, с. 311–348).

Создание министерств и войск кибербезопасности является необходимым шагом на пути борьбы с ними, однако, оно не является достаточным условием их уменьшения без работы над исправлением *ценностно-нормативного* контекста их совершения. Есть целый ряд событий, вплетённых в сеть глобальных закономерностей и случайностей современного социального развития, которые подталкивают некоторых акторов, в том числе неодоушевлённых, к дисфункциональному, а иногда и вовсе асоциальному действию. Это *подталкивание* может быть обозначено как *обстоятельства дела*. Именно об этих обстоятельствах, которые могут рассматриваться как объективная реальность креативного общества, пойдёт речь в данной статье.

Феномен стилевого сопротивления в креативном пространстве

Подобно тому, как зарождалось пространство рококо в попытке противостояния барочно-классицистической эстетике, сегодня можно проследить конституирование креативного пространства, аккумулирующего ценности индивидуального творческого потенциала, высвобождающего удовольствие и содействующего возникновению сообщества близких друг другу по свободе духа с толикой дерзновения и непослушания абсолютистскому режиму. В креативном пространстве всегда скрывается определённая опасность нарушения сложившегося набора правил поведения и его оценки исходя из обстоятельств дела и художественного контекста (Ямпольский, 2018). Раскрытие специфики этоса креативного пространства в современном городе выявляет те же тревоги и опасности, которые описывает историк литературы, прослеживая особенности эволюции французской новеллы в XVII–XVIII вв.: «Как таковая, художественная продукция, произведённая в соответствии с идеалами рококо, подрывает идеологический и эстетический империализм не столько предложением альтернативного набора ценностей и принципов для противостояния существующей системе, сколько отказом в целом от гегемонии универсализма» (Stedman, 2013, p. 5).

Вопреки традиционному взгляду на рококо как специфический феномен первых десятилетий XVIII в., историк литературы А. Стедман утверждает, что признаки

рококо проявляются уже в разнообразных реакциях на доминирование придворной эстетики Людовика XIV. В монографии «Художественная литература рококо во Франции, 1600–1715. Крамольная фривольность» (Stedman, 2013) она аргументирует свою позицию последовательным анализом французской новеллы XVII–XVIII вв.

Современные урбанистические концепции креативного города предполагают воспитание личности в городском ландшафте посредством развития чувствительности к культурному наследию и восприятия города как живого организма сквозь призму ценностей национальной культуры. Такое рассмотрение окружающей действительности нередко приводит к столкновению различных ценностных миров, в котором всегда есть сторона, стремящаяся взять под свой контроль поведение, не вписывающееся в устоявшиеся объяснительные модели социального действия тех, кого каждая эпоха по-своему выделяет как «страстно приверженные открытию естественных законов, испытывающие восторг от относительности, космополитизма и создающие “современный” стиль жизни» (Stedman, 2013, p. 7).

Таким образом формируется определённый тип мировоззрения личности, способной «правильно» истолковывать вопросы «салонной культуры» креативного общества, её ценности и идентичности. Эту ситуацию можно сравнить с воспитанием *urbanité* (светскость) и *civilité* (цивилизованность) в эпоху Просвещения. Воспитание осуществляется с помощью культурных ресурсов, выполняющих функцию риторических фигур, а креативность становится аналогом *sensibilité* (чувствительность) галантного юноши. С помощью риторических упражнений воспитывается способность выносить эстетическое суждение о прекрасных объектах, демонстрировать *sensus communis* (здравый смысл) в поступках, формировать свой вкус во взаимоотношениях с окружающим миром, проявлять свою чувствительность к нему.

Парадоксальным образом правила поведения в светском салоне XVII–XVIII вв., первоначально конструируемые по аналогии с придворными правилами поведения, постепенно приобрели столь оригинальную вольность в их ярко выраженной индивидуалистической интерпретации и творческую виртуозность в их исполнении, что превратились в «стратегию сопротивления классицистической и барочной эстетике и абсолютистской политической системе, сопротивление, которое манифестировало рокайльное отрицание организующего принципа, свойственного той и другой эстетике» (Stedman, 2013, p. 7). Философия и искусство эпохи Просвещения демонстрируют параллельное движение от иерархичного авторитаризма с его чёткой регламентацией этикета к «неформальности, разнообразию, гибридности, непрямолинейности, фрагментарности и мобильности» (Stedman, 2013, p. 7).

Развитие пространства абсолютистского режима и его барочно-классицистического стиля диалектически взаимосвязано со становлением стиля рококо. А. Седман полагает, что конструирование пространства Версаля и фундамирующая его абсолютистская политическая стратегия – это своеобразная попытка Людовика XIV справиться с тревогой в отношении рокайльного эксперимента: «В то время как те, кто сопротивлялся абсолютизму, концептуализировали инновацию как расширение индивидуальной агентности, оригинальности и творчества, те, кто инвестировал в неё, стремились достичь монопольного владения инновацией, редуцируя индивидуальность к роли пассивного наблюдателя» (Stedman, 2013, p. 10). Вместе с тем, чем более развивается креативное пространство и чем больше вольностей

демонстрирует креативный класс, тем сильнее возникает потребность в мистификации абсолютистского режима и создании фигуры «короля-волшебника»: «Культивирование ауры своеобразного инновационного “короля-мага” в центре охваченного благоговейным страхом двора остаётся таким образом центральной задачей для сохранения гегемонии (если не выживания) абсолютистского политического предприятия» (Stedman, 2013, p. 10).

Тривиальный ряд характеристик лидера креативного бизнеса в XXI в. можно сопоставить с достоинствами идеального придворного Нового времени. Лидер креативной экономики – подобие идеального кавалера салона маркизы де Рамбуйе. Постреволюционное руководство «*le savoir-vivre*» для юной леди становится залогом успешной презентации себя в публичном пространстве. Таким образом, концепция креативного города разрабатывается подобно инструкции по воспитанию здравого смысла и такта новоявленного молодого бюргера в XXI в.

Ценность новизны в обществе позднего модерна

Каждое социальное действие ориентировано на достижение определённого результата, который может быть воспринят и понят другими. Действие, которое не демонстрирует такой интенции не является социальным. В отличие от чисто социального действия, *креативный акт*, будучи его проявлением, ориентирован на результат, который может быть признан другими в качестве проявления общественно значимой новизны. Категория нового является здесь ценностной категорией. Ценность новизны становится той доминантой, которая обуславливает стратегию социального действия в обществе в целом вокруг неё. Однако интерпретация *новизны* может реализовываться в рамках различных традиций: (нео)классической (Аристотель, А. Баумгартен), модернистской (Ш. Бодлер, В. Зомбарт, В. Беньямин, З. Кракауэр, А. Бергсон, Н. Бердяев), постмодернистской (У. Эко, М. Фуко, Р. Барт, Ж.-Фр. Бодрийяр, Ж. Деррида, Ж. Делёз, Ф. Гваттари, Б. Гройс), позднемодернистской (Ю. Хабермас, Н. Луман, Э. Гидденс, Ж. Рансьер, Г. Люббе, З. Бауман, У. Бек, С. Лэш, Дж. Урри, Л. Болтански, Э. Кьяпелло, А. Реквитц). Каждой из них свойственен свой подход к определению сущности новизны. В данном контексте необходимо остановиться на современной трактовке ценности новизны в обществе позднего модерна. Последняя схватывает специфическое ощущение духа времени, укоренённое в проекте модерна. Такой взгляд на сегодняшнюю действительность подчёркивает значимость гуманистической и экологической направленности в развитии рациональности социального действия. Он сохраняет и обостряет потребность в критической рефлексии, авторитете традиции и заботе о ценностно-нормативной составляющей модернизации, устанавливающей относительные границы в осуществлении легитимных реформ и допустимых инноваций.

Немецкий социолог А. Реквитц, будучи вовлечённым в дискуссию французской школы неопрагматистской социологии, предлагает ввести в научный оборот термин «социальный режим эстетической новизны» (Reckwitz, 2017, p. 9), обозначая им «модус структурирования» (Reckwitz, 2017, p. 25) характеристик позднего модерна, определяющих облик социальной действительности. Он выделяет три современных режима, то есть «три модуса структурирования фокуса на новизне» (Reckwitz, 2017, p. 25): новое как сцена; новое как возвышение и вытеснение; новое

как стимуляция. Эти три режима в качестве модусов структурирования действительности соответствуют трём моделям современного общества: современность как совершенствование; современность как прогресс; эстетическая современность (Reckwitz, 2017, p. 26; Мацевич-Духан, 2019, с. 27).

Идеал новизны позднего модерна ассоциируется не столько с прогрессом, сколько с чувством времени, которое отличает настоящее от прошлого и будущего. Былая оппозиция «новое – старое» заменяется циклами воспроизводства новизны в форме настроенности на восприятие многообразия форм того же самого. Этот режим новизны предполагает наличие особой чувствительности к многообразию проявлений повторения. Его феноменальная данность во временной перспективе замещает былую оппозицию старого и нового категориями «другого» и «одинакового» (Reckwitz, 2017, p. 25). Социальный срез анализа демонстрирует новое как расходящееся с нормативным ожиданием, но при этом именно «социальные критерии диктуют, какая новизна является ценной и какая не является таковой» (Reckwitz, 2017, p. 25). Поэтому даже расходящееся с нормативным видением подчиняется управлению и контролю с помощью социальной диагностики ценностного поля современного общества (Мацевич-Духан, 2019, с. 27).

Эстетизация креативного пространства в современном городе

По сравнению с XVIII в., когда понятие эстетического только начинало проникать в европейские языки, сегодня оно обозначает уже не отдельную область чувственного познания, а безграничный мир чувственного восприятия выразительных форм. При этом необходимо подчеркнуть, что эстетическое характеризует уже не столько продукт деятельности, сколько саму способность воспринимать мир определенным образом. Область «неэстетического» едва ли поддаётся экспликации в обществе позднего модерна и рассматривается как род аномалии, когда человек оказывается лишён той степени чувствительности, которая позволяет получать незаинтересованное удовольствие от созерцания выразительной формы.

Специфика современной социальной динамики во многом обусловлена процессами *эстетизации*. Если в XX в. они проявились в формировании культурной индустрии, существенно изменившей повседневную жизнь человека, то в XXI в. значимым фактором эстетизации действительности является расширение сферы влияния креативных индустрий.

Доминирование процессов эстетизации не исключает возможности дальнейшего структурирования общества процессами *рационализации, экономизации и медиатизации* (Reckwitz, 2017). Более того, только те форматы событий, чьи структуры вписываются в обозначенные процессы, могут быть восприняты естественным образом в креативном пространстве. Другими словами, социальная реальность со всеми её стремлениями и ориентациями на эстетическую новизну по-прежнему управляется рынком, медиа и целерациональным действием. Однако это не значит, что эстетизация социального воспроизводит структуру общества раннего модерна. *Эстетическая социальность* рассматривается как автономная форма социального, которая распространяется в обществе гомологично процессам экономизации, медиатизации и формальной рационализации (Reckwitz, 2017, pp. 219–220). Эти процессы устанавливают *границы* распространения креативности, предписывая допустимые формы её объективации в обществе (Мацевич-Духан, 2019, с. 24).

Такого рода ограничения порождают множество ценностных диссонансов в жизни современного индивида: «принуждение к креативности; разрыв между креативным достижением и креативным успехом; рассеянное внимание; чрезмерное распространение эстетического» (Reckwitz, 2017, p. 222). Интенсификация эстетизации социальных процессов выражается в следующих существенных *проблемах* креативного общества: чрезмерная чувствительность и эмоциональность; доминирование эстетического над этическим; утрата существенной доли рационального целеполагания в пользу самодостаточного чувственного восприятия; замещение когнитивной рефлексивности эстетической; аффектация разума и в то же время значительная рационализация чувственности, её форматирование в рамках культуры потребления; чрезмерное преумножение артефактов, сказывающееся в обострении экологической ответственности; субъективация ценностного мира и, как следствие, его релятивизация; утрата традиционных границ между человеком и миром, художником и толпой; инструментализация чувственности ради воспроизведения незаинтересованного удовольствия; опасность растворения личностной составляющей в общественной чувственности духа времени, формируемого креативной индустрией.

Негативные последствия чрезмерной эстетизации современной действительности можно ограничить с помощью реабилитации понятий *социального* и *этического*. Культивирование спокойствия и развитие способности концентрировать внимание на социально значимых ценностях увеличивают шансы бегства от креативности в XXI в. (Мацевич-Духан, 2019, с. 24). Реализация данной задачи осложняется по мере возникновения и расширения границ креативного пространства, сотканного из человеческих страстей.

Пространство страстей в креативном городе

Теоретик архитектуры С. Лавин предлагает рассматривать специфику архитектуры мегаполисов сквозь призму метафоры поцелуя. Последняя превращается в её работах в концептуальный конструкт, раскрывающий особенности выстраивания коммуникации между различными типами поверхностей, выходя за рамки языка архитектуры. Взаимодействие многообразия плоскостей и медиа, не теряющих своей уникальной природы, не сводимых ни к части, ни к новопроизведённой целостности поцелуя, предполагает воспитание особого типа восприятия, способного считывать множественность гибридных образований, появляющихся и исчезающих в момент их соприкосновения. Избегая шаблонных обозначений такого рода явлений в эстетике раннего и позднего модерна, С. Лавин подчёркивает: «Целующаяся архитектурная поверхность не является ни китчем, ни авангардом, ни чёткой и требующей сфокусированного внимания, ни просто съедобной и эротичной. Напротив, она является аффективной и эйдетической, потому что формирует опыт скорее с помощью силы, нежели репрезентации» (Lavin, 2011, p. 30).

Архитектурный поцелуй XXI в. порождает пространство страстей, которое является предметом познания личности с особым типом чувствительности, культивируемой в современном урбанистическом пространстве. Этот феномен является объективацией того ощущения, которое магнетически притягивает горожан в атмосферные зоны времяпрепровождения и заставляет их раскрывать свою сущность в диалоге с другими в подобном месте. Это раскрепощение личности с помощью архитектуры и дизайна интерьера может оказаться непредсказуемым, с точки

зрения его последствий, и в этом плане требующим институционального контроля и регулирования. И в то же время в этом месте сохраняется момент неподконтрольной вольности, случайности и неизбежности, фортуны и рока, скрывающихся в самой природе поцелуя и последствиях его реализации. С. Лавин рассматривает архитектурный поцелуй как современный аналог древнегреческого катарсиса: «Если трагедия была некогда вершиной художественного выражения, можно предположить, что поцелуй является сегодняшней высшей формой ощущения, которое ласкает зрителя и подталкивает ускользнуть от измученного взгляда недавнего прошлого в сторону новых форм обострённо современного опыта» (Lavin, 2011, p. 35).

Подобно В. Зомбарту, рассматривающему систему капитализма как «законный плод незаконной любви» (Зомбарт, 2008, с. 236), можно изучать современный креативный город как *пространство страстей*, структурированное желанием творить и самоутверждаться. Если основные доминанты городского пространства раннего модерна были в существенной мере сформированы индустрией роскоши по модели новоевропейского «будуара самки» (Зомбарт, 2008, с. 133), где можно скрыться от устрашающего своими манерами народа (Elias, 2017), то во второй половине XX в. происходит постепенное смещение акцентов в сторону публичного пространства, открытого для большинства в той мере, в которой они готовы и могут осваивать его с помощью имеющихся у них навыков публичной коммуникации.

Аналогичным образом немецкий социолог А. Реквитц сравнивает креативность с сексуальностью и предлагает использовать подход М. Фуко к раскрытию её диспозитива для понимания закономерностей её самоорганизации. Тема чувственности, любви, страсти и интуиции пронизывает исследования по данной теме. И даже в условиях войны эта тема не теряет своей актуальности: «Та же тревога, то же настойчивое желание — и невозможность — узнать правду, как в то время, когда живёшь страстью. Но на этом сходство кончается. Сейчас — не до грёз и полётов воображения» (Эрно, 2023, с. 63).

Сегодня кажется, что даже война не способна остановить процесс радикальной эстетизации публичного пространства, снимая прежние устоявшиеся разграничения пространств мирной и военной жизни: выставка трофеев на главной площади, остановки-катакомбы, уже ставшие привычными свечи в кафе и ресторанах по вечерам, концерты в метро во время бомбёжки, супруга верховного главнокомандующего на обложке *Vogue*, репортажи европейских политиков из гламурных интерьеров частных поездов среди разрушенной войной страны, позирование выпускниц школ на фоне развалин, росписи Бэнкси на руинах спального района, пасхальные кулички с символикой войны. Этот ряд можно продолжать до бесконечности, но в какой-то момент останавливаешься, осознавая, насколько обескураживающим он становится по мере *эстетизации развалин войны*.

Едва ли можно сказать, что такого рода *эстетизация войны* — феномен исключительно нашего времени. Высказывая негодование относительно лицемерного светского общества перед лицом войны, бегающих аристократов от одного лагеря к другому в надежде найти достойное оправдание собственного бессилия, М. Пруст (Пруст, 2016) следил за тем, как одна и та же личность, используя определённый набор фигур речи и мысли, могла успешно проявить себя на любом политическом поприще, оставаясь искренне преданной не столько идеалам и ценностям своего лагеря, сколько риторическим фигурам, усвоенным в годы юношества в светском салоне. И в этом плане, каждый из них оставался честен и достоин звания *l'homme*

du monde («светский человек»). Вернувшись в Париж в 1916 г., М. Пруст прислушивается к разговорам о войне и наблюдает обострённый интерес дам к модным лекциям военной тематики: «А ещё, опять-таки по их собственному утверждению, поскольку они беспрестанно думали об этом, то и носили, на случай, если кто-нибудь из знакомых погибнет, как бы траур, но это был не просто траур, а “пополам с гордостью”, что давало право на шляпку из белого английского крепа...» (Пруст, 2016, с. 41).

В то же время искусствовед А. Эфрос подчёркивает необходимость донести до читателя с помощью поэзии весь ужас и грязь войны даже тогда, когда мы погружены в свои будничные дела городского пространства вдалеке от войны: «Всюду бледной рекою теснятся скелеты: в трамвае, / В парках, в кафе, в церквах – всюду их горькие тени, / Только руки высовываются из недр погребов и подвалов, / Скользят по перилам каналов, цепляются за штаны прохожих» (Карл Оттен «Марселю Мартине» (цит. по Эфрос, 1926, с. 27)).

Принципиальное отличие французского поэта в период Первой мировой войны заключается в том, что он всё-таки был способен услышать боль тех, кто оказался по обе стороны баррикад, признать свою беспомощность, глупость и подлость: «Брат, я услышал твой крик, / Когда поезда давили меня, / Нагруженные новыми братьями /.../ Эти крики, речи, клятвы, удары, ярость – мы сами: / Это – страх наш, глупость, безделье, наша подлость и наше неверие» (Карл Оттен «Марселю Мартине» (цит. по Эфрос 1926, с. 29)). Эта беспомощность прочитывается и в романе М. Пруста, рассуждающего в итоге о «бессмысленных войнах вроде той, что как раз сейчас топит в крови Францию» (Пруст, 2016, с. 93), о бессмысленности, которая вначале почти не чувствуется в Париже, но в то же время «и здесь, в Париже, бывает порой “нечто неслыханное”» (Пруст, 2016, с. 86).

Эстетизация «бранной эпохи» (Тугенхольд, 1916, с. 3) в ситуации раннего модерна подвергалась критике в связи с её попытками «идеализации и “театрализации” войны» (Тугенхольд, 1916, с. 119), создания «культы страдальческих красот» (Тугенхольд, 1916, сс. 119–120). Искусствовед Я. Тугенхольд исследует историю репрезентации войны в искусстве, чтобы понять, какую этическую позицию занимает автор художественного произведения, с какой целью и с помощью каких инструментов он подвергает зрителя испытанию созерцанием собственного самоистребления. Именно в таком свете «бранная эпоха» может раскрыться перед нами как «эпоха великих испытаний» (Тугенхольд, 1916, с. 4), через которые творческий человек должен пройти, не потеряв способность чувствовать чужую боль. Демонстрируя многогранность военного времени в Париже 1914–1916 гг., М. Пруст не перестаёт повторять, насколько болезненным и необратимым по своим осложнениям оно оказывается для всех: «Людам в тылу кажется, будто война – это всего лишь гигантский боксёрский поединок, за которым они могут наблюдать издали, читая газеты. На самом деле – ничего подобного. Это как болезнь, когда кажется, что отпустило в одном месте, – начинает болеть в другом» (Пруст, 2016, сс. 134–135).

Совершенно другое ощущение войны пытается передать французская писательница А. Эрно в конце XX в., сравнимое с желанием почувствовать оглушающую боль чужого, чтобы забыть свою собственную, и невозможностью оказаться задетым ею даже на мгновение в суете дел и обилии страстей современного человека: «Произошла “чистая”, как уверяла пропаганда, война, хотя на Ирак сбросили “больше бомб, чем на Германию во время второй мировой войны” (пишет сегодня

“Монд”), и очевидцы рассказывают, что во время бомбёжек дети, как пьяные, бродили по Багдаду. И все напряжённо ждут осуществления прозвучавших угроз: наземного наступления “союзников”, химической атаки со стороны Саддама Хусейна, взрыва в “Галери Лафайет”» (Эрно, 2023, с. 63). Это ощущение страха вроде бы должно вытянуть главную героиню романа из пучины страстей её приватного пространства, но ничего подобного не происходит. А. Эрно демонстрирует холодное безразличие к происходящему, которое в итоге распространится на её личное прошлое, настоящее и будущее, фрагментарно улавливаемое лишь в повествовании романа, репрезентирующего войну как фон перипетии событий отдельного человека, засыпающего в пучине личных страстей. События войны выполняют здесь ту же декоративную роль, что и «...человеческие страдания, ...бедствия войны как таковые, играют в живописи первой четверти XIX в.»: «Это лишь аксессуары героической драмы, элементы высокого стиля» (Тугенхольд, 1916, сс. 121–122).

Искусствовед Я. Тугенхольд описывает смену художественных подходов к войне, которые во многом обусловлены этическими идеалами эпохи: «Ибо каждое батальное произведение отражает собою не только индивидуальный лик создавшего его художника, но и господствующие воззрения на войну» (Тугенхольд, 1916, с. 4). Как и прежде, современное искусство увлекает «динамика сражения – его энергии, его напряжения, его повторных жестов, его живописного “ансамбля”» (Тугенхольд, 1916, с. 3). Но сегодня все больше чувствуется опасность прославления самой неприглядной сущности войны, которая лишает человека своей сущности и превращает его в «обезличенное воюющее человечество», украшенное «серо-жёлтым шлемом и серо-жёлтым сукном» (Эфрос, 1926, с. 5).

Заключение

Таким образом, *этос креативного действия* в обществе позднего модерна представляет собой достаточно гомогенное пространство ориентаций на определённый стиль жизни, который можно обозначить в качестве креативного. В нём сказывается императив и диспозитив креативности в режиме социального воспроизводства ориентации на ценность общественно значимой новизны в качестве универсальной нормы действия. Отталкиваясь от этой нормы, предполагается вариативность применения на практике правил и законов, которые объективированы в социальном пространстве и времени в форме социальных институтов, регулятивов их действия. Вариативность проявляется в распространении форм правил в вероятностном условно-сослагательном модусе, которые требуют не столько их выполнения, сколько их признания в качестве валидных. Тогда как универсальным принципом, принуждающим человека действовать в креативном пространстве, выступает его внутренняя ориентация на творческую самореализацию, которая является предметом общественной оценки.

Этос креативного пространства выражает и утверждает совокупность принципов, правил и законов, признаваемых и принимаемых в качестве нормативного основания взаимодействия в ориентации на ценность общественно значимой новизны. Его нормативность кристаллизуется в рамках *креативного института*, т. е. в объективированной в социальной действительности структуре креативной практики в её идеально-типическом представлении. Такого рода *этос креативного действия* становится предметом критики современной социальной теории по нескольким причинам. Во-первых, гомогенизация пространства форм жизни приводит к

установлению гегемонии одного из возможных стилей жизни, маркируемого категорией креативности. Во-вторых, императив креативности приводит к унификации нормативного поля поведения индивида исходя из ценностной иерархии, во главе которой находится ценность общественно значимой новизны, трактуемая как подлинность. Стремление к её достижению воспроизводит ожидание признания и завоевания публичного внимания. В то же время, вариативность трактовки ценности новизны приводит к релятивизации правил поведения в публичном пространстве, что негативно сказывается на возможности его устойчивого развития. В-третьих, форма негативной оценки действия в креативном пространстве теряет свою прежнюю значимость, так как стремление превратить креативный акт в предмет оценки делает его действительным независимо от характера самой оценки. Любого рода осуждение в этом контексте требует дополнительного оправдания возможности его реализации в бесконечном регрессе аргументов в поле дискуссий о формах и границах осуществления права каждого человека на жизнь и соответствующее ему качество.

Библиография

- Зомбарт, В. (2008). Роскошь и капитализм (Д. В. Кузницына, пер.). В В. Зомбарт, *Собрание сочинений: в 3-х т.* Т. 3. (сс. 7–238). Владимир Даль.
- Мацевич-Духан, И. Я. (2022). Феномен российского креативного пространства. *Человек в социокультурном измерении*, 1, 48–56.
- Мацевич-Духан, И. Я. (2019). О границах креативности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*, 4, 21–34.
- Пруст, М. (2016). *В поисках утраченного времени: Обретённое время* (А. Смирнова, пер.). Пальмира.
- Таунсенд, Э. (2019). *Умные города: большие данные, гражданские хакеры и поиски новой утопии* (А. Шоломицкая, пер.). Изд-во Института Гайдара.
- Тугенхольд, Я. (1916). *Проблема войны в мировом искусстве*. Издание т-ва И. Д. Сытина.
- Эрно, А. (2023). *Обыкновенная страсть. Стыд* (Н. Попова, пер.). Эксмо.
- Эфрос, А. (1926). *Поэзия войны и революции на Западе*. АИО «Огонёк».
- Ямпольский, М. Б. (2018). *Парк культуры: культура и насилие в Москве сегодня*. Новое издательство.
- Elias, N. (2017). *Über den Prozeß der Zivilisation: Soziogenetische und psycho-genetische Untersuchungen*. Suhrkamp.
- Lavin, S. (2011). *Kissing architecture*. Princeton University Press.
- Reckwitz, A. (2017). *The invention of creativity. Modern society and the culture of the new* (St. Black, transl.). Polity Press.
- Stedman, A. (2013). *Rococo fiction in France, 1600–1715. Seditious frivolity*. Bucknell University Press.

References

- Efros, A. (1926). *The poetry of the Western war and revolution*. Ogonek. (In Russian).
- Elias, N. (2017). *Über den Prozeß der Zivilisation: Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen*. Suhrkamp.
- Ernaux, A. (2023). *Simple passion. Shame* (N. Popova, Trans.). Eksmo. (In Russian).

- Lavin, S. (2011). *Kissing architecture*. Princeton University Press.
- Matsevich-Dukhan, I. (2019). On creativity limits in contemporary society. *Journal of the BSU. Sociology*, 4, 21–34. (In Russian).
- Matsevich-Dukhan, I. (2022). The phenomenon of Russian creative space. *Human in the Socio-Cultural Dimension*, 1, 48–56. (In Russian).
- Proust, M. (2016). *In search of lost time: Finding time again* (A. Smirnova, Trans.). Pal-mira. (In Russian).
- Reckwitz, A. (2017). *The invention of creativity. Modern society and the culture of the new* (St. Black, Trans.). Polity Press.
- Sombart, W. (2008). *Luxury and capitalism* (D. Kuznitsyna, Trans.). In W. Sombart, *Col-lected works in 3 Vols. Vol. 3.* (pp. 7–238). Vladimir Dal. (In Russian).
- Stedman, A. (2013). *Rococo fiction in France, 1600–1715. Seditious frivolity*. Bucknell Uni-versity Press.
- Townsend, A. (2019). *Smart cities: Big data, civic hackers, and the quest for a new utopia* (A. Sholomitskaja, Trans.). Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russian).
- Tugenhold, Ja. (1916). *The problem of war in the world art*. Izd-e t-va I. D. Sytina. (In Rus-sian).
- Yampolsky, M. B. (2018). *The park of culture: Culture and violence in today's Moscow*. Novoe izdatel'stvo. (In Russian).

Информация об авторе

Ирина Янушевна Мацевич-Духан
доктор философских наук, доцент
зав. кафедрой культурологии
Белорусский государственный университет
Беларусь, 220030, Минск, ул. Курчатова, 5
ORCID: 0000-0002-5263-2371
e-mail: iryna.matsevich@gmail.com

Information about the author

Iryna Ya. Matsevich-Dukhan
Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor
Head of the Cultural Studies Department
Belarusian State University
5, Kurchatova St., Minsk, 220030, Belarus
ORCID: 0000-0002-5263-2371
e-mail: iryna.matsevich@gmail.com

Материал поступил в редакцию / Received 09.08.2023
Принят к публикации / Accepted 24.10.2023

РЕЦЕНЗИИ | REVIEWS

[https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-284-291](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-284-291)

**Ода городу. Рецензия на:
Ијине, N. V. (Ed.). (2023). *Memories of Yerevan*. Artguide s.r.o.**

Е. Г. Маргарян

Российско-Армянский университет, Ереван, Армения
ervand.margaryan@rau.am

Для цитирования:

Маргарян, Е. Г. (2023). Ода городу. Рецензия на: Ијине, N. V. (Ed.). (2023). *Memories of Yerevan*. Artguide s.r.o. *Urbis et Orbis. Микрoистория и семиотика города*, 3(2), 284-291. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-284-291](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-284-291)

**An ode to the city. Review of:
Ијине, N. V. (Ed.). (2023). *Memories of Yerevan*. Artguide s.r.o.**

Yervand Margaryan

Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia
ervand.margaryan@rau.am

For citation:

Margaryan, Ye. G. (2023). An ode to the city. Review of: Ијине, N. V. (Ed.). (2023). *Memories of Yerevan*. Artguide s.r.o. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 3(2), 284-291. [https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3\(2\)-284-291](https://doi.org/10.34680/urbis-2023-3(2)-284-291)

Ереван – один из древнейших городов на земле, однако, несмотря на свою древность – это не городище, где под палящими лучами солнца проводят раскопки археологи – это обитаемый город, красивый город, монументальный и одновременно очень уютный. В отличие от многих старых городов, он не ветхий и не пахнет мышами и плесенью. Ереван – это не просто город, скорее, это «страна в стране», а если быть более точным, это большая страна в стране маленькой. Все, кто впервые попадают в Ереван, поражаются тому, как в маленькой маргинальной стране мог возникнуть город такого масштаба, к тому же, по своей сути, имперский. Ереван обладает неким секретом, который пытаются разгадать сами ереванцы и гости столицы, но пока что никому не удалось его разгадать. Авторы книги, редакторы и меценат, выступивший с инициативой создать эту книгу, поставили перед собой задачу разгадать загадку Еревана. Для этого были привлечены немалые силы: историки, этнографы, публицисты, театроведы, музыковеды и искусствоведы, экономисты и церковные деятели. О том, насколько им удалось решить загадку, предстоит ответить каждому, кто возьмёт в руки книгу и прочитает её. Мы же совершим небольшой экскурс по страницам роскошного сборника статей, озаглавленного «Воспоминания о Ереване».

Ответственный редактор сборника постарался продемонстрировать место Еревана в истории армянской государственности, показать, что Ереван стал столицей не вдруг, и его стремительное экстенсивное и интенсивное развитие имело предпосылки, уходящие корнями в историческое и даже доисторическое прошлое. Поэтому коллективную монографию предваряет исторический экскурс по истории Армении (“A brief overview of Armenian history”) Артака Мовсисяна, ушедшего из жизни в период работы над книгой, и самого редактора, который представляет перечень наиболее важных, с его точки зрения, дат и событий из жизни армянского народа, со времён Урарту (IX в. до Р. Х.) до наших дней (“Chronology of Armenia”). Среди ключевых дат упомянуты взятие русскими войсками Эриванской крепости (1827); открытие Ереванского университета (1921) и Госконсерватории (1923); начертание Александром Таманяном Генплана Еревана (1924); Пятидесятая годовщина Геноцида армян, вылившаяся в массовую демонстрацию молодёжи, требующей признать Геноцид на государственном уровне (1965, 24 апреля); тогда же треть населения Карабаха подписала петицию с требованием объединения с Арменией; в 1967 году состоялось открытие в Ереване мемориального комплекса (Цицернакабердский холм), посвящённого жертвам Геноцида армян 1915 года; упомянуто начало массовых демонстраций в Ереване за возвращение Армении Нагорного Карабаха (1988, февраль); массовое убийство армян в Сумгаите; массовое убийство армян в Кировабаде (ноябрь того же года); разрушительное землетрясение в Ленинанкане (Гюмри), Кировакане (Ванадзор) и Спитаке (7 декабря того же года); 1700-летняя годовщина обращения армян в христианство и 2020 – очередная Армяно-азербайджанская война.

Важной частью армянской истории, с точки зрения редактора, является обращение армян в христианство, поэтому он сразу за своей статьёй помещает статью Преподобного отца Асогика Карапетяна «Райская страна и Арарат» (“Land of paradise and Ararat”), в которой описывается история христианизации Армении и роль церкви в жизни страны. Не случайно выбрано название статьи, ведь Ереван и св. Эчмиадзин находятся практически у подножия Арарата. Арарат – это величественная и прекрасная декорация, на фоне которой разворачивается армянская

история, история Армянской церкви и Армянского государства. К сожалению, в статье говорится лишь вскользь о роли церкви в становлении Армянской государственности, но вдумчивый читатель, прочтя статью сможет увидеть то, что в ней недостаточно ясно артикулируется. Зато подчёркивается роль Армянской церкви в изобретении армянского алфавита, становлении и развитии армянской книжности и целых пластов армянской духовной и материальной культуры. В статье перечисляются важнейшие реликвии Армянской Апостольской церкви, которых немало, церковные сокровища, в 1903 году отнятые у Армянской Апостольской церкви Российскими имперскими властями, и рассказывается о церковных таинствах.

Эту тему, но весьма своеобразно, продолжает другой автор, Карен Давидов, который в своей небольшой статье «Сокровища у подножия горы Арарат» (“Treasures at the foot of mount Ararat”) репрезентирует армянскую христианскую духовность сквозь призму Параджановского эклектического искусства. Само название статьи и фрагменты из сценария незавершённого фильма заимствованы у выдающегося режиссёра.

Дальнейшее развитие тема горы Арарат, а также отбрасываемые ею на город величие и слава, получила в статье Эммы Петросян «Легенды о горе Арарат и основании Еревана» (“Legends about mount Ararat and the founding of Yerevan”). В статье на богатом этнографическом и мемуарном материале делается интересный анализ восприятия горы Арарат как коренным населением, так и многочисленными европейскими путешественниками, побывавшими в Ереване в разные периоды армянской истории. Некоторый фольклорный материал в статье публикуется впервые.

Интересный контент, преподнесённый в традициях истории повседневности, содержится в статье Армине Саргсян «Ереванские зарисовки» (“Sketches of Yerevan”). Особый колорит описываемому материалу придают старинные салонные фотографии, запечатлевшие эриванцев второй половины XIX – первой четверти XX вв.

В статье Эрны Ревазовой «Остановись и насторожись» (“Stop and beware”) рассказывается о том, как в эпоху позднего средневековья степняки-номады стали селиться в Эриване, влиять на образ жизни коренных жителей Восточной Армении, менять облик города, превращая его в застойный восточный городок, подобный большинству восточных городов той эпохи: пыльный, жаркий и неопрятный. Тут приводится сакраментальное высказывание армянского просветителя Хачатура Абовяна: «Армянская земля – тот самый Райский сад – на тысячу лет стала обителью злодеев и бандитов!». Из-за бесчинств орд тюркских варваров армяне стали покидать родные края, либо восточные деспоты региона угоняли городское население в полон, чтобы заселить ими упадочные провинции Сефевидского Ирана и Османской империи, возродить их к жизни. По этой же причине город стали обходить стороной иноземные купцы и предприниматели. Экономика деградировала. «Я... ненавижу свою землю! В конце концов, почти вся земля и вода Ереванской крепости запятнаны армянской кровью!» – пишет в своём романе «Раны Армении» Хачатур Абовян.

Все перечисленные статьи призваны продемонстрировать, что Ереван – один из древнейших городов на земле, хранящий наследие прошлых веков и одновременно устремлённый в будущее. Будучи важной частью Армянского мира, Ереван стал также одним из центров христианской духовности, опорой армянской национальной церкви. Однако сквозной идеей коллективной монографии о Ереване стала идея культуроцентричности. Так, в статье «Живые образы кинематографа» (“Living

images of cinematography”) Эммы Петросян мы вновь соприкасаемся с повседневной жизнью Эриванцев, о которой мало слышали и мало знаем. В статье рассказывается о *театре иллюзион* под названием Аполло и любви эриванского зрителя к новому, на тот период самому демократичному искусству – кинематографу. Делается короткий, но интересный разбор первых армянских фильмов, рассказывается о первых армянских киноактёрах.

Вполне логично, что после статьи об иллюзионе редактор расположил статью Марины Хачманукян «Ереванские фотографы» (“Yerevan photographers”). Статья снабжена большим количеством фотографий, передающих обаяние людей, живших в Ереване до Первой мировой войны. Как видно из названия, статья посвящена ереванским студийным фотографам (Таривероянц и др.), которые были профессионалами и создавали портреты на века, в лучших традициях салонных живописных портретов прошлых эпох. Каждая из этих фотографий – исторический артефакт, на них имеются студийные печати, вензеля и надписи с подписями запечатлённых на серебряной пластине персон, но самыми привлекательными на старых фотографиях являются лица и позы изображённых горожан. На фотографиях мы видим красивые, открытые, благородные лица отнюдь не бедных, одетых по последней моде того времени, людей. Первая мировая, изменившая миропорядок и перевернувшая мир миллионов людей, ещё не началась, Комитас ещё не помешался на почве трагедии своего народа, и мир доживал последние безоблачные годы. Запечатлённые на фотографиях люди излучают спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. Ничто не предвещает грядущие катастрофы, обнищание и деградацию моральных ценностей.

Статья Эммы Петросян «Город и его обитатели» (“The Town and its Townspeople”) посвящена той же теме и тесно перекликается со статьёй Марины Хачманукян. Она тоже предлагает визуальный ряд студийных фотографий и городских сценок, что представляет безусловный интерес с точки зрения истории городской повседневности, иначе говоря микроистории.

Интересный ракурс микроистории города выбрал Айк Демоян, пытающийся в своей статье (“Yerevan through postcards”) прочесть историю Еревана через чёрно-белые почтовые карточки (открытки) с марками, гашёными штемпелями имперской почты. На открытках изображены достопримечательности старого Еревана, большинство из которых не сохранились до наших дней, поскольку были снесены либо до неузнаваемости перестроены в годы советской власти.

История города была бы неполной без статьи, посвящённой экономической жизни города. Так, статья Армине Саргсян называется «Промышленность в Ереване в конце XIX и начале XX веков» (“Industry in Yerevan in the late 19th and early 20th centuries”). В статье рассказывается о производимой в Эреване и Эриванском уезде водке, коньяке, минеральной воде, пиве и даже рисе. В Эриване действовали многочисленные фабрики, завод–изготовитель и мастерские, перерабатывавшие виноград, фрукты и воду; установки для фильтрации спирта; консервные заводы; пивоваренные заводы; производители минеральной воды; чугунолитейные заводы; установки для очистки хлопка; кожевенные заводы; очистители риса; мукомольные заводы; маслопрессы; в Эриване было немало кирпичников, гончаров – производителей извести; мыловаров, ковроделов и др. Развитие коммуникаций, особенно строительство железных дорог, благоприятствовало развитию экономики

и другим сферам жизни в регионе, позволяло освоить новые рынки, увеличить экспорт и импорт.

Ереван был административным центром Эриванской губернии и это не могло не отразиться на облике города. Из пыльного захолустного городка с восточным хабитусом, в конце XIX – первой четверти XX вв. Ереван постепенно стал превращаться в город современного типа, с брусчатыми мостовыми, дренажем, ночным освещением, электричеством, почтой, телеграфом, ж.-д. станцией, фаэтонами и кабриолетами. Претерпели изменения жилые и казённые строения центра Эривана.

Мариетта Гаспарян в своей статье «Искусство старых мастеров» (“The Art of the Old Masters”) рассказывает об изменениях в области архитектуры. Преобразования затронули мировоззрение, форму и функции, композиционные, стилистические и типологические характеристики зданий, принципы градостроительства, а также отразились на строительных технологиях. Свежие потоки универсальных европейских тенденций переплетались с национальными элементами, втягивая армянскую архитектуру в русло западных представлений о культуре, а также делая её частью истории мировой архитектуры. Эти тенденции во многом были обусловлены осуществляемыми в крае административными, политическими и экономическими реформами. Однако статус окраинного губернского городка не позволял изменениям выходить за рамки центральной части города.

Ереван оставался заштатным городком и после установления советской власти, пока в 1936 г. не была упразднена ЗСФСР и Ереван не стал столицей Армянской ССР в составе СССР. Начиная с этого времени Ереван выравнивается в статусе с Тбилиси (до 1936 г. назывался Тифлисом), Минском, Киевом, Ташкентом и др. столицами союзных республик. Более высокий статус обеспечил больше самостоятельности и простора для самовыражения. После периода долгого застоя начинает интенсивно претворяться в жизнь утверждённый ещё в апреле 1924 г. Генплан Таманяна. Начинается активная застройка Еревана. Об изменениях в планировке города и его стремительном преображении рассказывается в заключительной части статьи Мариетты Гаспарян, посвящённой Генплану Еревана.

В следующей статье «Genius loci (Ангел хранитель) Еревана» (“Genius loci (The Guardian Angel) of Yerevan”) Марк Григорян рассказывает о мультикультурализме Еревана, который на протяжении столетий был городом со смешанным населением, которое исповедовало христианство и ислам. Поэтому в городе было много культовых объектов, принадлежащих к разным религиям и конфессиям. Эти культовые сооружения определяли облик Еревана, придавая ему особый колорит.

Город часто посещали европейские путешественники и католические миссионеры, которые пытались сделать местных христиан адептами Римской Католической церкви. Однако они не преуспели. Лишь небольшая часть армян приняла католицизм, большая часть осталась верной вере отцов. Об этом повествуется в короткой статье Меружана Карапетяна «Миссия невыполнима» («Mission impossible»).

Повседневная жизнь в старых городах состояла из множества праздников – церковных, карнавализованных, уходящих корнями в архаические времена, бытовых праздников и посиделок. Ереван не был исключением. Существовал запрет на работу по воскресеньям и праздникам, в день именин русского царя и др. Несмотря на более чем полутора тысячулетнюю историю христианства, народ

продолжал справлять дохристианские праздники и ритуалы, которые Армянская церковь была вынуждена включить в свой официальный циклический календарь. Этому феномену в жизни Еревана и ереванцев посвящена очередная статья Эммы Петросян «Праздники в Ереване» («Holidays in Yerevan»).

В статье Сейрануш Манукян «Ереван – сокровищница национальных ценностей» («Yerevan – a trove of national treasures») рассказывается о памятниках зодчества, хачкарах, барельефах и скульптурах, средневековых армянских манускриптах и миниатюрах средневековых армянских художников.

Внучка выдающегося художника Мартироса Сарьяна (1880–1972), Рузан, посвятила свою статью «Ранний ереванский период Мартироса Сарьяна» («Martiros Sarian's early Yerevan period») деду. В статье рассказывается о том, как уже известный на Западе и в России художник оставил комфортную жизнь и переехал на постоянное место жительства в Ереван. Он был одним из первых армянских интеллигентов в 1921 году, откликнувшись на приглашение правительства Советской Армении, и с семьёй переехал на родину. Этому судьбоносному решению во многом поспособствовало то, что республикой в это время управлял его друг и земляк из Новой Нахичевани (ныне Нахичевань-на-Дону), народный комиссар Армении Александр Мясникян. Сарьян принимал активное участие в организации культурной жизни республики. Он создал герб Арм. ССР и оставил глубокий след во всех сферах армянской культуры. Но, пожалуй, величайшая заслуга Сарьяна в том, что в своих полотнах он создал новый образ Армении, яркий, красочный и солнечный, чуточку идеализированный и, как это было характерно для той эпохи, проникнутый оптимизмом и верой в завтрашний день. Именно в этом нуждалась страна, вышедшая из горнила Первой мировой, Геноцида, серии войн с врагами и друзьями, потери суверенной государственности.

В статье Рузан Сарьян «Дома музеи Еревана» («House-museums of Yerevan») говорится о том, что дома-музеи стали своеобразным лицом Еревана. Это дома, в которых жили выдающиеся деятели армянской культуры. Не все они родились в Ереване, но под конец жизни они стали подлинными ереванцами, его лицом и визитной карточкой. При их жизни армянское государство выделяло в пожизненное пользование им и их потомкам дома и особняки (при условии, что те не будут отчуждаться владельцам и всё, что в них есть, останется во владении государства). Так великие художники, поэты, композиторы и всё, что с ними связано, стали ещё при жизни экспонатами своих музеев и с удовольствием, особенно на склоне лет, несли это бремя. Сегодня в этих музеях можно не только соприкоснуться с предметами, окружавшими выдающихся людей своего времени, но и окунуться в их мир, соприкоснуться с ушедшими эпохами в самых разных их проявлениях. Сама Рузан Сарьян родилась и выросла в таком доме-музее и замужем за внуком Аветика Исаакяна, Авиком Исаакяном, также родившимся и выросшим в таком доме-музее, поэтому выбор автора статьи по данной теме отнюдь не случаен, в силу её погружённости в данную тему.

Статья Марианны Тигранян «Три ветви армянской музыки» («Three branches of Armenian music»), как свидетельствует само название, посвящена различным направлениям армянской музыки прошлого и наших дней. Особый интерес, с точки зрения истории Еревана представляет заключительная часть статьи, посвящённая становлению музыкальной жизни Еревана в современном понимании этого слова.

В том же ключе написана статья Армена Будагяна «Музыка и концерты в Ереване, 1920-е и 1930-е годы» («Music and concerts in Yerevan, 1920s and 1930s»). В ней рассказывается о первых симфонических оркестрах, первых квартетах и квинтетах, их руководителях, о первых оперных постановках и композиторах, которые впервые написали свои произведения не в Тоскане, Санкт-Петербурге, Тифлисе или Александрополе, а в Ереване.

Статья Эммы Петросян «Канатоходцы и акробаты» («Tightrope walkers and acrobats») посвящена Ереванскому цирку и истории армянского циркового искусства. Прослеживается история армянского цирка с древнейших времен, когда он был ещё бродячим, вплоть до наших дней, когда в Ереване появился стационарный современный цирк.

Статья Ани Данстер-Арутюнян «Армянские театры от Константинополя до Еревана» («Armenian theater: from Constantinople to Yerevan») продолжает начатую Эммой Петросян тему, повествуя о жизни армянских служителей Мельпомены в разных городах, в разные периоды армянской истории. Ереванские театры стали своего рода вершиной армянской театральной жизни, в самых разных своих проявлениях. Не случайно в Ереван устремились театральные деятели из разных стран. Именно в Ереване и в Ленинакане (Гюмри) в полной мере раскрылся их талант и воссияла звезда их таланта.

Очередная статья Эммы Петросян «Городская танцевальная культура в конце XIX и начале XX веков» («Dance culture in the city in the late 19th and early 20th centuries») является логическим продолжением предыдущих статей сборника, посвящённых искусству, разворачивающемуся на подмостках. Она завершает серию статей о Ереване и людях, создававших его. Ведь, согласно историку Фукидиду, «город – это люди, а не стены». Это мужчины и женщины, люди разных возрастов, социального происхождения и национальностей. Ереван – это ереванцы, с их повседневной жизнью, с их взлётами и падениями, с их достижениями и провалами. Всё это наша жизнь, наша судьба. Об этом книга «Воспоминания о Ереване», пожалуй, первая книга такого рода.

Идея создания этой роскошной книги принадлежит армянскому патриоту, гуманитарному и общественному деятелю, меценату и энергичному организатору сбора средства на этот амбициозный проект, Армену Дарбиняну, вложившему в эту монографию не только большие средства, но и саму душу. Без его организаторских способностей и настойчивости в достижении даже самых сложных целей, а также умения найти и поставить во главе проекта нужного человека, эта книга не обрела бы плоть и кровь.

Важно отметить вклад известного русского искусствоведа, потомка первой волны русской эмиграции, в числе других своих активностей советника директора Эрмитажа Николаса Ильина. Он является издателем серии книг о городах, в частности, *Memories of Tbilisi*, *Memories of Baku*, *Memories of Odessa*. Все эти прекрасные книги несут в себе просветительскую миссию. По замыслу издателя, они призваны ознакомить англоязычного читателя с историей и сегодняшним состоянием этих городов. Сам жанр «биографии города» в некоторой степени предполагает восхваление и даже идеализацию описываемого города. Это относится к биографии всех вышеупомянутых городов, особенно их далёкого достославного утопического прошлого. Это относится и к книге «Воспоминания о Ереване»: авторы не поскупились на яркие краски при написании полихромного и эклектичного образа Еревана,

однако всё, что написано в монографии – хоть и слегка приукрашенная, но, по большому счёту, правда. При планировании этого амбициозного проекта, его инициаторы – издатели, редакторы и меценаты, поставили перед собой цель – превзойти все похожие проекты, предшествующие коллективной монографии о Ереване. Что ж, даже поверхностный взгляд позволяет сделать вывод о том, что это им удалось.

Огромную роль в претворении этого проекта в жизнь сыграла ответственный редактор и один из авторов этого сборника Эрнэ Ревазова. Нелегко работать с разными и не всегда простыми авторами. Долготерпение и кропотливый, трёхлетний труд Эрны Ревазовой позволили довести до логического завершения инициированный проект и явить читателю книгу об одном из древнейших и красивых городов. Необходимо отметить и ненавязчивый вклад Армена Дарбиняна, который не дал сборнику «расползтись», обеспечил целостность структуры коллективной монографии, что придало ей осмысленный и законченный характер. Особо хотелось бы отметить достойный полиграфический уровень.

Помимо огромного количества несомненных достоинств, главным среди которых является ереванский патриотизм авторов статей и мецената, нельзя не отметить и один, с нашей точки зрения, недостаток: в сборнике не нашлось места для важнейшей и, пожалуй, на сегодняшний день самой актуальной парадигмы – Еревана как политического центра всех армян и станового хребта *армянской государственности*.

Всегда можно придаться к человеку, который что-то делает, творит, и, конечно, всегда можно придаться к его творению. Однако нельзя не признать, что перед нами особая книга об особом городе, которую сотворили особые люди. Все, кто принимал участие в её создании заслуживают особой благодарности. Этот проект может и должен иметь продолжение, причём он может разрастаться вглубь и вширь, например, охватить другие города, такие как Александрополь-Леникан-Гюмри, (армянский) Тифлис, Лос-Анжелес и др.

Информация об авторах

Ерванд Грантович Маргарян
доктор исторических наук, профессор
директор института гуманитарных наук
Российско-Армянский университет
Армения, 0025, Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123
ORCID: 0000-0001-7396-2399
Web of Science ResearcherID: ABH-2113-2021
Scopus AuthorID: 57202683981
e-mail: ervand.margaryan@rau.am

Information about the authors

Yervand G. Margaryan
Dr. Sci. (Historical Sciences), Professor
Director of the Institute of Humanities
Russian-Armenian University
123, Hovsepa Emina St., Yerevan, 0025, Armenia
ORCID: 0000-0001-7396-2399
Web of Science ResearcherID: ABH-2113-2021
Scopus AuthorID: 57202683981
e-mail: ervand.margaryan@rau.am

Материал поступил в редакцию / Received 17.10.2023
Принят к публикации / Accepted 24.11.2023

РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

URBIS ET ORBIS

МИКРОИСТОРИЯ
И СЕМИОТИКА ГОРОДА

2023 | Том 3 | № 2